

Михал Черноушек

Психология жизненной среды

Москва «Мысль» 1989

ББК 88.5
Ч-49

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
ФИЛОСОФИИ

Michal Černoušek

PSYCHOLOGIE
ŽIVOTNÍHO
PROSTŘEDÍ

Horizont Praha 1986

Перевод с чешского
канд. ист. наук И. И. Попа

Черноушек М.

Ч-49 Психология жизненной среды/Пер. с чеш.
И. И. Попа. — М.: Мысль, 1989. — 174, [2] с. —
(Человечество на пороге XXI века).
ISBN 5-244-00305-4.

В книге рассматриваются многосторонние взаимосвязи человека с окружающей средой. Какие импульсы жизненной среды оказывают как негативное, так и позитивное влияние на людей, их здоровье, работоспособность, настроение, психологическое состояние, а также на их взаимоотношения и поведение? Книга пропитана заботой о создании более благоприятной жизненной среды для детей. Автор использует обширный материал из области медицины, психологии, экологии и других наук. Язык книги прост, что делает ее доступной для массовой аудитории.

Ч 0301010000-028 54-89
004(01)-89

ББК 88.5

© PhDr. Michal Černoušek, 1986

© Перевод на русский язык
Вступительная статья
Издательство «Мысль». 1989

ISBN 5-244-00305-4

Вступительная статья

Уже название этой книги говорит, что она необычна. «Психологии окружающей среды, или экологической психологии, как отрасли науки с четко выраженными чертами до сих пор нет» (С. 25), — правильно утверждает Михал Черноушск. Что должно изучать предлагаемое им направление, какие решать проблемы?

Пока еще трудно ответить на эти вопросы. И все же можно предположить, что психологическая экология — это научное направление, изучающее пути нормализации психологических воздействий на человека со стороны природной среды, искусственной жилой и рабочей среды, социальной среды, а также внутренней среды самого человека с ее телесным и духовным содержанием. Впечатление от тяжеловесности данного нами определения разветается при чтении этой увлекательной и умной книги.

Думает ли сейчас кто-либо о психологическом влиянии окружающей среды на нас с Вами, читатель? Способности человека видеть, слышать, осязать пространство, работая в нем, психологи изучали издавна. Это было нужно развивающейся авиации, космонавтике, обновляемой промышленности, чтобы эффективнее использовать возможности людей. Но как изменяется психика вовлеченного в труд человека под действием рабочей среды? На этот вопрос пока нет исчерпывающего ответа. Архитекторы привлекали психологов для создания удобных квартир, домов, городов. Но как оградить психику горожан от града «ударов», наносимых плохой планировкой домов, городской толчеей и изнуряющим шумом? Это до сих пор не ясно. Социальные психологи немало пишут о развитии личности, об улучшении человеческих взаимоотношений, но редко связывают это с влиянием на людей пространственной среды.

М. Черноушск привлекает внимание читателей к тому, что психику человека надо защищать от все усиливающихся воздействий на нее рабочей и город-

ской среды, и убедительно показывает, что к решению этой задачи нужно подходить комплексно, объединяя усилия многих специалистов.

Можно надеяться, что книга М. Черноушека привлечет многих читателей под знамя экологической психологии потому, что в ней, пожалуй, впервые комплексно, в научно-популярной форме представлено это новое направление науки, и еще потому, что книга написана увлекательно, как говорится, на одном дыхании.

В книге четыре главы. Первая посвящена доказательствам того, что пришло время взвесить и хорошее, и плохое из того, что дает человечеству современная индустриальная цивилизация. М. Черноушек на простых примерах убедительно показывает, что среда, в которой живет человек, различными путями воздействует на его психику. Во второй главе рассказывается, как люди воспринимают это воздействие. Опираясь иногда на хрестоматийные, хорошо известные данные, но чаще на новые, современные исследования психологов, автор показывает, сколь сложны и многогранны представления человека о мире, в котором он живет. В третьей главе говорится о том, как человек воспринимает самое важное для него из того, что существует во внешнем пространстве,— других людей и их воздействия друг на друга. Последняя, четвертая глава посвящена детям: как помочь маленькому человеку войти в мир взрослых, как уберечь восприимчивую психику ребенка от преждевременных психологических перегрузок? Воспитывая детей, мы формируем будущее с его пространственной средой, в которой будут жить наши внуки и правнуки. Автор книги пользовался экспериментальными данными, которые содержатся в трудах западных психологов. Однако хотелось бы отметить, что многие аналогичные научные материалы публиковались в работах и советских ученых.

Теперь, читатель, прежде чем Вы откроете первую страницу книги М. Черноушека, давайте познакомимся с проблемами экологической психологии, но не в том порядке, как они изложены им. Попробуем пройти по жизненному пути человека начиная с раннего детства через зрелые годы к неумолимой старости. При этом обратим внимание на некоторые психологические особенности пространства, в кото-

ром живут и работают люди, на «пространство» межчеловеческих отношений. Попытаемся представить ощущения внутреннего «пространства» человеческого тела и его души, чего не касался М. Черноушек. Обсудим, как возникает стресс при нарушении гармонии между внутренним «пространством» человека и внешним «пространством» его жизни. Наконец, обратимся к вопросу, что такое старение, если взглянуть на него с позиций психологической экологии.

Глава книги о *влиянии среды на ребенка*, пожалуй, самая яркая. Она написана страстно, с большой заинтересованностью в благополучии маленьких граждан и заботой о создании для них условий, максимально способствующих развитию.

М. Черноушек обращает наше внимание на то, что с момента зачатия человеческого зародыша на него влияет окружающая среда. Он подвергается не только физическим и химическим воздействиям (помня об этом, женщина задолго до зачатия не должна курить, употреблять алкоголь), но и психологическим влияниям. «Симфония Бетховена слышна в лоне матери так же, как за тонкой стеной панельного дома» (С. 155). Это обстоятельство до сих пор не учитывается в обыденной жизни, в быту, да и в научных рекомендациях для беременных женщин. Однако у многих народов не случайно существуют обычаи ограждать беременных от неприятных чувств, от нервных потрясений. Считается, что младенцу еще в период утробного развития может повредить, если его мать испугается, увидев что-то страшное, уродливое. В Древней Греции существовал обычай поселять беременных в садах со скульптурами красивых женщин и мужчин. Считалось, что это способствует формированию красивого ребенка.

Научные исследования показывают, что ребенок в утробе матери реагирует на внешние звуки, в частности на ее пение. Ученые предполагают, что на поздних месяцах беременности происходит «подготовка» плода к овладению речью после рождения. Нервную систему плода «готовят» звуки голоса матери. Поэтому нельзя не согласиться с Черноушекком в том, что «новорожденный должен быть с матерью постоянно» (С. 161). Помещение новорожденных отдельно от матерей, тем более кормление их в первые

дни жизни не материнским молоком, а специальными детскими питательными смесями отрицательно сказывается на их здоровье и развитии. Сейчас все больше роддомов, в которых матери не разлучаются с детьми и кормят их своим грудным молоком.

Наилучшую среду для младенца создает мать с ее заботой и любовью. Ребенок, сформировавшийся в материнской утробе, не должен после рождения надолго отлучаться от мамы. Существует много свидетельств ученых в пользу утверждения М. Черноушка о том, что ранняя оторванность ребенка от матери «порождает психопатологические явления, оказывающие большое влияние на формирование личности эмоционально обедненного существа, которое не может найти необходимую для нормального развития среду, так как с самого начала было лишено основных эмоциональных отношений между ребенком и матерью» (С. 163).

Не только материнская защита и поддержка, но и активность самого ребенка необходима для его нормального развития. «Самые разные детские игры, основанные на имитации и всем известном «как будто», являются не чем иным, как овладением реальностью, т. е. окружающей средой, на грани фантазии и действительности», — пишет Черноушек (С. 165). Он считает, что активное узнавание пространства начинается со знакомства ребенка с возможностями своего тела. Младенец кричит, агукает и при этом слышит себя. Его губы и язык ощупывают друг друга. В эту игру вступают руки и ноги. Ребенок изучает географию своего тела, исследует свои конечности и отверстия. Изучая себя, он получает самые первые сведения, на основе которых в последующем формируются представления о себе как о «я»; как о центре пространства. Освоение первых намеков на «я» происходит рядом с мамой или у нее на руках, т. е. в маленьком, безопасном мире.

А если мамы подолгу нет или нет совсем? Тогда знакомство с собой, первые крупинки будущего «я» возникают в большом, незащищенном, а может быть, и в страшном мире «без мамы». Тогда зачатки личности, характера, стремлений, воли формируются как бы замешанные на чувстве незащищенности, на детских страхах, пронизывающих маленькое существо. Такие дети часто впадают в пассивность и безразли-

чие, за которыми скрывается боязнь активных действий, боязнь столкновения с опасностью без материнской опеки. В душе маленького человека навсегда затаивается боязнь мира, формируется готовность к уходу либо в пассивность, либо в агрессию. Мы вкратце рассмотрели, как протекает начальный период развития младенца в присутствии матери и без нее.

Далее ребенок осваивает мир игрушек. Нормально, когда этот маленький мир защищен большим миром, в котором есть мама, папа, другие знакомые и добрые люди. Игрушки — это «пришельцы» из мира взрослых. На них можно проверить свои способности видеть, хватать, лизать, бросать. Мама возвратит отброшенную игрушку и, улыбаясь, что-то скажет. С помощью игрушек ребенок знакомится с отношением взрослых к нему, проверяет их доброту, ощущает свою защищенность.

Как известно, семейный уклад бывает разным. В одних семьях вся квартира одинаково используется всеми членами. Такую семью называют «открытой». В других — «закрытых» — семьях есть кабинет отца, комната бабушки, свои места для игр и школьных занятий у ребенка, где он сам поддерживает порядок. Сторонники «открытых» семей полагают, что их уклад способствует формированию творческой личности, не стесненной излишними запретами. Сторонники «закрытых» семей утверждают, что их уклад формирует у ребенка представление о порядке, укрепляет волю, подготавливает его к взрослой жизни.

Эстонский психолог Томас Нийт пишет о том, что для развития активного, волевого человека нужно, чтобы жизнь ребенка была разнообразной и, главное, чтобы ребенок принимал участие в выборе покупок для него, в организации семейных мероприятий и т. д. У ребенка при этом должна быть своя территория в доме (комната или место для игр, учебы). Это помогает интеллектуальному развитию и духовному формированию детей.

Психологи обнаружили, что тесное жилье и тем более большая скученность проживающих в нем людей могут быть одной из причин неправильного психического развития ребенка. Дети, живущие в таких домах (особенно если это перенаселенные детские дома), часто более агрессивны, чем их сверстники,

воспитывающиеся в сравнительно благоприятных условиях.

При высокой плотности проживания у детей школьного возраста нет возможности побыть наедине со своими мыслями, чувствами. В таких помещениях постоянно сильный шум от детских криков, возни, беготни и потасовок. Некоторые дети из-за этого становятся неудержимо подвижными, неусидчивыми. Успеваемость и интеллектуальное развитие при скученности детей снижаются, оказывается обедненным набор слов, которыми они пользуются в разговоре со взрослыми и тем более между собой, уменьшается способность контролировать и оценивать свои поступки.

В переполненных детских садах и яслях многие дети малоподвижны. Они вяло играют, равнодушны, плаксивы.

Психологи И. Альтман и Дж. Волвил установили, что дети реагируют на окружающие условия более непосредственно, чем взрослые. Дети менее зависимы от символов культуры и опыта, которые у взрослых могут исказить и сдерживать реакцию на внешнюю обстановку.

Дети более подвержены вредным влияниям среды и нуждаются в большей защите от них. Многие факторы среды, пишет эстонский психолог К. Лийк, такие, как шум, большая плотность заселения, вредны в раннем детском возрасте, когда человек еще не приспособился к ним. Поэтому нужно с большим вниманием, со знанием научных рекомендаций проектировать детские спальни, комнаты для игр, защищать от городского шума детские площадки во дворах. Приверженность к месту, где прошли детские годы, сохраняется на всю жизнь. Бывает, что в преклонном возрасте человека, давно уехавшего из родимых мест, вдруг охватит непонятная тоска при воспоминании о детстве и потянет в места, где оно прошло.

Мы изменяемся и телом, и душой, ежедневно взрослеем, проходя то легким, то трудным путем по *жизненному пространству*. Это и реальное пространство города, села, и «пространство» раздумий, печалей, веселья, обид и любви. Внешний мир действует на человека разными способами. Говоря о них, М. Черноушек обращает внимание на важное об-

стоятельство. «В то время, — пишет он, — как физическое, химическое и биологическое влияние окружающей среды на человека сравнительно хорошо изучено и зафиксировано, о психологическом влиянии среды на ее создателя — человека мы знаем значительно меньше. Тем не менее психологическое влияние на человека созданной им среды является очень значительным. Мы часто этого даже не сознаем. В перспективе это представляется *ключевой проблемой всей экологии...*» (С. 35).

Возникает вопрос: до какой степени человечество может отрываться от естественной, первозданной природы, на лоне которой оно возникло и существовало многие тысячелетия? Во время служебных отпусков люди чаще всего решают этот вопрос однозначно: возвращаются хотя бы на время из городов к лесам и полям, на морские пляжи или к заснеженным елкам, если отправляются в отпуск зимой. В дополнение к этому горожане и сельские жители «впускают» природу в свой дом. Это и цветочные горшки на окнах, и собака на поводке, и кошка — любимица семьи. Социологи и врачи обнаружили, что в семьях, где есть домашние, вернее, квартирные животные, меньше болеют и дружнее живут.

Обычай держать в доме животных очень древний. В деревнях это спасало молодняк от морозов. В глубокое древности животных держали в доме, чтобы, как считали тогда люди, четвероногие собратья могли быстрее понять, что от них нужно людям, т. е. как одомашниться. Еще и для того, чтобы легче было отбирать более доверчивых к людям животных. Такие выводы сделали этнографы, изучив быт одного из самых удивительных народов нашей страны — сванов, жителей высокогорного района Кавказа. Столетиями за стенами неприступных снежных хребтов они сохраняли один древний обычай, раньше распространенный во многих местах. В каменном сванском доме вдоль стен стоит длинный «шкаф» с рядом окошек, разукрашенных резным орнаментом. Через эти окошки можно в «шкаф» заглянуть. Но смотрят не в него, а из него... многочисленные коровы, быки, лошади, живущие всю зиму в этом своеобразном стойле-шкафу. А зима в горах длинная. И животные долгое время, из года в год могут как бесстрастные или заинтересованные зрители наблю-

дать жизнь людей, протекающую перед их взорами в большой комнате, озаренной светом очага, горящего на каменных плитах пола. У сванов существует обычай в определенный день года совершать ритуальные... «волшебные» действия, разыгрывая в комнате, на виду у животных, сцены из их жизни, как бы показывая им, что они должны делать, чтобы угодить своим хозяевам.

Можно с уверенностью сказать, что жизнь под непрерывным «наблюдением» скота, как на арене своеобразного домашнего стадиона, приучает сванов с детства более ответственно и умело относиться к животным, да и... к своему поведению. Это пример пришедшего из древности сосуществования людей и животных как представителей естественной природы в искусственной среде жилища людей.

Планируя интерьеры общественных зданий, дизайнеры все чаще вводят в них живые цветы в причудливых керамических вазах, зеленые травяные газончики, сухие деревья, как бы потерявшие осенью листву, иногда щебечущих птиц и даже клетки с животными.

Природа в доме — это хорошо. Но главные действующие лица в нем — люди. Пространство квартиры, как только в нее вселяется человек, начинает действовать на него. Мебель и интерьер квартиры оказывают психологическое влияние на людей в те часы, когда они особенно восприимчивы к этому. После трудового дня, после обязательного общения с сослуживцами, после неизбежной уличной толчеи человек, вернувшись домой, расслабляется, снимает забрало психологической защиты. В эти часы пространство дома, социальное пространство семьи — близкое, доброе, родное — оказывает не всегда заметное для самого человека, но мощное восстановительное влияние. Если же интерьер квартиры сделан не «для души», а для того, чтобы «у нас было не хуже, чем у других», если взаимоотношения в семье сухие или, хуже того, нервные, грубые, в таком доме каждый из членов семьи оказывается как бы попавшим в западню. Он снял психологическую защиту, и все плохое обрушивается на его психику, терзая и еще больше ослабляя ее. Беспорядок неприбранной квартиры — это и показатель, и причина беспорядка в жизни семьи. У многих народов главное правило

домоводства — сохранять чистоту в доме. Вероятно, чтобы это правило стало непререкаемым, на Востоке есть поверье, что в грязи, если она не вымыта из углов комнаты, обязательно поселится дьявол и будет мешать жить людям.

Облик человека виден во всех его творениях, сделанных им для себя. Стул — это отпечаток пропорций тела сидящего человека. Многие люди значительную часть дневного времени соприкасаются с разными стульями. Наверное, поэтому М. Черноушек посвятил стулу как одному из элементов искусственной среды человека вдохновенную «поэму в прозе». На примере стула он показал, как, казалось бы, простые предметы быта становятся источниками психологического влияния на людей. Стул использован автором книги как отправная точка для путешествия по жизненному пространству человека. Дальнейшие зоны этого пространства: дом, город, мир — рассеяны по страницам книги. Но от этого они не становятся менее значимыми при описании психологического пространства автором, глубоко заинтересованным в том, чтобы оно помогало жить людям приятно и долго.

Окружающее человека *пространство наполнено звуками* — приятно волнующими, безразличными, пугающими... Мало кто из людей не среагирует на смех или плач. Почти у каждого крик ребенка вызывает острое желание помочь ему. Монотонный звук дождя усыпляет. А если его усилить до звука, издаваемого в заводском цехе станками или вереницей несущихся самосвалов? Это уже, как пишет М. Черноушек, «звуковые отходы» (С. 51), которые неизбежно несет с собой технический прогресс. Можно не соглашаться с тем, что такие «отходы» всегда будут неизбежны. Надеемся, что они — одно из проявлений «болезни роста» нашей индустриальной цивилизации. «В настоящее время, — огорчается Черноушек, — жители городов уже и представить себе толком не могут, что такое тишина» (С. 51).

Шум портит настроение. А если его приходится терпеть, не имея возможности ни уйти от него, ни прекратить, то он вызывает стресс и даже агрессивное состояние. Но это, по нашему мнению, возникает не «в результате того что шум разрушает состояние равновесия человека», как пишет М. Черноушек

(С. 55). В животном мире громкий шум — это сигнал опасности, побуждающий к бегству, а если оно невозможно, то к борьбе с опасностью, т. е. к агрессивности. Отголоски биологических рефлексов могут при шуме проявиться и в поведении человека. Кроме того, если шум не настолько силен, чтобы испортить слух, но все же действует длительное время, то он неминуемо вызывает нежелательные физиологические и психологические реакции. Люди среднего и старшего возраста хорошо знают чувства утомления, душевного опустошения, разбитости, довольно скоро возникающие в шумной обстановке, если в ней приходится бывать ежедневно и подолгу. Исследователи обнаружили, что длительный шум — одна из важных причин возникновения равнодушия между людьми, притупления чувств.

Много дискуссий вызывает молодежная «рок-культура». Один из ее атрибутов — очень громкое звучание рок-мелодий, воспроизводимых современной электронно-акустической аппаратурой. В зале, где звучит современный рок, начинает казаться звучащим все пространство. Вибрируют кресла, звуки рока чувствуются в груди, в животе, в голове. Черноушек делит людей на два типа по их отношению к шуму. Первые — чрезмерно чувствительны к нему. Им шум неприятен. Вторые — могут стать «зависимыми» от шума. Для них, как предполагает Черноушек, шум может стать не только привычным, но и необходимым, подобно наркотику. Отсюда напрашивается предположение, что концертное исполнение рок-музыки оказывает наркотическое воздействие на многих молодых людей. Попытки подобного объяснения увлечения роком представляются несерьезными.

Психологические исследования показали, что громоподобность рока у многих молодых людей вызывает ощущение прилива энергии, пробуждения. При этом может повышаться восприимчивость к эмоциональным воздействиям: и к добрым, и к недобрым. Легче пробуждаются агрессивность и сексуальность. В этих целях авторы и исполнители рока нередко используют и ритм, и характер движения, да и содержание песен.

Сейчас все чаще молодые люди уносят из переполненных залов звуки рока в маленьких стереофо-

нических магнитофонах с парой миниатюрных наушников. Эти устройства могут создавать иллюзию волшебного звучащего мира, оторванного от музыкальных инструментов. Это явление Черноушек назвал «шизофонией» (от греческого «схизо», «шихо» — разделяю, расщепляю и «фоне» — звук). Достоинства стереофонически звучащего музыкального произведения зависят от таланта композитора и исполнителей; они становятся похожими на архитекторов, строящих музыкальное пространство, в котором звучащие образы летают, растут или уменьшаются, переплетаются, кажутся окрашенными во все цвета радуги, искрящимися. Создается чарующее иллюзорное пространство. Конечно, оно уводит человека от реальности с ее заботами, победами и поражениями. Вопрос в том, зачем уводит: чтобы эмоционально и интеллектуально обогащенный, отдохнувший человек с радостью и энергией вернулся к решению реальных проблем повседневной жизни либо чтобы он потонул, потерялся в приятных снах, в рок-музыкальных видениях? При решении этой проблемы на первом месте оказывается не только талант, но и идеология создателей рок-музыки.

Для человека орудия труда стали частью своеобразной искусственной среды, *пространством работы*, не только расширяющим его возможности, но и отделяющим его во время труда от непосредственного соприкосновения с естественной природой. Мотыгами, палками и топорами дело не ограничилось. С помощью одомашненных животных люди более эффективно обрабатывали землю, переносили тяжести, вращали ворота, приводя в движение различные механизмы. Так к неодушевленным орудиям труда были присоединены живые силы природы.

На всех этапах «человечество, — пишет М. Черноушек, — начало не только интенсивно эксплуатировать природу, но в конечном итоге и преобразовывать ее практически в искусственную среду, т. е. среду, созданную человеческими руками» (С. 28). Изменялись психология людей, их взгляд на окружавшее их во время работы пространство. Оно как бы разделилось на оставшуюся неподвластной человеку естественную природную среду и на рабочее пространство.

Здесь мы должны обратить внимание на серьезный недостаток книги М. Черноушека. Говоря о пси-

хологическом влиянии «искусственной среды», он замечает лишь те воздействия, которым подвергается человек, находясь дома, на улице города. Автор ставит читателя в положение лишь экскурсанта в современном мире. Но каждый взрослый испытал и еще будет испытывать воздействия рабочей среды. Всем, наверное, известны рабочие пространства фабричного цеха, лаборатории, кабинета, фермы и других мест, где трудятся люди. Давайте восполним указанные упущения автора и рассмотрим примеры рабочего пространства, которое было создано людьми на самом последнем этапе развития техники.

Первый пример — рабочее пространство пилота современного самолета.

В отличие от человека, работающего в здании, прочно стоящем на земле, пилот самолета должен представлять, где в каждую данную секунду находится стремительно летящий серебристокрылый лайнер. Особенно важно знать пилоту, где Земля, силой гравитации притягивающая к себе самолет и всегда угрожающая разбить его о свою поверхность.

При перегрузках, часто возникающих в кабинах современных самолетов, в полетах ночью и в облаках бывает трудно, а иногда невозможно, не пользуясь специальными приборами, определить, где Земля, т. е. где истинные «верх» и «низ». На Земле эти направления без труда определяются по ощущению силы тяжести. Каждый, не задумываясь, знает: куда меня тянет — там «низ». Такой ориентир, как направление, «куда меня тянет», в полете совершенно ненадежен.

В авиационном полете окружающее человека пространство оказывается разделенным на то, что в кабине самолета, — хорошо видимое, осязаемое, близкое, и на то, что «за бортом», — часто невидимое, обманчивое. Как же узнать, где Земля и в каком положении по отношению к ней летит наш самолет? Не накренился ли он, не скользит ли вниз, не вздыбился ли носом вверх? Перегрузки в полете нарушают ориентировку. Чтобы всегда иметь ответ на эти вопросы, в кабине самолета, перед летчиком прикрепили прибор с изображением поверхности Земли и с фигуркой самолета над нею. В разных странах были изобретены два принципиально отличающихся друг от друга типа таких приборов, названных «пилотажи»

ными». На приборе одного типа жестко закреплен контур горизонта Земли. Над ним находится подвижное изображение самолетика, глядя на которое можно видеть, снижается он, поднимается или движется горизонтально, не наклонен ли. Создается впечатление, что стоишь на Земле и видишь летящий над ней самолет. Этот тип пилотажного прибора назван «вид с Земли». Если смотришь на прибор другого типа, то кажется, что выглядываешь из окна самолета. Видишь, что горизонт то опускается, то поднимается, то наклоняется. На этом приборе фигурка самолета наглухо закреплена. Это пилотажный прибор типа «вид на Землю».

Летчикам, привыкшим к одному типу пилотажного прибора, нельзя доверить управление самолетом с пилотажным прибором другого типа; при пользовании непривычным прибором летчик может получить искаженное представление о пространственном положении самолета, т. е. о том, куда летит самолет, а это ведет к катастрофе. Чтобы ее избежать, надо всем летчикам пользоваться однотипными приборами. Ученые разных стран многие годы и во время полетов, и в лабораторных экспериментах сравнивали пилотажные приборы разного типа. В результате возникла странная, можно сказать, тупиковая ситуация. Стало ясно, что оба прибора далеки от совершенства. Вероятно, в будущем безупречный пилотажный прибор окажется совершенно непохожим на те, что сейчас установлены в самолетах. И как знать, может быть, его изобретет один из читателей этой книги.

Еще более удивительное, чем в самолетах, рабочее пространство у человека, который имеет дело с компьютером. Обсуждая проблемы экологической психологии, нельзя не коснуться этого примера, потому что компьютер скоро станет элементом рабочей (и домашней) среды для многих из тех, кто читает сейчас эти строки. Каков путь совершенствования рабочего пространства, приведший на порог компьютеризации человеческое общество? Когда-то изобретение топора, молотка, режущих сталь станков и многотонных молотов усилило и удлинит руки людей, чтобы они могли с большим успехом изменять окружающую среду. Микроскопы, телескопы и многие другие оптические устройства усилили глаза людей,

вглядывающихся в окружающее их микро- и макропространство. Самолеты «дали» людям крылья и трехмерное пространство воздушного океана планеты. На космических кораблях люди вошли в среду, которую с древних времен человеческая фантазия населяла богами. Теперь компьютеры усиливают мышление людей, объединяют интеллектуальные усилия всего человечества. Компьютеризованные банки данных — персональные, государственные, интернациональные — становятся элементами производственной среды, т. е. входят в искусственную среду, созданную человеком.

У некоторых людей, работающих с компьютерами, возникает своего рода пристрастие к этой работе. Оно появляется в связи с тем, что человек-оператор сначала вводит в компьютерную память результаты своей мыслительной деятельности. Затем, «общаясь» с компьютером, оператор начинает «общаться» как бы и с самим собой, т. е. со своими мыслями, со своей логикой, воссозданными в памяти и в логике компьютера, и со своим «детищем», продуктом своих интеллектуальных усилий. Во время такой работы человек-оператор чувствует себя и творцом, и властителем, и игроком. Это увлекает и радует, создает у него чувство удовлетворения самим собой. Такие переживания во время «общения» с компьютером снимают утомление, улучшают запоминание, ускоряют обучение.

У отдельных лиц может возникать своего рода «компьютерное сладострастие», когда они чрезмерно долго, забыв про все, бывают поглощены работой с компьютером. Кроме того, своеобразное психическое состояние может возникать у операторов после многочасовой работы с компьютеризованной системой. Во время такой деятельности человек-оператор как бы входит в «пространство» логических построений, созданных творческими действиями самого оператора. Как следствие, у него ослабляется, ухудшается восприятие реального пространства, наполненного обычными предметами. Оно как бы перемещается со «смысловым пространством» компьютера. Такое «изменчивое сознание» человека-оператора не мешает его работе. Но, закончив ее, встав из-за пульта компьютера, он может ощущать легкое расстройство ориентации в пространстве. Видимые предметы могут казаться зыбкими, с нечеткими контура-

ми, расстояния между ними — не совсем привычными. Ненадолго может возникнуть неловкость движений. Человеку, у которого бывают такие явления, не следует после многочасовой работы с компьютером доверять управление автомобилем, проведение хирургических операций, монтажные работы, требующие тонких профессионально-привычных движений.

Еще один упрек М. Черноушкеву вызван тем, что в книге не уделено, на наш взгляд, должного внимания *внутреннему пространству человека*. Каково оно?

Вероятно, многие смотрели кинофильм «Солярис» или читали одноименный роман Станислава Лема, по которому фильм поставлен. В научно-фантастическом романе и в фильме описана планета, на которой есть живой мир, слитый в единое тело. Оно, как океан, растеклось по планете. Живая масса и чувствует, и думает, и действует. В отличие от «Соляриса» на нашей планете — Земле — живая масса (биомасса) разделилась на отдельные особи — на отдельные травинки, на животных и людей, каждая из которых носит под собственной поверхностью, попросту говоря под кожей и под одеждой, частицу биосферы. «Внутреннее пространство» человека — сложнейшая система физиологических и прочих механизмов и процессов — это микромир, заключенный в его теле. Он вызывает в сознании сложнейшую гамму ощущений, чувств, сладостных и волнующих, приятных и болезненных. Некоторые национальные традиции ряда народов восточных стран, например учение йоги в Индии, помогают людям лучше ощущать этот микромир — свое тело, свои органы. Занимаясь аутотренингом, некоторые люди могут полнее чувствовать то, что происходит в их теле, и даже управлять внутренними процессами организма, казалось бы неподвластными воле.

Есть еще одно «внутреннее пространство», которое ощущает в себе каждый человек. Это «пространство» чувств, мыслей, духовных устремлений, т. е. все то, что позволяет считать себя личностью, ощущать и осознавать свое «я». В этом психологическом пространстве рождаются и живут радость и горе, любовь, сочувствие и неприязнь, упрямство и расхлябанность и многое, многое другое.

М. Черноушек не случайно неоднократно обраща-

ется к проблеме стресса. В наше время *эмоциональный стресс* все чаще становится причиной тягостных переживаний, нарушений общения людей и заболеваний, получивших название «болезни стресса». Нас уже не пугают публикации статистических данных о жертвах стресса. Вот как оценивает эти данные известный шведский исследователь Леннарт Леви: «Часто говорят, что статистика не кровоточит. Да, независимо от того, как интерпретируются эти данные, они представляют огромные человеческие страдания и несчастья, часть которых, вероятно, предотвратима».

В прошлые тысячелетия люди тратили много сил на борьбу с дикой природой — с хищниками, стихийными бедствиями и эпидемиями. Для защиты от них человечество окружило себя искусственной средой с городами и заводами, с университетами и больницами, с автомобилями и телевидением, с зонами отдыха и со многим другим. И тут обнаружилось, что эта искусственная среда сама стала наносить удары по людям. Особенно болезненные удары, вызывающие стресс, связаны с нерационально организованной психологической средой. Причиной стресса могут стать:

- излишне интенсивный или монотонный ритм работы и жизни, если при этом человек почему-либо лишен радостного, праздничного отдыха (карнавалов, фестивалей и т. д.), необходимого для полного восстановления работоспособности и жизнеспособности после работы;

- чрезмерные рабочие нагрузки, не оставляющие сил для отдыха и общения с семьей, для учебы, творчества;

- отсутствие условий для свободного «волеизъявления», без чего невозможно развитие многих лучших способностей человека;

- скученность населения, шум и неэстетичность построек, нередко сопутствующих большим городам. И многое другое.

Почему становится злободневной проблема «психологической экологии», которой М. Черноушек посвятил эту книгу? Потому, что растут неблагоприятные влияния на психику и со стороны пространства, где живут и работают люди. Во-первых, это пространство наших квартир, дворов, заводских цехов.

М. Черноушек обращает внимание на то, что стресс может возникать в городе из-за «загрязнения» шумом, из-за неухоженных кривых улочек и безликих проспектов, застроенных однотипными корпусами. Во-вторых, становятся более напряженными межчеловеческие отношения. М. Черноушек указывает на проблему «перенаселения», связанную со стрессом.

В разделе книги, посвященном стрессу, он описывает два типа поведения людей в экстремальной ситуации. Одних людей М. Черноушек называет «беговыми лошадьми». Они не воспринимают экстремальную ситуацию как трагическую, склонны к риску и, как правило, достигают больших успехов. Люди другого типа — «черепахи», как пишет М. Черноушек, «принимают все близко к сердцу и поэтому больше страдают от стресса» (С. 101). Более распространено деление людей по их поведению в критических ситуациях. У одних людей, согласно этой классификации, при сильном эмоциональном напряжении в кровь выделяется много гормона норадреналина. Такие люди при стрессе становятся увереннее, решительнее, смелее. При встрече с опасностью они могут быть гневными, яростными. Шведский психолог Мариам Франкенхойзер предложила называть их «львами». У других людей в экстремальных условиях в кровь выделяется адреналин. Для этих людей в состоянии стресса характерны неуверенность в себе, боязливость, плаксивость. В критические моменты они легко поддаются панике или впадают в депрессию. Такие люди названы «кроликами».

Знание этих различий может быть полезным для выбора правильной тактики поведения в стрессовой ситуации. Если, скажем, назревает конфликт и уйти от него не позволяет обстановка (например, в битком набитом автобусе), надо «возвыситься» над назревающей стрессовой ситуацией. Как? Вспомните, что есть два типа людей: «львы» и «кролики». Поглядев на того, кто затевает скандал, постарайтесь определить, кто перед вами: «свирепый лев» или «разбушевавшийся кролик». Если «лев», посадите его в «клетку юмора», попросту говоря, постарайтесь доброй шуткой остудить его гнев, не обидев, рассмешить его. Если перед собой вы увидели «кролика», дайте ему «морковку доброты», скажите что-нибудь обязательно спокойно и доброжелательно. Он

утихомирится и будет рад простить все своим обидчикам.

Неприятности нередко бывают длительными, создавая, по выражению Ганса Селье, «стресс жизни». Как говорится, «пришла беда — отвори ворота». Тягостные события накладываются одно на другое, и бывает трудно понять, какая невзгода больше действует на человека, от чего в первую очередь надо его спасать.

М. Черноушек верно заметил, что длительный стресс из-за нескончаемой череды неприятностей, даже если они приходят «малыми порциями», значительно тяжелее для человека, чем однократное, пусть даже сильное, но быстро проходящее переживание. При длительном стрессе, рождающем чувство безысходности и беспомощности, возникают многочисленные «болезни стресса», которые М. Черноушек, как и многие западные авторы, называет «болезнями цивилизации». Второе название не точно. Не всякие цивилизации несут с собой «болезни стресса». Древние цивилизации Индии, Китая, цивилизации американских индейцев и коренных жителей Африки имели высокую культуру и сложные социальные отношения. Для этих цивилизаций не было характерно широкое распространение «болезней стресса». Эти болезни только во второй половине нашего столетия стали распространяться в странах с развитой индустриальной цивилизацией. Сейчас уже говорят об «эпидемии болезней стресса». Это инсульт мозга, инфаркт сердца, язвенная болезнь желудка и кишечника. На этом их перечень, увы, не кончается. Стресс часто становится одной из причин диабета, глаукомы, геморроя, заболевания десен — парадонтоза. При стрессе легче возникает простуда, хуже заживают раны. Известно, что раком чаще болевают люди, страдающие от несправившейся беды, — из-за краха жизни, гибели супруга, банкротства. Стресс бывает одной из причин психических болезней.

Обсуждая проблемы экологической психологии, следует иметь в виду, что для каждого человека, где бы он ни находился, какое бы пространство ни окружало его, самым главным является то, как к нему относятся и какое влияние на него оказывают люди, находящиеся в этом пространстве, т. е. члены семьи,

соседи, сослуживцы, сограждане. Эти влияния складываются в *«социальное пространство»*. Каждый из личного опыта знает, как сложны, многогранны, а иногда тяжелы такие влияния. М. Черноушек неоднократно, но, к сожалению, вскользь отмечает психологическое значение *«социального пространства»*. Чтобы эта проблема психологической экологии не осталась заслоненной другими интересными сведениями, представленными в книге, рассмотрим ее, пользуясь примерами из жизни, хорошо знакомыми каждому из нас.

Научное изучение проблемы, о которой мы сейчас расскажем, началось с того, что несколько лет назад американские психологи обратили внимание на то, что у некоторых людей во время, казалось бы, спокойной работы стиль общения изменялся так, как это бывает при стрессе. Все началось с того, что стали поступать жалобы на работников *«службы психологической и социальной поддержки»*, т. е. на психологов и социологов, рабочая обязанность которых — облегчать тяжелое психическое состояние людей, попавших в беду, уменьшать их стресс, помогать советами и душевной беседой. Исследования причин плохой работы *«службы поддержки»* обнаружили особую форму *«болезней стресса»*, своего рода *«болезни общения»*. Их называли впечатляюще — *«выгорание персонала»* или, короче, *«выгорание»*. Главная причина — психологическое, душевное переутомление. Особенно быстро и заметно оно происходит при чрезмерной рабочей нагрузке у людей, которые по долгу службы должны *«дарить»* клиентам тепло своей души. Жертвами *«выгорания»* в первую очередь оказываются психотерапевты (!), учителя, врачи и продавцы, т. е. профессионалы общения, которые должны быть обучены вежливо и душевно обслуживать массы людей. *«Выгорание — плата за сочувствие»* — так мрачно назвала Кристина Маслах свою книгу, в которой с глубоким знанием дела и с любовью к людям описала результаты своих обширных исследований этого печального явления. Были изучены многочисленные проявления *«выгорания»*. Они могут быть сведены к трем.

Первое — приглушение эмоций, когда исчезает острота чувств и сладость переживаний. Вроде бы все пока нормально, но... скучно и пусто на душе. Не

волнуют ни яркое пламя заката, ни трогательные переливы птичьего щебета. Притушены чувства к семье. Даже любимая раньше пища стала грубой и пресной.

Второе проявление «выгорания» — возникновение конфликтов с клиентами. Сначала они скрытые. В кругу своих коллег начавший «выгорать» профессионал с пренебрежением, а то и с издевкой рассказывает о некоторых своих клиентах. Далее, во время обслуживания он начинает чувствовать неприязнь к ним. Сначала он легко сдерживает ее, затем скрыть свое раздражение удастся с трудом, и, наконец, возникают моменты, когда «выгорающий» человек выплескивает из себя озлобленность. Ее жертвой становится ни в чем не виновный человек, который ждал от профессионала помощи и человечности. С душевной болью мы представляем себе учителя, кричащего на учеников. Ведь он посвятил жизнь тому, чтобы дарить детям знания, озаряемые теплом его души. Но при чрезмерной нагрузке, «выгорая», учитель чувствует поднимающееся в нем раздражение, которое он обращает на маленьких человечков, не имея на то права, не отдавая себе отчета, не зная психологической сущности явления, жертвой которого стал он и его «клиенты». А кто не сталкивался с «выгорающей» продавщицей, которая кричит на впервые подошедшего покупателя: «Сколько можно спрашивать одно и то же?! Вас много, а я одна!»

Третье проявление «выгорания» наиболее социально и экономически опасно для общества — это потеря человеком представлений о ценностях жизни. Ему на все наплевать! Человек по привычке может сохранять и апломб, и респектабельность, но приглядитесь к нему: у него пустой взгляд и ледяное сердце, весь мир ему безразличен.

Разрабатываемые в западных странах многочисленные методы профилактики «выгорания» направлены на его замедление, на ликвидацию «стресса жизни». Это хорошо. Но при этом недооценивается, что в экстремальных условиях стрессовые нарушения общения могут течь и по хорошему руслу. Вместо «выгорания» личности возможен трудовой энтузиазм, питающийся знанием того, что общество нуждается именно в тебе, чувством, что твои усилия оценены не только материально, но и морально. «Выго-

рания» не возникает, если коллектив и семья поддерживают в человеке веру в себя, в то, что, несмотря на трудные условия жизни и работы, он сможет держать себя достойно. Но главное, конечно, «выгорающему» нужно дать возможность отдохнуть душой и телом.

За последние несколько десятилетий благодаря успехам медицины, сохраняющей и продлевающей людям жизнь, увеличивается ее продолжительность, растет число стариков. Только в нашей стране лиц пенсионного возраста около 60 млн. Пора подумать о *психологической экологии пожилых людей*. М. Черноушек оставил эту проблему без внимания, поэтому давайте коснемся ее.

Старость связана с ослаблением контактов человека с «социальным пространством». До него все хуже доходит информация о полезности другим людям, а такая информация в пожилом возрасте особенно необходима. При ее отсутствии, т. е. когда старый человек, несмотря на его старания, не получает моральной поддержки со стороны близких людей и друзей, когда он все острее чувствует, что никому не нужен, начинает действовать биологический механизм, ускоряющий дряхление, приближающий смерть.

Ухудшение восприятия и понимания пожилым человеком информации о его социальной полезности и значимости, т. е. ослабление контактов с «социальным пространством», изменяет его поведение. Он невольно стремится быть полезным для окружающих людей. Это проявляется в возрастающей склонности поучать, приказывать. Человек может стать сварливым, назойливым, неуступчивым. Все эти особенности поведения бессознательно направлены на то, чтобы «пробиться» к людям и помочь им советом, подсказкой, понуканием, строгостью или лаской. Но такие действия старика могут быть чрезмерными или неуместными. При обычном, нормальном выказывании стареющему человеку уважения, признательности, благодарности, душевности он не воспринимает их в полном объеме, они как бы не ощущаются им, хотя крайне ему нужны.

Следует сверх привычных норм дарить пожилым людям знаки признания за их настоящие дела и былые заслуги, уделять им внимание и поощрять их

действия. Не следует освобождать их от посильных нагрузок при выполнении каких-либо дел, полезных другим людям, и при уходе за домашними животными. Так можно замедлить старение и дряхление.

Круг проблем экологической психологии широк и в настоящее время точно не определен. Конечно, он не охвачен полностью и на страницах книги М. Черноушека (в предисловии мы попытались несколько расширить его). Вряд ли это можно считать серьезным ее недостатком. Не умаляет ее значения и не очень четкое распределение материала по разделам книги и не всегда оправданная его последовательность. Эти недостатки, можно полагать, подтолкнул читателя к активному, критическому осмыслению содержания в целом, безусловно, интересной и полезной книги.

Канд. мед. наук Л. А. КИТАЕВ-СМЫК

Предисловие

Вы раскрыли необычную книгу. Она представляет собой не научную или научно-популярную публикацию, как можно судить по ее названию. Психологии окружающей среды, или экологической психологии, как отрасли науки с четко выраженными чертами до сих пор нет. Не выработана еще система, которая помогла бы объяснить экологию с социально-психологической точки зрения, и в рамках психологии нет еще четко очерченной сферы ее применения в области экологии. Но психологию можно использовать для углубления и расширения изучения экологии, науки об окружающей среде, особенно с практической точки зрения, при выработке необходимых параметров окружающей среды. Психология накопила определенный запас знаний, касающихся проблем не только человеческой психики, но и окружающей среды, в которой каждый из нас существует, работает, творит, отдыхает, перемещается в пространстве. Например, данные о психологии труда или социальной психологии можно использовать при создании жизненной среды, что во многих случаях и происходит: при решении вопроса о правильном освещении, при поиске оптимального дизайна, при расчете коммуникаций или при использовании соответствующих надписей, позволяющих ориентироваться в метро. Психология развития, целью которой является познание закономерности развития психики человека с момента его рождения, концентрирует внимание на роли окружающей среды в развитии личности.

Экология как наука об окружающей среде в широком понимании часто, а может быть и всегда, связывается с применением естественных наук при изучении и решении отдельных проблем. Но экология есть не только знание о процессах, происходящих в природе, она имеет одновременно и гуманитарное содержание, так как рассматривает взаимодействие человека с окружающей средой. Последующие стра-

ницы книги предназначены тому читателю, который воспринимает экологию скорее как естественноведческую дисциплину. Поскольку человек является не только пользователем, но и создателем окружающей среды (иногда в ущерб себе), он психологически оценивает ее и придает ей гуманистические характеристики, даже если правильно решает проблему внесения удобрений или определяет состав химических элементов в воздухе. И все это происходит по очень простой причине: человек без данной окружающей среды существовать не может.

Я попытался в форме эссе показать широкий спектр психологических характеристик окружающей среды. Хочу еще раз подчеркнуть, что эта книга является не популяризацией результатов научных исследований, а своеобразной коллекцией наблюдений, размышлений, идей, эссе по вопросу о том, как соединить экологию с психологией. Первоначально слово «эссе» означало попытку, опыт. Данная книга, как мне представляется, должна побудить к дальнейшим исследованиям не только профессиональных экологов и психологов, но и всех тех, кто более углубленно занимается проблемами окружающей среды. Моя работа не является систематическим изложением исчерпывающей информации. Она не лишена ряда недостатков. Содержание следует воспринимать не только как побуждение к размышлению и дискуссиям, но и как информацию *divertimento* из области человеческой деятельности, которая не может быть ни для кого из нас безразличной.

I. Введение

1. О необходимости экологии

Мы живем в такое время, когда слово «экология» приобрело жизненно важное значение. О ней ежедневно говорят все средства информации, слово «экология» многократно употребляется в дискуссиях профессионалов и непрофессионалов. Этимология его (с греческого *oikos*) говорит о том, что речь идет о науке, описывающей наш дом в самом широком смысле этого слова. Это вызвано не только заботой о нашем доме, но и необходимостью более глубокого познания закономерностей его существования.

В центре экологии находится человек, создатель этого дома, его позитивная и негативная деятельность. В обычном понимании слова «экология» этот факт не выступает на первый план. Под этим термином скрывается многослойное, в значительной степени расплывчатое содержание, уводящее к окружающей действительности, существующей как бы без человека, к процессам, происходящим в природе. Например, очень часто говорится об отношениях между отдельными экосистемами или об отношениях внутри данных экосистем. В этом смысле экология является в первую очередь дисциплиной природоведческой, задачей которой является изучение отношений и закономерных процессов между неживой природой и живыми системами и их жизненно необходимой взаимосвязи, их экологических связей. Отдельные детали природоведческого познания, которые можно охарактеризовать как экологические, поднимаются в пирамиде знания на головокружительную высоту.

Нас удивляют ранее неизвестные взаимосвязи и факты, например обнаружение необычайно большого количества определенного вида бактерий, появление которых вызвано всего лишь административным решением, принятым в сфере производства консервированных продуктов. Волосы встают дыбом, когда мы читаем научные и научно-популярные описания

экологического загрязнения или разрушения природы. Экологические катастрофы, нарушающие ритм природных процессов, происходят довольно часто. Крупные катастрофы: гибель большого танкера в море, когда разлившаяся нефть губит огромное количество кубических метров морской воды и тысячи квадратных метров побережья; меньшие катастрофы: промышленное предприятие «по ошибке» сбрасывает в реки ядовитые соединения, губящие водную флору и фауну; относительно малые: срубленное понапрасну дерево, сожженная трава, в результате чего уничтожено естественное местообитание множества насекомых. Все эти катастрофы в конечном итоге являются результатом деятельности человека, который поднялся очень высоко в процессе развития цивилизации и создал много ценностей положительного порядка; в то же время он очень часто не в состоянии предотвратить отрицательные последствия своего воздействия на природу.

Противостояние «человек — природа» является результатом исторического развития и прогресса цивилизации. Но здесь нужно сказать о действительных причинах, которые объясняют возникновение экологии как междотраслевой научной дисциплины, синтезирующей в глобальную картину отдельные сведения о взаимных связях живых и неживых систем на земном шаре. В результате научно-технического прогресса, нарастающего в геометрической прогрессии, человечество начало не только интенсивно эксплуатировать природу, но в конечном итоге и преобразовывать ее практически в искусственную среду, т. е. среду, созданную человеческими руками. Самым наглядным примером этого процесса является крупный город. Следующий пример — промышленные комплексы в местах, где раньше были только поля и редкие села. Еще одним примером является интенсивное внедрение техники в сельское хозяйство, главным образом в животноводство. В местах отдыха человек оставляет такие следы своего пребывания, что иногда эти места весьма отдаленно напоминают первозданную природу. Таким образом, человек оставляет в природе неустрашимый отпечаток своей рационалистической деятельности, направляемой идеей овладения природой.

Когда французский философ Рене Декарт (1596—

1650) говорил о человеке как о существе, стремящемся покорить природу и стать ее властелином, он не мог и подозревать, какие сложные проблемы принесет с собой развитие цивилизации. Наряду с несомненными выгодами прогресс имеет и свои невыгоды, наряду с активным балансом имеет и пассивный. Достаточно лишь на минуту задуматься над негативными для окружающей среды последствиями создания крупных городов, чтобы затем всерьез оценить действительные выгоды жизни в них. В этом предварительном замечании мы принимаем во внимание только влияние искусственно созданной среды на физико-химические детерминанты окружающей среды как целого.

Наряду с этими более или менее изменчивыми факторами в создании общей картины участвуют и факторы, трудно математизируемые, факторы культурного, социального и психологического порядка. Человечество является неотделимой составной частью природы и должно соблюдать ее законы. И если в ходе сложного исторического развития на Земле возникла весьма сложная структура искусственной среды, созданной трудом человека и названной некоторыми исследователями *антропоценозом*, то она должна быть приведена по возможности в соответствие с ритмом природы в пространстве и времени. Именно экологическое познание должно служить основой для принятия ответственных решений о будущих действиях человека, который должен преобразовывать окружающую среду для своей пользы, а не себе во вред.

Из этого следует, что центром экологии действительно является человек, который основал экологию как науку и который должен был бы развивать ее с той целью, чтобы в дальнейшем избежать таких шагов, о которых было бы заранее известно, что желаемых результатов они не дадут. Экология как научная дисциплина возникла совсем недавно, когда резко возросли темпы научно-технического развития и человек стал понимать свою теснейшую связь с природой как целым. Человек осознал, что он не может быть повелителем всего живого и природы, что он есть только часть ее, притом, возможно, даже не самая необходимая. Эволюционная биология, например, свидетельствует о том, что природа и богаче-

шее разнообразие жизни существовали задолго до того, как на земном шаре появилось существо, которому только современный человек дал название го-минид и который, как предполагается, мог быть его далеким предком. Процессы природы, регулирующие связи в экосистеме, гораздо древнее, чем существо, называемое человеком, поэтому он не может ими пренебрегать.

Однако развитая цивилизация часто пренебрегает этим фактом, о чем свидетельствует рост так называемых экологических проблем. Ведь история человечества не знает примеров такого уничтожения окружающей среды, как в XIX и XX вв. Древний земледелец, теснейшим образом связанный с землей-кормилицей, был собственно *интуитивным экологом*: ему никогда в голову не приходило уничтожить природу путем грубого вмешательства в окружающую среду, от равновесия с которой зависела его жизнь. Невозможно представить, чтобы он посыпал свое поле какими-то ядовитыми веществами. Ликвидация отходов находилась в полной гармонии с общим процессом в природе, притом не только потому, что еще не существовало неуничтожаемых искусственных материалов (будущий археолог спустя 500 тыс. лет будет размышлять, для какой цели они служили, а нашу эпоху назовет «эпохой искусственных материалов»), но и потому, что в мире жило неизмеримо меньше индивидов вида *Homo sapiens*, который является наибольшим производителем отходов.

Таким образом, экология выступает как комплекс сведений о взаимной связи всего со всем в природо-ведении. В первую очередь она является предметом (не только отраслью) человеческого осмысления и действия и должна объективно и по возможности точно и ответственно раскрывать отношение человека к окружающей среде, показывать, *как влияет среда на формирование человека и, наоборот, как человек формирует среду*. Об этом факте часто забывают. Экология есть наука о процессах природы в окружающей среде. При таком понимании природа как бы объективировалась в мышлении человека и отстранялась от его бытия. Но и обратное есть истина, и мы должны характеризовать экологию как дисциплину *обществоведческую*.

В последнее время наряду с такими известными

направлениями, как антропоэкология, гуманная география, социальная экология, можно указать и на психологический аспект экологии. Следовательно, *психология окружающей среды* касается взаимных отношений человека и среды. Можно было бы говорить об «экологической психологии», но такая специальная отрасль находится еще в стадии рождения. Мы имеем в виду прежде всего психологические аспекты экологии.

2. Психология и экология

При наблюдении за какими-либо животными в их природном окружении можно установить, что своей деятельностью они пытаются если и не изменить, то хотя бы дооформить среду своего существования. Муравьи строят муравейник, птицы — гнезда, пауки плетут паутину, обезьяны пользуются различными предметами, которые им попадают и пригодны для манипуляций. Считалось, что животные в своем поведении подчинены неизменяющимся инстинктам, теперь же доказано, что «запрограммированные» формулы их поведения свидетельствуют о высокой вариабельности и пластичности, зависящих от структуры окружающей среды. И насекомые могут модифицировать свою на первый взгляд автоматическую инстинктивную деятельность в соответствии с физико-химическими свойствами среды. Экология подтвердила невероятно богатую взаимосвязь живых организмов с окружающей средой на множестве конкретных примеров.

Участие человека во взаимном обмене между живой и неживой природой в качественном и количественном отношениях совершенно иное, чем других видов животных. Существуют три характерные черты, присущие только человеку и человечеству вообще в отношении к окружающей среде: масштаб, комплексность и осознанность выполняемых действий. Способность человека изменять среду, чтобы она служила только для удовлетворения его потребностей, огромна. В ретроспективе биологической эволюции именно взаимодействие с окружающей средой явилось самым значительным аспектом человеческой деятельности. Человек сделал свою среду обитания

неузнаваемой. Изобрел для этого самые совершенные инструменты и механизмы. Технический прогресс ускорялся и достиг такой формы, какую мы видим сейчас, когда можно констатировать, что этот процесс в некоторых случаях (так же как бюрократия) оборачивается против своего изобретателя неисчислимыми негативными последствиями. Иногда кажется, что современная техника живет своей независимой жизнью, а человек стал чуть ли не ее рабом.

Современный человек в некоторых сторонах своего бытия дегуманизировал свою активность в связи с техническим прогрессом и отвернулся от природы. Люди, живущие, например, в городе, не производят сами продуктов питания. Многие не могут представить себе отпуск без автомобиля, и очень скоро может наступить момент, когда человек перестанет напрыгать мозговые извилины по поводу обычной математической задачки, так как и простое сложение нескольких цифр за него выполнит вычислительная машина. В Америке психологи провели в больших городах исследования и установили, что некоторые школьники не знают домашних животных и не представляют, откуда берется молоко.

Экологическая психология изучает воздействие резкого ускорения развития техники, которое разительно изменяет окружающую среду, психику людей. Не изменила ли научно-техническая революция что-нибудь в психике современного человека? Не получилось ли так, что, несмотря на все положительные стороны технического развития, человек искаверкан именно им? С изменением окружающей среды изменяется и человек, его психология, поведение, переживания, реакция и восприятие. Один и тот же человек ведет себя совершенно по-разному в церкви или в воротах футбольного поля, в общественных приемных или в тиши лесного массива, на экскурсии в пещерах или на многолюдных городских проспектах. И везде это тот самый человек, который чувствует свою идентичность со временем и пространством. Именно потому он изменяет свое поведение в зависимости от физических и пространственных структур различной среды.

В предыдущих абзацах мы констатировали банальную истину. Однако она приоткрывает дверь к по-

знанию более глубоких закономерностей психологии человека в его взаимодействии с жизненной средой, показывает, например, что человек не такой уж абсолютный господин своего Я, так как окружающая среда оказывает значительное влияние на его решения и поведение.

Ежедневно человек находится в состоянии конфронтации с различными типами среды. Имеется в виду среда не только социальная, в которой закреплены отношения между людьми. Это прежде всего *окружающая среда* с множеством факторов: производственная среда, среда, в которой человек находится во время переезда от дома на работу (в XX в. весьма редко местом работы является дом), среда отдыха, домашняя среда. Часто можно услышать, что наибольшее влияние на человека оказывает социальная среда, созданная отношениями между людьми, производственными связями, влиянием различных институтов. Это не совсем так, поскольку эта социальная среда включена в структуру искусственно созданной человеком среды, имеющей свои закономерности, которые в случае необходимости можно описать даже языком физики.

Ярким свидетельством этого является архитектура, ее внутреннее и внешнее пространство. Например, готический собор вызывает у человека не только эстетическое чувство, одновременно он действует и на другие чувства. *На зрение*: преобладание вертикальных линий вызывает чувства величия и смирения, соотносимые с малостью человека; *на слух*: акустика пространства решена с учетом оптимального распределения звука во всем пространстве храма, и не случайно созданная таким образом композиция пространства заставляет человека говорить шепотом (что подчеркнуто традиционным правилом поведения культурного человека в соборе); *на обоняние*: монументальность подчеркивается не только ароматом кадила, но и холодным, как бы отдаленным, летучим ароматом мрамора; *на осязание*: все внутреннее пространство скомпоновано так, чтобы свести к минимуму побуждения к осязанию, а декоративное убранство прямо внушает табу прикосновения. Все это пространство воздействует на эстетическое восприятие человека не только как сумма отдельных импульсов, но и как единое целое, за-

ставляет его действовать в соответствии со строго определенной культурной традицией.

Сравним готический собор с другим архитектурным творением, которое тоже уходит ввысь, — с современным многоэтажным домом. Высота может быть идентичной, площадь — тоже. А форма и материал определяют совершенно иное поведение в пространстве. Внутренняя структура пространства оставляет для общественного движения коридоры и лестницы, по которым мы спешим не только потому, что здесь нет никаких отвлекающих импульсов, но и потому, чтобы избежать анонимных встреч со «знакомыми незнакомыми». Лестницы, лифты, коридоры лишены декора и вызывают у нас совершенно иную эстетическую реакцию, которая неизбежно отражается на нашем поведении. В этой абсолютной анонимности бетонных панелей размещены наши квартиры, в которых мы создаем свое личное пространство, свою защищенную территорию. Здесь разница между внутренним и внешним пространством огромна. Оба примера свидетельствуют о том, что *по-разному скомпонованная и созданная человеком среда* неизбежно влияет на психику, поведение, принятие решения, восприятие, движение и понимание пространства.

Путем наблюдения можно доказать и такой факт, на котором основывается один из основных постулатов применения психологии в экологии. В действиях разных людей в одной и той же среде есть очень много сходства. Иными словами, можно констатировать только минимальную индивидуальную разницу в реакции на идентичную среду. Структура среды воздействует на психику и поведение людей консервативно: действие продолжается длительное время, а индивидуальность отдельных действующих лиц иногда даже может заметно не проявляться. Одна и та же среда характером своей структуры как бы предписывает нормы, образ поведения, сходную реакцию. Культурное наследие общества и влияние общественных факторов вписываются в физические координаты созданной человеком искусственной среды и определяют поведение людей независимо от психического развития индивидов.

Окружающая среда влияет на психику человека своим химическим составом и физической конфигу-

рацией. Созданная человеком среда настолько огромна и разнородна, что неизбежно вызывает целый комплекс реакций — физическую и биологическую, а также психологическую, — посредством которых человек объясняет среду, наделяет ее многослойным значением, обусловленным социальным, культурным и историческим развитием. В то время как физическое, химическое и биологическое влияние окружающей среды на человека сравнительно хорошо изучено и зафиксировано, о психологическом влиянии среды на ее создателя — человека мы знаем значительно меньше. Тем не менее психологическое влияние на человека созданной им среды является очень значительным. Мы часто этого даже не сознаем. В перспективе это представляется *ключевой проблемой всей экологии*, так как историческое развитие только в XX в. достаточно наглядно показало, что созданное человеком однажды может обернуться против него и подчинить его себе. В конечном итоге все зависит от того, сумеет ли человек управлять тем, что привел в действие.

В связи с этим необходимо более глубокое осмысление собственной реакции и интерпретации своего отношения к среде в индивидуальном и социальном плане. Только в этом случае человек может сознательно и ответственно изменять эту обширную сеть взаимных отношений между ним и средой в свою пользу. В этом выражается взаимосвязь психологии с экологией. В одной притче говорится, что рыба является последним видом животного мира, который открывает для себя существование воды только в том случае, когда оказывается на суше и ищет свою естественную среду. Важно, чтобы человек не оказался в подобной ситуации в отношении своей жизненной среды.

Во взаимодействии с окружающей средой человек находится под влиянием структуры среды, ее пространственного устройства и психологического значения. Человек преобразовал, построил свое пространство, свою жизненную среду и вложил в нее параметры своего бытия. Простейшим свидетельством зависимости человека от того, что в ходе исторического развития он создал своим трудом, является обычный предмет, например стул, составляющий необходимую часть окружающей среды человека. От-

влечемся на минуту от общих рассуждений и теорий. Поразмышляем о психологической роли стула, о том, как стул влияет на поведение человека, а иногда и непосредственно определяет его.

Как ведут себя стулья. Хороший стул — это почти совершенное изделие. Это не должно нас удивлять, ибо на его сиденье мы проводим значительную, может быть даже большую, часть нашей жизни. С помощью стула мы выполняем целый ряд необходимых в жизни действий — сидим во время еды, работы, при чтении, во время развлечения, отдыха. Как нам хочется посидеть после длительной прогулки! Необходимость стула очевидна, и часто он бывает более необходим, чем, скажем, кровать. Стул появился на заре истории, так как у человека возникла потребность посидеть, и выполнял роль протеза для уставшего тела. Изобретателя стула, как и колеса, никто не знает. В отличие от колеса стулу предшествовали разные естественные «сиденья»: камни, пни, неровности ландшафта. Однако их нельзя было переносить. Важнейшим же признаком стула является возможность его перемещать.

Психологическая функция стула многогранна. Стул может оформлять угол помещения, организовывать пространство для работы и отдыха. Может действовать успокаивающе, но может возбуждать и страх, если это зубоврачебное кресло. Стул может привлекать и угрожать: стулья для гостей, стулья на ковре у начальника. Существует, наконец, стул смерти — электрический стул. Разные стулья вызывают разное психическое состояние — от удобного отдыха до длительного и утомительного сидения. Конечно, стул может служить не только для сидения на нем. С его помощью делают физические упражнения, на него встают, когда вешают белье, вбивают гвоздь в стену, он может нравиться и не нравиться. Существуют стулья, олицетворяющие строго определенные символы: королевский трон, стул в президиуме, стул для подсудимого, стул режиссера и другие важные виды стульев, которые не только организуют пространство, но и «говорят» с нами на четком языке символов.

Символическим является не только соответствующий дизайн стула. Не менее важным является и

собственно процесс сидения. Уже наш школьный опыт подсказывает, что сидение является не таким уж простым делом, особенно правильное сидение. Часто это утомительное занятие, точная, до подробностей рассчитанная работа мышц, имеющая свои закономерности, правила, эстетику в зависимости от характера пространства. В способе сидения человек часто самовыражается, раскрывая свои побуждения, общественное и служебное положение, усталость или хорошее расположение, настроение.

Если задуматься над проблемой сидения на стульях, то неизбежно возникает вопрос: намеренно ли некоторые стулья сконструированы таким образом, что заставляют людей сидеть в определенной позе, или, наоборот, их конструкция разработана в соответствии с оптимальными параметрами естественного, удобного сидения на них большинства людей? Решающим фактором здесь является размер, форма, расположение опорных частей. Нам кажется, что именно характер стула создает, определяет позу сидения на нем человека. В этом проявляется неизбежное давление физически сконструированной среды на физическую и психическую активность пользующегося этой средой. Мы всегда сталкиваемся с этой проблемой, когда садимся на неудачно сконструированный стул (а их бывает много), на котором и сидеть невозможно. Недавно я увидел в одном кафе на углу Водичковой улицы в Праге такие псевдостулья, которые как будто рассчитаны на гномов, умеющих прыгать на высоту одного метра.

Стулья возбуждают и чувство собственности. Вспомните детскую сказку: медведи, придя домой, сразу же заподозрили, что на их стульях кто-то сидел. У каждого из нас есть любимый стул; сначала, с детства, мы облюбим его дома, а затем и на работе. Есть также большое количество «переходных» стульев, временных опор, за которые мы соглашаемся платить: в кино, в поезде, в автобусе. К своему месту для сидения, своему стулу, мы очень привязаны, часто отождествляем себя с ним, а иногда готовы за него и бороться. Достаточно посмотреть на группы людей, ожидающих автобус, и мы увидим, как они занимают выгодные «позиции», чтобы успеть захватить в автобусе «свое» место. А очереди желающих купить плацкартный билет!

Мы защищаем свои места для сидения столь же упорно, как животные свою территорию в природе. Захват кем-то чужим нашего стула часто воспринимается как покушение на нашу личную собственность, а к этому мы очень чувствительны. Чувство собственности проявляется в отношении не только личных, домашних стульев, но и общественных мест. В городском транспорте пассажиры спешат занять место с помощью сумок, в ресторане или кафе может возникнуть даже конфликт, если «чужаки» сели за стол завсегдатаев. Однажды утром я присел на скамейку в сквере. Вскоре появилась какая-то дама и набросилась на меня, потому что я занял «ее» скамейку, хотя рядом было полно свободных скамеек.

Стул необходим и во время игр. Расположенные в определенном порядке, стулья ограничивают арену игр и помогают соблюдать правила игры в шахматы, карточной игры, всех настольных игр.

Зрителям также нужны места для сидения, они предпочитают сидеть, а не стоять. Даже будучи в какой-то компании, мы чувствуем себя дискомфортно, если вынуждены долго стоять. Устраивая вечеринку, сфотографируйте помещение до ее начала, а затем после того, как разойдутся гости. Перемещенные стулья много расскажут вам о гостях. Предложение сесть на стул имеет очень большое психологическое значение — с этого момента мы становимся доверенным лицом, уважаемым гостем, а не только тем, кто кому-то мешает или надоедает. Особенно значителен этот момент в учреждениях. Как правило, мы уходим отсюда с более приятным чувством, если нам предложили сесть.

Каждый из нас, наверное, неоднократно ощущал, как разграничивает людей расположение стульев в помещении. Например, во время беседы люди выделяются не по тому, что и как они говорят, а по тому, как и где они сидят. Социальная роль места для сидения четко просматривается в зале заседания суда — здесь строго определены места для судей, защиты, свидетелей, истцов, обвиняемых.

Как видно из сказанного, размещение стульев и других приспособлений для сидения не случайно, оно имеет глубокие корни в старых традициях членения пространства, и именно это членение определяет психологическое состояние людей. Во многих случаях

наше поведение детерминруется функцией пространства, которая нас к чему-то обязывает. В настоящее время таким организующим фактором членения пространства является телевизор. До появления телевидения в домах и квартирах редко было какое-либо направленное сидение. Более того, стулья, кресла, диваны создавали закрытое пространство, которое помогало людям общаться между собой и при этом смотреть друг на друга. Телевизор же превратил жилую комнату в просмотровый зал. Места для сидения как будто потеряли свое первоначальное значение, они уже используются не столько для письма и размышлений, для чтения, сколько для наблюдения за современным электронным чудом. Наверное, нас уже не удивило бы появление в продаже кресел из нескольких мест, предназначенных исключительно для просмотра телевизионных программ.

Создать хороший, удобный и функционально направленный стул — дело не такое простое. Чтобы он выполнял свою психологическую функцию и тем самым занимал четкое место в пространстве, он должен быть сконструирован для определенной цели — для письма, отдыха, беседы, развлечения, принятия пищи. Некоторые стулья копируют конфигурацию тела, но это неправильно. Подобными вопросами занимается наука *эргономика*, ее основной принцип — создание такого изделия, чтобы в нем учитывались физические характеристики человека, который им будет пользоваться. Эргономика должна обеспечивать оптимальное распределение рабочего и нерабочего пространства. Первым представителем эргономики был не тот наш предок, который сел на валун, а тот, который этот валун поворачивал до тех пор, пока не нашел самое удобное место для сидения. С того момента утекло много воды, но, увы, и сегодня нельзя однозначно утверждать, что этот первый эргономический принцип неукоснительно соблюдается производителями стульев. Каждый может в этом убедиться в своей повседневной практике.

Стулья бывают большие и маленькие, у них нет оптимального наклона спинки, часто они создают неудачную комбинацию со столом. Не очень-то приятно, когда во время еды мы вынуждены сильно наклоняться вперед или когда нам некуда поставить ноги. Речь идет в данном случае не о структуре стола и

стула, а о положении сидящего человека; об эргономической ошибке здесь говорит неправильная конструкция стула. Представьте себе, что производители тары сконструировали бы коробку для яиц, в которой они не учитывали бы их естественную форму. Второй раз они такую ошибку не допустили бы: яйца в отличие от человека не «простят» конструктору его эргономической ошибки, они попросту разобьются. Человек же не разобьется. Яйцо не может компенсировать недостатки тары, в то время как человек может приспособиться к недостаткам стула. В этом заключается другая сторона отношений человека к окружающей среде — человек является адаптательным существом и может очень быстро приспособиться к ней.

Стул, наконец, определяет и форму коммуникации, и положение тела. Если мы, например, вынуждены сидеть только на краю стула или скамьи, корпус тела находится постоянно в атлетической готовности, подобно тому как при просмотре какого-либо фильма ужасов, который заставляет нас приподниматься в напряжении со стула. Такой способ сидения подошел бы для трибун футбольного стадиона во время захватывающей игры, но совсем не подходит для тех случаев, когда нам нужно по-настоящему отдохнуть. Неудобен также стул, сидя на котором люди небольшого роста теряют опору, ибо их тело не соприкасается с полом. Пытаясь найти опору, они наклоняются вперед, но теряют при этом опору для спины; в результате они вообще сидеть не могут.

С точки зрения психологии человеку нужен такой стул, на котором он может сидеть удобно, не теряя контакта с полом под ногами и при этом имея хорошую опору для спины. В этом случае сидячая часть тела имеет самые оптимальные условия. Во время сидения ноги сидящего не могут быть без движения, ибо в таком положении они больше устают, чем отдыхают. Всем все это известно, антропометрические данные имеются в наличии, ясна и различная функция сидений стульев и кресел в автомобиле, самолете, в рабочем помещении, аудитории, в кинотеатре. И все-таки мы постоянно встречаемся с изделиями, пользование которыми скорее вызывает усталость, чем располагает к отдыху.

Стулья и другие изделия, предназначенные для

сидения, являются красноречивым символом культуры. Не всем культурам в мире известен стул. Но для людей, которые привыкли к нему, его отсутствие является серьезной пространственной проблемой. Человек является единственным созданием в мире, нуждающимся в протетических (вспомогательных) средствах для постоянного их использования. Стул является временным костылем для прямоходящего существа, позвоночник которого требует отдыха, восстановления сил. Поскольку наши верхние конечности служат для работы, а нижние — для ходьбы, то нам крайне необходим протез. В результате оказывается, что стул с физиологической и анатомической точек зрения, а также в психологическом и социальном аспектах необходим человеку. Стул часто бывает тем предметом, в котором человек нуждается в первую очередь. Это символ цивилизации и символ взаимодействия человека с жизненной средой.

3. Отношение между психологией и экологией

Человек — не пассивный продукт среды, а целеустремленное существо. Он действует и тем самым преобразует окружающую среду, которая в свою очередь также влияет на человека. Это и составляет основу динамического взаимодействия между человеком и средой его обитания.

Если мы хотим узнать, как среда действительно влияет на человека, как она определяет принятые им решения и последующую практическую деятельность, достаточно понаблюдать за поведением человека в данной среде. Такое наблюдение позволяет сделать ряд практических выводов, ясно представить, какие наиболее оптимальные действия люди выбирают в определенной среде. В соответствии с этим можно принимать решение об изменении среды для успешной деятельности человека.

Это хорошо видно на примере тропинок в современных микрорайонах. План пространственного решения местности, например детского сада, разрабатывается в бюро архитекторов и градостроителей. Чертежи плана утверждает соответствующая комиссия. Со временем этот план осуществляется на практике, и детский сад торжественно открывается. С те-

ценнем времени окрестности приводятся в порядок, достраиваются коммуникации вокруг здания. Асфальтированные дорожки выполняют однозначную функцию — определяют направление движения пешеходов. Но если мы исследуем действительное пространственное передвижение обитателей такой среды, то обнаружим, что они не только используют предусмотренные трассы, но и протаптывают тропинки на газонах, как это делают звери в густом лесу. Такие тропинки почти всегда представляют собой наглядную экологическую корректировку первоначального замысла архитектора. Они часто сокращают, а следовательно, ускоряют передвижение в пространстве. Люди, которые ходят здесь каждый день, своим передвижением изменяют абстрактное представление урбаниста. На вытоптанной тропинке плохо растет трава, и потому эта дорожка просто притягивает к себе, манит пешехода, и никакие временные стражи из числа активных пенсионеров помочь здесь не могут.

Казалось бы, хорошо продуманная пространственная композиция нарушается пешеходами, и это может стать источником совершенно излишних межчеловеческих конфликтов. Подобные ситуации можно встретить в современных микрорайонах, где конкурируют разные трассы. Всевозможные замысловатые асфальтированные дорожки, даже если они предназначены для неспешащего человека, в жизни себя мало оправдывают. Чтобы направление их было целесообразным, нужно сделать очень немного: построить объекты и понаблюдать за прокладкой тропинок пешеходами и затем в зависимости от количества пользующихся тем или иным направлением узаконить их. Это вовсе не значит, что люди произвольно выбирают направление своего передвижения. Они в сущности выбирают оптимальную планировку трасс. Потом достаточно перенести данные на карту и согласно им проложить дорожки, которые удовлетворят всех.

Указанный пример демонстрирует и другую сторону взаимосвязи психологии с экологией: *тесное переплетение эколого-психологических проблем с социальными*. Человек, активно преобразуя свою среду, влияет не только на нее, но и на других людей, которые наряду с ним эту среду используют. Большой город, например, порождает специфические экологи-

психологические проблемы: увеличение шума неблагоприятно влияет на межчеловеческие отношения; число людей на ограниченном пространстве может превышать допустимые границы, в которых отчетливо изменяется экологическое поведение человека, т. е. его отношение к среде. Можно вспомнить, например, взрывы гнева у некоторых пассажиров в переполненных вагонах, автобусах. Проблемы возникают не только в классической урбанистической среде, но и в пространстве, предназначенном для отдыха. Посещение городского пляжа в жаркие дни, где человек решил отдохнуть, может вызвать чувство усталости.

Человек по многим своим характеристикам является территориальным животным, и это четко проявляется в его поведении. В способе, каким человек воспринимает и оценивает пространство, в котором находится и перемещается, отражается важная сторона его отношения к среде. Каждый из нас воспринимает мир вокруг себя лишь ему присущим индивидуальным способом. Не только объективная реальность, но и *способ*, каким человек эту реальность воспринимает, в значительной степени определяет его действия в удовлетворении потребностей.

Восприятие и познание окружающей среды, ее психологическая интерпретация имеют очень важное значение, так как с помощью этого сложного психологического процесса мы придаем смысл окружающему миру, участвуем в различных формах общественной жизни, устанавливаем межчеловеческие отношения, формируем таким образом и неэкономическое отношение к среде, выбираем пространство для отдыха тела и души. В психологическом размышлении о жизненной среде необходимо уделять большее внимание *импульсам, пространственным свойствам среды*, которая определяет структуру поведения, а также *общественным отношениям*, которые могут подавляться или стимулироваться различными типами среды.

Окружающая среда, наконец, имеет непреходящее значение для психологического развития личности начиная с рождения. Процесс обучения в значительной степени определяется соответствием или несоответствием среды подобной деятельности. Детские игры также зависят от содержания, формы и структуры среды, в которой они происходят. Есть большая разница между игрой в войну в городе и в лесу.

Отсутствие соответствующей среды, которая стимулировала бы игры детей и подростков в современных застройках (исключая «вездесущие» песочницы и примитивные приспособления для лазания), побуждает детей к тому, что они сами приспособливают строгую бетонную среду в пространство для игры, даже если это пространство меньше всего для игр подходит. Но их действия могут при этом уподобляться нашествиям вандалов. Пространство, лишенное игровых импульсов, подобно пустому желудку, и дети развивают собственную активность, чтобы хоть как-то изменить среду в соответствии со своими представлениями и фантазией. Символические представления о среде во время игры становятся для них реальными.

Изучение *психологического значения среды* может только обогатить экологию. С самого рождения и до последней минуты жизни каждый из нас ощущает структуру, функцию, значение среды, в которой находится. Окружающая среда включает кроме измеримых физических и химических величин еще и психологическую характеристику, которая выражается в том, какие отклики, чувства вызывает в нас окружающая среда, ускоряет или подавляет наши действия. Если человек под влиянием жизненных обстоятельств впадает в глубокую меланхолию, если он подавлен скорбью, то он мало внимания уделяет среде, которая его окружает. Но и в подобных жизненных эпизодах среда влияет на психику человека, даже если он не осознает этого. Психологическая ценность среды проявляется в процессе непрерывного взаимодействия человека с окружающей средой.

Окружающая среда с ее пестрой палитрой красок, форм, звуков и материалов является *сродоточием общественных и культурных ценностей*, которые вложил в нее ее исторический создатель — человек. На нас она влияет, еще раз повторяем, не только физически и химически, но и визуально, а также посредством осязания, звуков, запахов и других, сознательно даже не фиксируемых раздражителей, создавая таким образом единую и целостную картину в психологическом, социально-историческом и культурном смысле.

Структура среды влияет и на восприятие человеком времени. Если заснеженные равнины Лапландии

во тьме полярной ночи усиливают чувство бесконечности времени, то географическая структура пересеченной местности с ее богатой флорой является пространственным организатором человеческого временного бытия. Если мы говорим о временном восприятии, то имеется в виду не физическое время, отмеряемое стрелками часов. Мы отмечаем только временную ритмичность внутреннего состояния, время, которое мы переживаем в хорошем настроении, в ожидании, в скуке или заботах. Для восприятия времени самой оптимальной является среда с различными стимулами, а не с монотонным повторением, которое останавливает время. Одинаковые декоративные элементы, бесконечные коридоры или лестницы, ряды идентичных структур вызывают чувство безвременья и даже тревогу, страх. Как видно, взаимосвязей между экологией и психологией более чем достаточно. А сейчас отправимся на экскурсию в различные места, где можно наблюдать связь между психологией человека и окружающей средой. Начнем с того, что каждый из нас ежедневно может испытывать и испытывает: с восприятия жизненной среды.

II. Восприятие жизненной среды

1. Введение

Специальные экспериментальные исследования в области психологии дали ошеломляющее количество сведений о восприятии. Достаточно точно известно, как человек воспринимает световые, звуковые, осязательные, обонятельные и другие сигналы среды и как ими руководствуется в своей деятельности. О физиологии отдельных органов также имеется огромное количество данных. Об эстетическом восприятии произведений искусства можно узнать из различных книг. Но о восприятии среды в целом, о том, как на нас влияет, например, комната, в которую мы вошли, город или местность,— об этом у психологии имеется очень немного сведений. Это, может быть, в меньшей мере касается художественной литературы—в ней как раз мы находим исчерпывающие, иногда поэтические описания пейзажа, неповторимого, индивидуального его восприятия. Из описания путешествий, мозаики впечатлений автора в воображении читателя встают города, страны, которые вызывают такое эстетическое чувство, будто он путешествует вместе с автором. Пейзажная живопись надолго закрепляет художественную интерпретацию среды. Аудиовизуальные средства информации, и в первую очередь кинофильмы, знакомят нас с такими уголками и такой средой, куда мы вряд ли когда-нибудь сможем попасть. Но это все только запись, а не прочувствованные впечатления, каких у человека имеется великое множество, когда он действует в определенной среде.

Восприятие—это не только набор данных или получение информации, это очень сложный познавательный процесс, включающий мышление и принятие решений. Есть ситуации, когда восприятие непосредственно приводит к действию, например когда мы решили быстро уйти из неприятной среды. Окружающую среду мы воспринимаем не как коллекцию объектов, поверхностей, форм, цветов, запахов, аро-

матов. Мы воспринимаем ее как целое, на фоне которого можем четко различать отдельные детали. Необходимо также понять, что человек является органической и неделимой частью той среды, в которой он находится. Это значит, что человек своим существованием дополняет окружающую его среду и, наоборот, сам обогащается всей системой элементов, образующих окружающую среду как единое целое.

В той среде, в которой мы находимся, процесс восприятия значительно сложнее, чем в искусственной атмосфере лаборатории, но в то же время проще. Если я воспринимаю, например, свою квартиру, улицы, по которым хожу, силуэт Пражского Града на дальнем холме, своего начальника по работе или переполненную Вацлавскую площадь в Праге, я всегда образую с этими элементами среды взаимодействующее единство. Могу обратить внимание на некоторые зрительно выделяющиеся формы, которые невозможно не заметить. Например, замечаю на улице привлекательную девушку, которая одета так, что ее одежда прикрывает только самое необходимое, но вместе с тем я воспринимаю и других пешеходов, здания, шум, запахи и ароматы, которые производит город. Эти детали окружающей среды не исчезают при виде прекрасного создания, они только уходят на задний план, иногда даже могут создавать контрастный фон, но тем не менее находятся здесь, в данной среде, где нахожусь я, и определяют мое восприятие.

Восприятие среды всегда целно, но вместе с тем и избирательно. Это связано с психологией и физиологией процесса познания. Если бы я сознательно воспринимал все импульсы среды, то могло бы произойти информационное перенасыщение, а в результате потеря ориентации, хаос. Составной частью восприятия являются так называемые перцептуальные барьеры, которые регулируют восприятие и внимание. Это вовсе не значит, что те компоненты среды, которым я не уделяю внимания, на меня не действуют. Они действуют, но воспринимаются подсознательно. Иначе говоря, окружающая среда воздействует на воспринимающее существо в целом и образует с ним неразделимое целое.

Когда мы говорим о восприятии окружающей

среды как об особом психологическом процессе, мы делаем это с целью объяснения чувственного восприятия. Теоретически мы отделяем человека от его *сущностного единства со средой*. Мы повторяем еще раз, что окружающая среда и в процессе восприятия составляет единство с человеком; нельзя утверждать, что человек является изолированным существом по отношению к среде, в которой он находится. Конечно, в результате восприятия человек на основании деятельности первой системы отражает воспринимаемую реальность, но в то же время он составляет с этой средой единство познаваемого и познающего.

Из этого следуют важные выводы относительно восприятия окружающей среды. Отношение человека к окружающей среде можно изучать как часть картины, в рамках которой происходит восприятие; отдельные компоненты, на которые можно расчленить эту картину, детерминированы всей ситуацией, в которой мы находимся. Это означает, что в процессе восприятия мы как бы не вмешиваемся в окружающую среду, но тем не менее изменяем ее уже хотя бы потому, что относим определенные аспекты своего опыта к окружающему миру. Мы в редких случаях только воспринимаем. Гораздо чаще с восприятием связано действие простого и сложного порядка. Если для нас неприятен запах откормочного свиноводческого пункта, то мы стремимся фильтровать воздух, хоть это и удастся только символически, ибо наше обоняние слишком изнежено цивилизацией. Если мы проходим мимо работающего компрессора, то подсознательно стремимся ускорить шаг. Если же нас заинтересует вновь построенный архитектурный объект, то мы можем надолго остановиться, разглядывая его и удивляясь его красоте.

Эти факты имеют также философско-этический параметр. Они объясняют не только взаимосвязь человека и среды, но и отрицательное влияние современной техники на различные экосистемные связи. Поэтому не так просто и легко достичь понимания того факта, что человек и его среда образуют взаимодействующее единство. Некоторые люди убеждены, что они могут преобразовывать среду в соответствии со своими представлениями, реальными или фантастическими, как будто внешний мир, объективная реальность существуют независимо от них. Иногда

они поступают таким образом, словно убеждены, что изменение среды их не коснется, не окажет на них обратного влияния. Если мы подходим к окружающей среде с экономической точки зрения, игнорируя гуманитарные аспекты, и если мы хотим получить от окружающей среды только то, что планируем, то тем самым мы невольно противопоставляем себя той среде, в которой мы действуем. В этом случае может легко произойти искажение, ошибка в восприятии действительности. Тогда возникнут экологические нарушения, а часто и неадекватное понимание других взаимосвязей во временных и исторических параметрах. Если мы преобразуем среду, то тем самым мы изменяем не только ее восприятие, но и самих себя. Многое зависит также от того, желательны эти изменения или нежелательны.

Чтобы немного отдохнуть от чистого теоретизирования, оживим изложение двумя примерами, которые проиллюстрируют, как мы воспринимаем определенные аспекты среды и как в связи с этим среду оцениваем. Первый пример относится к малозначимой на первый взгляд вещи — определению расстояния; второй пример тематически более важный, так как в нем речь идет о проблеме шума, который наряду с химическими отходами представляется очень вредным производным цивилизации. На этих примерах мы покажем, как действие человека определяется восприятием различной по своему характеру жизненной среды.

Как мы определяем расстояние. Определяя расстояние, человек редко может сказать точно, на чем он строит свое предположение. Поскольку речь идет о действиях, наполовину сознательных, наполовину интуитивных, то наши предположения будут резко различаться между собой. Пространственные представления, из которых возникает предположение, зависят от структуры среды. Поэтому нам кажется, что определить расстояние в знакомой нам местности проще простого. Тем не менее мы по-разному оцениваем расстояния, пройденные нами в лесу, когда, скажем, собираем грибы. Многое зависит от физического состояния человека, степени его усталости, желания достичь цели, скорости движения. Оценка этих компонентов весьма субъективна, а отсюда субъективно

и понимание быстрого или медленного движения. Я очень люблю спрашивать местных жителей в провинции, сколько нужно времени, чтобы прийти на какое-то определенное место. Одно и то же расстояние определяется ими на час ходьбы, полчаса, а то и на два часа.

По-разному определяет человек расстояния в холмистой местности и на равнине. В холмистой местности есть больше опорных пунктов для создания представления о расстоянии, чем на абсолютно плоской равнине, уходящей куда-то за горизонт. А «сухопутные крысы» вообще не могут определить расстояние на море: мы плывем на судне к берегу, а скалы, выступающие из воды, все такие же — на расстоянии двух километров они выглядят так же, как и на расстоянии десяти километров. На море нет определенных точек ориентации, и в такой ситуации неопытные пловцы могут попасть в неприятную ситуацию.

Определение расстояния в городе происходит по-иному. Оно не зависит от видимых урбанистических опорных пунктов, а опирается на пространственный опыт, который является составной частью особого представления; мы называем его ментальной (мысленной) картой, о которой еще будем говорить в дальнейшем. Психологическое исследование поведения и ориентации людей в городах дало очень интересные данные относительно определения расстояния. Прежде всего люди оценивают по-разному одно и то же расстояние в зависимости от того, в каком направлении оно определяется. Так, расстояние от центра города до окраинных кварталов значительно преувеличивается. Это значит, что путь в центр города нам кажется всегда короче, он быстрее преодолевается. Нам представляется это субъективным, хотя такое ощущение может иметь и объективные основания. Это связано с представлением о городе, которое закодировано в долговременной памяти людей.

Пространственная образность окруженного данными рамками пространства, обыденное географическое представление, как правило, бывает сконцентрировано вокруг центрального пункта региона, вокруг точки, которая по геометрическим представлениям находится в центре. Психологи назвали такой способ ориентации *фокальной ориентацией*, в центре которой

находится очаг представления, направляющий движение мысли во время ориентации и определения расстояния. Центр вообще кажется более доступным, чем окраина; люди полагают, что по своей значимости он богаче, дает более разнообразные импульсы, которые стимулируют одно из основных человеческих свойств — любознательность. Центр города оказывает на людей особое, магнетически притягивающее влияние. Здесь им все кажется не только ближе, но и лучше. Когда они принимают решения о возможных покупках, то отдают предпочтение магазинам, расположенным на трассе по направлению к центру города, хотя возможности осуществить покупки по всей трассе идентичны. Это показали исследования, проведенные в некоторых крупных европейских городах. Действие магнетической притягательной силы центра очевидно и здесь. Иначе нельзя объяснить мотивационное значение центров ориентации урбанистических агломераций. В другом случае мы уходим на окраины, спасаясь от чрезмерного множества импульсов, сосредоточенных в центрах городов. Не следует забывать о факте разного определения расстояния от центра до окраины. Это поможет нам правильно планировать время, поскольку городская жизнь во временном отношении ставит более жесткие требования, чем жизнь на селе.

Влияние шума на психику человека. Окружающий мир становится все более шумным. Технический прогресс неизбежно несет с собой звуковые отходы, а не только тот необычный звуковой фон, который возникает всюду в тех местах, где деятельность людей вторгается в окружающую среду. В настоящее время жители городов уже и представить себе толком не могут, что такое тишина. А иногда кажется, что они ее даже боятся. Как иначе объяснить тот факт, что, даже находясь в лесу, они неизменно таскают с собой включенный транзистор.

Особенно перенасыщены шумом улицы, по которым движутся автомашины, трамваи, другие виды транспорта, масса прохожих, что в конечном итоге образует пульс города. Жизнь современного человека немыслима без всевозможных носителей шума, притом не только в сфере его трудовой деятельности, но и в быту — пылесосов, стиральных машин, холодиль-

ников, телевизоров. Шум создают и сами люди, что очень хорошо знакомо родителям, имеющим маленьких детей.

Доказательств отрицательного влияния шума на здоровье человека достаточно много. Страдает его слуховой аппарат, а при чрезмерном и длительном шуме он может быть частично, а иногда и серьезно поврежден. Шум оказывает неблагоприятное влияние не только на слух человека, он воздействует и на другие его физиологические функции. Наиболее четко это проявляется в постепенной невротизации тех, кто подвержен длительное время воздействию шума. Ввиду этого психология жизненной среды включает также исследования влияния шума на здоровье человека и его состояние. Сильный, длительно действующий, интенсивный и нерегулярно прерываемый шум психологи квалифицируют как опасный фактор, который отравляет окружающую среду буквально в такой же степени, как и отходы химического производства.

При изучении воздействия шума на психику человека мы должны различать звук и шум. *Звук* есть физическое явление, возникающее в результате изменения давления воздуха. *Шум* — психологический термин, означающий неприятный, нежелательный, а иногда труднопереносимый звук. Некоторые авторы, избегая оценочных ассоциаций в описании воздействия шума на психику, вводят понятие *раздражение*, с помощью которого пытаются описать изменчивую и в сущности отрицательную реакцию людей на часто воздействующий на них шум. Шум является прежде всего субъективным восприятием, притом весьма относительным. Крики «гол!» на заполненном стадионе болельщик не воспринимает как шум. Но если мы вдруг вынуждены громко чихнуть в заполненном читальном зале, то все присутствующие воспримут это как отрицательный фактор, т. е. шум. Звучащая на полную мощность стереосистема не мешает танцующим на вечеринке, но вибрация, сотрясающая дом, лишает покоя соседей. Влюбленная пара в кинозале, громко выражающая свои восторги по поводу увиденного на экране, естественно, будет неприятным источником шума для рядом сидящих. Однажды я был на концерте, и мой сосед, по-видимому уставший после работы, быстро уснул и начал храпеть. До сих

пор не могу понять, как он смог приспособиться к ритму музыки Моцарта — и в результате его храп не мешал окружающим.

Конечно, неприятные чувства и раздражение нарастают с ростом децибелов: 70 децибелов вызывают раздражение (например, пылесос); 110 децибелов (работающая циркулярная пила) могут вконец испортить послеобеденное настроение в выходной день. Но наряду с децибелами большое значение имеет носитель, причина шума. Хозяйке, убирающей квартиру, шум пылесоса не мешает. Работа отбойного молотка, как правило, не раздражает рабочего, держащего этот инструмент в руках. Многократно проверенный и в настоящее время уже ставший аксиомой вывод заключается в том, что людям, которые могут контролировать акустический уровень среды, шум мешает меньше. Они управляют источником шума и могут в любое время выключить производящие его приборы, инструменты, машины. Шум мешает всегда тем, кто находится под его воздействием и не может оказать на него никакого влияния, не может его контролировать или управлять им.

По всей вероятности, кое-что зависит и от психического настроения по отношению к источникам шума. Шведские социологи провели интересный эксперимент. Жители поселка, расположенного вблизи военного аэродрома, часто жаловались на шум летающих самолетов. Им послали красивую, богато иллюстрированную книгу о прошлом и настоящем шведской авиации. Кроме того, в ней большое внимание уделялось современному авиатранспорту. Через несколько дней психологи провели анкетный опрос, в результате которого установили, что тем, кому они подарили книгу, шум мешал меньше, чем людям, которые не были с книгой знакомы.

Шум непосредственно влияет на психическое состояние человека, и поэтому бороться с ним очень важно в целях сохранения психического равновесия человека вообще. Шум повышает уровень страха. Вызывает эмоциональные стрессы. Способствует развитию агрессивности. Исследования психиатров показывают, что длительное время действующий сильный шум или, хуже того, нерегулярно прерываемый интенсивный шум может вызвать у людей асоциальные действия. Шум на грани допустимого меняет

отлаженный ритм деятельности, деформирует социальное поведение и правила взаимных отношений между людьми, что представляется очень важным в смысле понимания окружающей среды как целого. Шум снижает желание к сотрудничеству и стремление помочь другим людям в беде. Даже хорошие соседи могут превратиться в людей, которые раздражают друг друга. И наконец, шум ослабляет контроль над агрессивными импульсами, и люди в таком состоянии склонны к «взрывам».

Интересное исследование было проведено в психологической лаборатории в университете в Нью-Хемпшире. На группу людей воздействовал необычайно сильный шум, который издавала специально приспособленная для этой цели сенокосилка. Возле этой группы проходил мужчина, у которого «случайно» падали различные бумаги. Для усиления эффекта у человека, который должен был такими театральными действиями тестировать желание людей помочь другим, одна рука была в гипсе. В нормальных условиях проявили желание помочь незнакомому человеку собрать рассыпавшиеся бумаги 80% наблюдателей, в условиях же сильного и интенсивного шума это сделали только 15%. В Голландии подобные опыты были проведены на шумных улицах крупных городов, а также в тихих переулках окраин. «Незнакомому туристу», растерянному изучавшему карту города, оказывало помощь значительно больше людей в тихих переулках, чем на шумных магистралях.

Итак, мы видим, что шум значительно снижает социальную мотивацию действий, желание помочь другому, нарушает отношения между людьми и разрушает в людях самаритянские импульсы. Почему?

Есть несколько психологических объяснений этого явления.

1. Помогая друг другу, люди охотно обмениваются несколькими словами. Но есть такие люди, которые не окажут помощи, если не могут обосновать причин и побудительных мотивов своих действий. Шум закрепляет в данном случае форму поведения людей.

2. Для другой группы людей шум столь неприятен и вызывает у них такое раздражение, что единственным мотивом их действий в данный момент яв-

ляется стремление как можно скорее уйти от источника шума.

3. Шум вызывает появление плохого настроения, а оно, как известно, противоположно желанию оказать помощь, принять участие в каких-либо совместных начинаниях на основании добровольного решения.

4. Шум усиливает враждебное отношение к окружающим. В результате того что шум разрушает состояние равновесия человека, у него быстрее проявляется склонность к агрессивным действиям.

5. Во время исследования в психологических лабораториях зависимости деятельности человека от уровня шума было установлено, что с нарастанием шума люди могут сконцентрировать свое внимание только на выполнении одной задачи и не воспринимают ничего, кроме этой задачи и самого шума. На практике это означает, что в шумной среде люди склонны игнорировать социальные призывы, сигналы, обращения, сообщения. Их внимание занято или заданием, или мыслью уйти от шума.

Каждый из нас жаждет дышать свежим воздухом, пить чистую воду, наслаждаться прекрасной природой. Компонентом окружающей среды большинства городов, особенно крупных, является шум. Экологи без колебаний квалифицируют шум как явно выраженный фактор загрязнения этой среды, как вредный «отход», вызванный развитием цивилизации и техники. Поэтому с точки зрения экологической перспективы при формировании окружающей среды нужно учитывать и необходимость ограничения шума.

Было бы ошибочным считать, что шум нам иногда и не мешает. Это только кажется, ибо восприятие его зависит от характера деятельности человека в данный момент. Юморист П. Дж. Уоденхьюз рассказывал, что во время игры в гольф, когда он сосредоточивался на трудном ударе, ему мешал шум крыльев бабочек. Как установлено в ходе психологических исследований, люди делятся по восприятию шума на две основные категории: *на чувствительных к шуму и зависимых от шума*. Для людей первой категории шум всегда неприятен, при любом его уровне. Идеальным состоянием они считают покой и тишину. Для людей второй категории шум, иногда даже очень сильный, является неким акустическим наркотиком.

Обосновать зависимость от шума несложно. Установлено, что шум способствует повышению уровня адреналина, что в психологическом отношении проявляется во временном исчезновении чувства тоски, опустошенности, меланхолических настроений, в снижении уровня страха и неуверенности. Эти два типа представляют собой крайние точки широкого спектра отношения человека к шуму.

Мы должны также понимать, что в состоянии абсолютной тишины, в атмосфере абсолютной акустической стерильности, мы долго находиться не можем, ибо шум является признаком жизни, символом активной деятельности. Шум сопровождает не только трудовую деятельность человека, но и карнавалы, праздники, встречи. Например, нам может мешать шум играющих детей, но если он исчезает, нам становится грустно. Шум помогает разрушить чувство одиночества и беспросветной тоски. Может быть, именно поэтому подрастающее поколение так любит атмосферу высоких децибелов. Находясь под непрерывным воздействием шума, молодежь не чувствует одиночества.

Не следует забывать и о том, что человек XX в., в особенности живущий в урбанизированной среде и привыкший к постоянной стимуляции, боится того момента, когда он оказывается один и ему ничего не остается, кроме конфронтации с самим собой. Это его толкает на поиски любого шума, который он предпочитает одиночеству. В средние века в монастырях громким пением и игрой на музыкальных инструментах спасались от искушения дьявола. Это значит, что наряду с раздражающим шумом существует также шум желательный и приятный. Кому бы пришлось в голову жаловаться на шум подъезжающего автобуса, ожидая его на открытом месте под дождем? Мы различаем шум приятный и неприятный не только с точки зрения собственного восприятия, но и с точки зрения других людей, которые находятся вместе с нами в данной окружающей среде, где вызванный нами шум может оказать неприятное воздействие. Об этом следует помнить и путем контроля звукового уровня своей среды способствовать экологическому равновесию в акустической сфере. Это — пусть небольшое, но существенное участие в позитивном формировании окружающей среды. Начинать

нужно с себя, хотя это всегда труднее, чем замечать ошибки других, зато пользу принесет неоценимую.

2. Окружающая среда как источник информации

В настоящее время можно указать на семь видов информации, которые характеризуют следующие ситуации восприятия окружающей среды как целого.

1. Среда не имеет определенных, твердо фиксированных рамок во времени и пространстве.

2. Среда воздействует на все чувства, и информацию о среде мы получаем из сочетания данных всех органов.

3. Среда дает не только главную, но и периферийную информацию.

4. Среда содержит всегда больше информации, чем мы способны сознательно зарегистрировать и понять.

5. Среда воспринимается в тесной связи с практической деятельностью; восприятие связано с действием и наоборот.

6. Любая среда наряду с физическими и химическими особенностями обладает психологическими и символическими значениями.

7. Окружающая среда воздействует как единое целое.

Рассмотрим эти признаки восприятия детально и будем их различать строго конкретно, хотя в действительности указанные аспекты мы не можем отделять друг от друга, они ведь воздействуют как целое, во взаимной зависимости.

Как определяются границы окружающей среды. Разве у окружающей среды нет твердых, строго определенных границ? На первый взгляд, это противоречит каждодневной практике. За дверь, которую я закрываю, уходя утром на работу, кончается среда моей квартиры. Я выхожу на улицу, и здесь кончается территория жилого дома. Перехожу на тротуар, о котором полковник фон Циллергут, герой романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», сказал, что это «та часть улицы, которая отделяет проезжую часть от домов». Спускаюсь в метро и оказываюсь в специфической среде подземного прост-

ранства городского транспорта, где указатели и надписи уверенно ведут меня к нужной мне станции. В поезде я разделяю с другими пассажирами четко ограниченное пространство. Затем прихожу на работу — и вновь иная среда, со всеми пространственными и межлюдскими границами, фиксируемыми трудовыми и внерабочими отношениями. Ведь и само проявление «человеческой территориальности», о которой мы еще будем говорить, достаточно ясно указывает на границы времени и пространства, сегментирующие окружающую среду на многочисленные пространственные и функциональные единицы.

Но если к этой проблеме подойти с экологической точки зрения, то мы должны кое в чем изменить наш каждодневный опыт. Жизненное пространство есть такое целое, которое обретает значение только в связи с деятельностью человека. Он же устанавливает и его границы. Но, несмотря на вмешательство человека, воспринимаемые нами отдельные сегменты окружающей среды органически и системно связаны друг с другом, образуют единство, проникают друг в друга. К примеру, шум проникает через границы, созданные человеком. То же самое относится к воздуху и воде. Например, рядом с крупным откормочным пунктом для скота расположен изолированный большой фекальный коллектор. Но его содержимое может вдруг просочиться за пределы территории откормочного пункта, и гигантские резервуары фекалий перестанут выполнять предназначенную им роль; созданная человеком граница нарушится, и нежелательное вещество может появиться в нескольких километрах дальше, в местах, для него не предназначенных. Окружающая среда в экосистемных связях не имеет определенных границ длительное время, о чем свидетельствуют примеры влияния промышленных агломераций, отходы которых воздействуют на флору за сотни километров от ее расположения.

Границы жизненной среды как определенного целого создает человек, развивающий активную деятельность. Поэтому они не являются неизменными, таковыми их иногда воспринимает лишь индивид. С точки зрения психологии человека, он сам является организатором своей среды, так же как, скажем, путешественник, осматривающий неизвестную местность и определяющий ее границы, исходя при этом

из физических особенностей рельефа. Познавая окружающее пространство, человек устанавливает в нем границы, которых в сущности нет. Это делает каждый из нас в своем каждодневном опыте. Мы постоянно ищем и мысленно создаем границы, которые отвечают нашим практическим потребностям, что облегчается тем, что разные сегменты среды, хоть и образуют целое, могут отличаться друг от друга пространственной структурой, комбинациями элементов, визуальными и другими смысловыми атрибутами.

Мы вносим границы в среду и в соответствии с импульсами, которые она содержит. Среда бывает настолько наполнена импульсами, что может вызвать хаос в восприятии (например, улица, перенасыщенная световой рекламой). И наоборот, существует среда пустая, монотонная, где повторяются одни и те же элементы и возможность определения границ восприятия весьма незначительна. Каждый автомобилист знает разницу в восприятии дороги в горах и на монотонном шоссе на равнине. Недостаток разнообразия импульсов может оказывать даже гипнотическое, усыпляющее воздействие. Человеку присуща потребность в разнообразии восприятия, которую не может удовлетворить бедная и монотонная среда. Эта потребность определяет также обычное стремление человека отграничивать отдельные сегменты, придавать им цельность, что обусловлено не только индивидуальным восприятием, но и культурным наследием.

Самой неблагоприятной является пустая среда. Среди всех видов страха, испытываемых человеком, важное место занимает боязнь пустоты. *Nocturno vacuū*, как говорили древние римляне, боязнь неограниченной среды, страх перед пустой, хоть иногда и прекрасной, бесконечностью можно испытать, наблюдая в одиночестве летнее звездное небо и думая о космических даях. До того как Магеллан доказал, что Земля круглая, именно страх перед безграничностью океана, бесконечностью водных пространств пугал моряков.

Склонность человека ограничивать жизненную среду закреплена в его социально-культурной истории и биологической природе. Социально-культурное наследие каждый индивид впитывает в процессе воспитания и в соответствии с этим вместе с остальными

людьми расчленяет окружающую среду в психологическом и социальном отношениях, как бы внутренние фиксирует определенные различия и совпадения, ориентируется в ней. Человек есть существо, для которого характерно явное стремление *расчленять единую природу*. Искусственная среда, созданная человеком, постоянно демонстрирует границы различной градации и значения, которые возникают в результате познания природы человеком и в ходе практической деятельности. Это очень четко проявляется в сегментированном восприятии природы. Она географически расчленена не только на картах с помощью графических символов и окраски, но и в аутентичном восприятии пространственных градиентов и противопоставлений: горы — равнина, вода — суша, город — село. Если пространственное членение среды не дает достаточного количества противопоставлений и отличительных элементов, то люди находят другой способ дифференциации, применяя такие противопоставления, как центр — окраина, возвышенное — обыденное, частное — общественное.

Указанная тенденция действует и при наблюдении за явлениями природы, например при составлении прогноза погоды или определении климатических особенностей. Есть климатические зоны холодные и теплые, сухие и влажные, тропические и арктические. Прогноз погоды строится непосредственно путем ограничительных приемов: есть фронт холодный и фронт теплый; сила ветра определяется по шкале Бофорта; температура измеряется прибором, с помощью которого в природный процесс вносятся определенные градации. Это же относится к давлению воздуха и другим качественным отличительным физическим показателям, помогающим человеку разделять окружающий мир, определять границы и давать характеристику различным структурам окружающей среды, хотя они тесно связаны между собой. Само окружающее пространство заставляет человека устанавливать такие границы. Конечно, эти границы существуют объективно, но человек своей экологической деятельностью придает им законченную форму. Но иногда он абстрагируется от реальных взаимосвязей и устанавливает границы там, где этого делать нельзя, в результате чего он в сущности совершает насилие над природой. И только при различных экологических

катастрофах и кризисах становится очевидным, насколько ошибочно человек определил границы, субъективно внося их в окружающую среду.

Среда воспринимается всеми органами чувств. Какими бы физическими характеристиками окружающая среда ни обладала, она всегда воздействует на человека как целое, из чего следует, что импульсы, которые воспринимает человек, никогда не бывают изолированными. Восприятие окружающей среды не является лишь суммой частей, оно — надсуммарно. Мы должны сознавать, что среду, в которой вращаемся, мы *воспринимаем одновременно всеми органами чувств*. К примеру, невозможно воспринимать среду только оптически, так как зрительный орган функционирует в полном взаимодействии со всеми остальными органами чувств, которыми располагает человек. Случается, что иногда может преобладать какой-то определенный рецептор, например обоняние, когда в комнате разбит, скажем, флакон с духами. Но и в том случае, когда в восприятии преобладает один рецептор, мы одновременно видим, слышим, осязаем. Восприятие является не только реакцией рецепторов на соответствующие импульсы, но и целенаправленной активностью избирательного характера. Каждый автомобилист может подтвердить, насколько автоматически и частично подсознательно он «погружен» в мультимодальное восприятие движения своего автомобиля. Визуально он контролирует движение машины, иногда бросает взгляд на приборную доску, зеркало заднего обзора, смотрит на своего пассажира, а иногда и на мелькающих на тротуаре пешеходов. При этом он постоянно прислушивается к «голосу мотора», ступни его управляют педалями, т. е. он всем своим существом связан с машиной, образует с ней нечто единое. Недаром говорят, что настоящий автомобилист чувствует машину как часть своего тела. Это, конечно, метафора, но достаточно точная*.

* Для меня остался загадкой рекордсмен мира, автогонщик, ездивший на машине с завязанными глазами, — Машек из г. Тын на Влтаве. Я сам несколько раз сидел рядом с ним, и моему удивлению не было конца. Черный платок, которым он завязал глаза, я держал в руках и мог убедиться в том, что он непрозрачен. Машек — член союза магов, но как же все-таки он управ-

Поскольку мы, надеюсь, достаточно четко уяснили тот факт, что человек воспринимает окружающую среду всей совокупностью своих органов, сконцентрируем внимание на отдельных рецепторах и определим их относительное значение для восприятия целого окружающего пространства.

Зрение является ведущим рецептором вида *Homo sapiens*. Некоторые исследователи считают, что 90% информации об окружающей среде человек получает с помощью зрения. Мы знаем, как трудно ориентироваться в условиях абсолютной темноты. Архитектура, которой мы заполняем окружающую среду, является визуальным искусством и в то же время утилитарной сферой. Она воздействует на человека и той и другой стороной. Наряду с приятными визуальными импульсами существуют и неприятные, которые можно считать такими же стрессовыми импульсами окружающей среды, как и чрезмерный шум. Наглядным примером этого являются краски и их комбинация. Дерево, посаженное на городской улице, имеет большое значение не только потому, что очищает воздух, но и потому, что оказывает воздействие на человека своей окраской. Зеленые насаждения прекрасно освещают однотонную городскую среду. В то же время они имеют глубоко символическое значение, культурную ценность. Ведь именно дерево представляет собой яркое свидетельство и гарантию круговорота процессов в природе, когда осенью сбрасывает свой зеленый наряд и как бы умирает, а весной — снова пробуждается в новом зеленом уборе. Древние германцы строго наказывали члена племени, срубившего без надобности дерево. Бессмысленно гибнущее дерево — это всегда грустное зрелище.

Большое значение в восприятии человеком окружающей среды имеет *осязание*. Оно дополняет зре-

ляет машиной, ничего не видя? Он утверждал, что дорогу перед машиной он воспринимает как целое всеми органами чувств, помимо зрения, как бы особым магнетическим способом. Значительную информацию ему давал слух. Он утверждал, что все объекты у дороги обладают различными «голосами»: придорожные столбы звучат совсем по-иному, чем забор города, стена кладбища по звуку резко отличается от стены дома. У этих объектов, конечно, никакого голоса не было, они только по-разному отражали звук автомобиля Машека. Но он, на мой взгляд, не мог ориентироваться только с помощью смены акустических эффектов. Его езда вслепую так и осталась для меня загадкой.

ние в том смысле, что дает информацию об изменении осязательных аспектов окружающей среды. Путем исследований доказано, что человек может жить, потеряв зрение, но без осязания, точки которого рассеяны по всей поверхности тела, он жить не может. Мы постоянно соприкасаемся с чем-то — с одеждой, с предметами, с которыми работаем. Осязание непосредственно позволяет чувствовать сопротивление и давление и почти не зависит от нашего воображения, чего нельзя сказать о других рецепторах. Таким образом, осязание постоянно информирует нас об особенностях окружающей среды. Материалы нас либо привлекают, либо отталкивают: мы не станем гладить забор из гофрированной жести — этого любимого сегодня строительного материала. Но мы с удовольствием прикоснемся к отполированной годами скамейке у деревенского забора, которая как бы зовет нас к отдыху и размышлениям.

Слух является пассивным органом в процессе восприятия. Мы можем закрыть глаза и тем самым исключить восприятие чего-то неприятного, но в ушах у нас нет никакого клапана. Слух часто дает нам информацию о среде, которая находится вне нашего зрительного поля, за горизонтом, охватываемым зрением. Восприятие пространства в значительной мере зависит от функции слухового аппарата, регистрирующего приятные и неприятные звуки, например шум, который, как мы уже говорили, относится к типу невротического влияния окружающей среды, — это типичный продукт технически развитого общества.

Животные обладают прекрасным *обонянием*. Человек не устает удивляться способности животных находить следы по запаху и управлять в соответствии с этим своей жизненно важной активностью, например поисками особей противоположного пола. Современный человек проявляет все большую склонность к пренебрежению обонянием, хотя именно оно — крайне важный рецептор. Пригодность среды для выполнения определенной деятельности человек оценивает, как правило, носом, который по запахам получает информацию там, где глаз не видит и откуда не доносятся акустические сигналы. Например, легкое ощущение знакомого запаха может вызвать четкие воспоминания о чем-то давно минувшем, например о

детстве, и в памяти всплывает живое представление определенной ситуации. В одном руководстве для будущих супругов итальянский профессор советует паре, планирующей вступить в брак, уехать в отдаленное, изолированное место и там жить не умытаясь две недели. Запах тела партнеров вскоре станет тем, который присущ только им, без примеси косметики, и если они смогут не замечать его, то это и будет безошибочным тестом в пользу их будущей счастливой семейной жизни. Эту информацию, конечно, надо воспринимать с юмором.

В городской среде у человека систематически и подсознательно уменьшается чувствительность органа обоняния. Воздух здесь наполнен таким количеством отработанных газов, что людям ничего не остается, как только постепенно привыкать к ним. Габитуация органов восприятия (так определяется на профессиональном языке процесс, когда человек перестает дифференцировать их сигналы), как свидетельствует пример с обонянием, весьма значительна. Мы это понимаем очень четко и ясно, когда по лесной дороге мимо проезжает машина лесного управления и на фоне чистой атмосферы леса выхлопные газы единственного автомобиля оставляют очень неприятный запах. Создается впечатление, что развитие цивилизации подавляет обоняние как рецепторный канал, по которому организм получает существенную информацию. Например, в развитии ориентации у ребенка обоняние играет весьма существенную роль с первых дней жизни. Французский психолог Аяри Монтажёр доказал, что грудной ребенок, которому всего несколько дней, может четко различать одежду матери, при этом он руководствуется только обонянием. Не следует забывать об обонянии как очень существенном чувстве, с помощью которого мы ориентируемся в окружающей среде и развиваем его до очень высокой степени.

Восприятие окружающей среды происходит путем одновременного взаимодействия всех органов чувств, хотя человек все более становится рабом зрения. Это усиленно закрепляет сегодня аудиовизуальный характер культуры, где на первом месте стоит телевидение. Можно смело утверждать, что современный человек в своей оценке окружающей среды все больше полагается на зрение. Об этом свидетельствует и тот

факт, что определенное пространство и возможность его использования для практической деятельности ограничиваются прежде всего визуально.

Но перед наукой стоит еще один важный вопрос: есть ли у человека наряду с классическими пятью органами чувств и наряду с чувством, информирующим его о внутренних процессах, происходящих в организме (например, чувство равновесия), и другие органы, с помощью которых он может ориентироваться в жизненной среде и получать информацию? Тема эта очень волнующая. У нас пока нет каких-либо окончательных результатов, которые решительно подтверждали бы эти гипотезы, но с целью расширения нашего познания мы ознакомимся с исследованием предполагаемого «магнитного чувства», с помощью которого человек может ориентироваться в окружающей среде.

Существует ли «магнитный орган»? Представьте себе, что вас похитили или что вы стали ценным заложником. Похитители завязывают вам глаза и везут куда-то за 50 км, при этом всячески запутывают следы и меняют направление, чтобы вы не могли запомнить дорогу. Затем высаживают вас в незнакомой местности, где отсутствуют точки ориентации. В каком направлении находится ваш дом, в котором вас захватили? Вряд ли кто-нибудь из нас знал бы, куда надо идти, что делать, если бы ему удалось бежать. У людей нет такого чувства ориентации, каким обладают различные животные, например голуби или змеи.

В 1976 г. английский психолог Робин Бейкер решил провести исследование скрытых, по его мнению, способностей человека ориентироваться в незнакомой среде, где к тому же отсутствуют важные элементы, облегчающие ориентацию. В этом эксперименте приняли участие 64 студента-зоолога из университета в Манчестере. Им завязали глаза темной материей и посадили в автобус. Затем автобус отправился по очень сложному маршруту, чтобы никто не мог запомнить направление его движения. Проехав 50 км, автобус остановился, и студенты вышли с завязанными глазами. Их задачей было ответить на очень простой вопрос: в каком направлении расположен университет? Затем они должны были определить

сторону света. Только после этого с них сняли повязку и попросили показать, на этот раз с открытыми глазами, где находится университет.

И вот первая неожиданность — определение направления, сторон света было более правильным, когда они отвечали с повязкой на глазах! Когда у них сняли повязку, то точность ответа исчезла. Эти результаты нужно было объяснить. Чем руководствовались студенты в определении направления? Некоторые заявили, что они пытались ориентироваться по теплу солнечных лучей, проникавших сквозь тучи. Эксперимент проводился при пасмурной погоде. Другие пытались реконструировать направление, считая повороты автобуса, но такой сложный путь они запомнить не могли, и большинство из них признались, что уже после первого километра потеряли ориентацию.

Анализ результатов показал, что:

- 1) положение Солица не влияет на определение движения;
- 2) подопытные, которые хорошо знали местную систему дорог, в определении направления практически не отличались от лиц, совершенно незнакомых с дорогой.

Этот эксперимент вызвал значительный отклик. В сотрудничестве с телевидением в Йоркшире был проведен следующий опыт. 29 июня 1979 г. 31 подросток в возрасте 16—17 лет занял места в автобусе. На глазах у них, конечно, была повязка, но, кроме того, на головах у них прикреплена была магнитная антенна. Выехали в неизвестном направлении. С какой целью была применена магнитная антенна? Автор эксперимента Р. Бейкер знал об экспериментах, во время которых у почтовых голубей было изменено магнитное поле при их доставке на место старта, в результате чего путь домой они выбрали иной. Почему бы, подумал Бейкер, не попытаться провести такой эксперимент и с людьми?

У половины студентов на головах были действительно магнитные антенны, а у второй половины — их имитация, о чем они не подозревали. Результаты определения сторон света были весьма интересны. Студенты, у которых на головах были имитированные антенны, ориентировались хорошо. Студенты же, у которых на головах были настоящие магнитные ан-

тены, указывали направление, которое отклонялось от действительного на 90° против часовой стрелки. Следовательно, чувство ориентации у них было серьезно нарушено, заблокировано.

Следующие эксперименты проводились в измененных условиях: вместо телескопических магнитных антенн студентам на головы надели специальные шлемы, в которые были вмонтированы магнитные катушки, подключенные к девятивольтовым батареям. Катушки создавали магнитное поле в три раза большее, чем земное магнитное. Батареи можно было выключить, поэтому некоторые студенты выступали в качестве контрольных подопытных лиц, поскольку их шлемы не были активированы. И вновь подтвердились прежние результаты — появились значительные различия в определении сторон света и в ориентации между теми, у кого на голове был активированный шлем, и теми, на кого не влияло искусственное магнитное поле.

Таким образом, подтверждена была гипотеза, согласно которой человек также обладает органом, воспринимающим действие магнитного поля, в данном случае в ориентировании в незнакомой местности и в определении направления исходной точки. Тем самым открывается перспектива для исследования влияния магнетизма на человеческую психику, а не только на физиологические процессы. Научные исследования в поисках шестого чувства и других неизвестных рецепторов имеют многолетнюю историю. Наряду с такими видами шестого чувства, как телепатия и ясновидение, наряду с различными формами восприятия за рамками известных органов признается и чувство магнетизма. При этом речь идет не о научной фантазии, а о реальной, хоть и не до конца познанной физиолого-психологической особенности человека. Многие утверждали, что такое «магнитное чувство» развито у племен и народов, находящихся на ранней ступени общественного развития, и у детей. Взрослые жители промышленных центров таким чувством, мол, не обладают, так как оно им не нужно и постепенно атрофировалось. Исследования Бейкера показали, что это чувство неявно проявляется и у взрослых.

Указанное исследование Бейкера показало, что на человека действует целый ряд факторов среды, но

современная наука либо игнорирует их, либо исключает возможность их существования. Однако если учесть большое разнообразие системных связей в структуре окружающей среды, то следует занять более гибкую позицию и постоянно экспериментально проверять отдельные гипотезы, так как мы в действительности не очень много знаем о возможных коммуникационных каналах, по которым идет информация от среды к нашему организму.

Но если человек обладает «магнитным чувством», то возникают и другие вопросы. Речь идет не только о способности к ориентации и определению сторон света. Можно предположить, что магнитное поле Земли вместе с другими источниками электромагнитных волн (которых в настоящее время гораздо больше, чем это допустимо с точки зрения здоровья человека, начиная с телевидения) оказывает влияние на человека и в других важных для него жизненных процессах, например в таком, как сон. Поэтому было бы целесообразно осуществить глубокие исследования «магнитного (или электромагнитного) чувства», которое мы не наблюдаем непосредственно и осознанно, но которое тем не менее является неотделимой составной частью системы восприятия человека.

Бейкер не ограничился только описанием и оценкой эксперимента. Он поставил также вопрос о месте нахождения такого органа. Бейкер и его коллеги выдвинули гипотезу, что он расположен, по всей вероятности, там, где в ткани обнаружены небольшие следы магнетита. Для некоторых организмов наличие магнетита имеет жизненно важное значение. Например, существуют болотные бактерии, которые в лабораторной чашке Петри всегда концентрируются в ее северной части. И только когда мы изменяем магнитное поле, они перемещаются в южную часть чашки. Было установлено, что магнетит составляет 30% сухого веса этих бактерий. Чувствительность к магнитному полю для них жизненно, экологически необходима, по всей вероятности, с его помощью они ориентируются в своей среде обитания и ищут наиболее благоприятное для себя место.

Открытие магнетита в живых организмах привело некоторых биологов, например Дж. Гоулда из университета в Принстоне, к исследованию и других живых организмов. В результате магнетит был обна-

ружен в системе пищеварения пчел и в мозге почтовых голубей. На основании тщательных наблюдений над пчелами и голубями было установлено, что оба вида организмов обладают чрезвычайно тонким «магнитным чувством». А недавно магнетит был обнаружен у млекопитающих — дельфинов и обезьян.

Это позволяет предположить, что «магнитное чувство» человека связано со следами магнетита в тканях, который чувствителен к силам, генерируемым магнитным полем. Эксперименты свидетельствуют о том, что такой орган мог бы быть локализован на глубине 3—4 см по линии, которая проходит между глазами внутри черепа, т. е. в точке, которая находится прямо под альфа-факторными (обонятельными) долями мозга. Однако это предположение окончательно еще не подтверждено. В конце концов не столь важно, где находится такой орган, гораздо более важно установить, реагирует ли человек на земной магнетизм и учитывает ли в своих действиях силовое поле земного магнетизма? Открытие нового и притом активно действующего органа расширило бы сферу исследования биологов, психологов, медиков и помогло бы в создании адекватной окружающей среды. Было бы желательным выяснить, взаимодействует ли «магнитный орган» с другими органами человека, ибо, как указывалось, люди воспринимают среду в целом всеми органами одновременно. Вопрос же заключается в том, в такой ли степени познали мы эти органы, как это иногда утверждаем?

Все ли мы замечаем в своем окружении? Внимание человека весьма неустойчиво, и полное сосредоточение на чем-то определенном требует от него значительного психического напряжения. Всякая среда, если она не очень бедна импульсами, дает много разной информации, но обилие информации еще не говорит о ее полезности. Именно полезная информация, которую человек считает в данный момент самой важной, будет находиться в центре его восприятия, остальная будет на периферии, на заднем плане. Это очень важная особенность восприятия среды, ибо наряду с основной информацией мы воспринимаем, или просто «регистрируем», информацию второстепенную, периферийную. Иногда она имеет не мень-

шее значение, чем та, на которой мы концентрируем внимание, так как в определенной степени дополняет общую картину восприятия среды.

Когда мы предпринимаем какие-либо действия, то, как правило, концентрируем свое внимание на том, что находится перед нами. Но существует пространство и сзади нас, которое представляет такую же ценность, как и пространство впереди нас. Хотя мы его и не воспринимаем, но свои действия соотносим с его существованием. Периферия является составной частью среды как целого, о чем часто забывают. Периферийное восприятие известной среды имеет свои преимущества в коллективных видах спорта. На своем стадионе футболисты могут играть лучше, чем на чужом, по очень простой причине. Периферийное видение помогает игроку ориентироваться в пространстве, центральное же — позволяет концентрироваться на самой игре. Поскольку свой стадион он знает наизусть, то это дает ему возможность, не сознавая этого, почти автоматически сосредоточиться на игре.

Определение *центр — периферия* относится не только к восприятию среды. Восприятие людьми среды детерминировано основной идеей — идеей организации пространства: середина и окраина, центр и периферия. Это универсальная оценочная координатная система. Она связана с тем, что человек воспринимает пространство вокруг себя, окружающую его среду эгоцентрически. В социальных и культурных отношениях географическое пространство воспринимается и переживается этноцентрически и структурируется в соответствии с противопоставлением *родина — чужбина*. С этой точки зрения в центре действия в конце концов оказывается Я, создающее вокруг себя воображаемые поля, с помощью которых оценивается окружающая среда. Центр имеет наибольшую ценность, а объекты более отдаленные, периферийные, имеют убывающую ценность.

В качестве конкретного примера можно назвать проблему свалки или поиска мест, где можно складировать то, от чего мы стремимся избавиться. Лучше всего увезти это туда, где оно не будет торчать перед моими глазами, попросту не будет в центре моего частного, эгоистического видения мира. Иногда достаточно оставленной на лоне природы кучки му-

сора, чтобы на этом месте стали складывать мусор, притом в большом количестве. В некоторых случаях этому может способствовать и табличка с надписью: «Свалка запрещена». Это пространство не принадлежит никому, всего лишь периферия, поэтому я там могу свалить отходы, так как это не является центром моей окружающей среды.

Не вся информация осознается нами. Каждая среда содержит больше информации, чем мы можем сознательно воспринять, зарегистрировать. Наряду с осознанным существует и подсознательное восприятие. Мы получаем информацию, даже не сознавая этого. Такой вид восприятия называется *сублимированным*. Его существование подтверждено целым рядом экспериментов, среди которых достаточно привести пример подсознательно действующей рекламы. Во время демонстрации фильма через разные интервалы можно показать несколько кадров с рекламой, например, пепси-колы. Эту рекламу мы сознательно не регистрируем, тем не менее она оказывает возбуждающее влияние на активность зрителей после просмотра фильма: эксперимент показал, что по окончании фильма был повышенный спрос на напиток.

Сублимированное восприятие часто связано с известной уже средой, которую мы очень хорошо знаем. Английский архитектор Питер Смит в работе «Динамика урбанизма» указывает, что 90% известной архитектурной и урбанистической среды жители городов воспринимают сублимированно, ниже границы сознания. Это имеет и биологическое основание, так как перенасыщение импульсами для организма опасно. Вспомните, как вы воспринимаете знакомую вам городскую среду, в которой живете, или среду своей квартиры. Например, на работу вы ходите много лет в окружении среды, которая вам знакома, как ваша собственная ладонь. Вы почти не замечаете форму, цвет предметов в пространстве, но резкие изменения в структуре среды вы заметите. Указанная черта сублимированного восприятия была метко названа «урбанистическим сонambuлизмом». Она имеет свои последствия для экологической активности людей, к примеру, мы привыкаем и к очень неудовлетворительной с эстетической точки зрения среде с помощью очень простой защиты — мы почти перестаем вос-

принимать эту среду. Нам и в голову не придет, что мы сами могли бы ее улучшить.

Некоторые психологи рекомендуют два интересных метода более глубокого познания среды, в которой мы находимся, и способы устранения сублимированного восприятия. Попросите приятеля, чтобы он вам сделал повязку на глаза и ходил с вами по городу. Спустя некоторое время вы почувствуете обострение восприятия с помощью других органов чувств — слуха, обоняния, осязания — и обнаружите, что вас окружает богатый мир импульсов. Может быть, у вас возникнет идея изменить среду. Вне всяких сомнений, у вас создастся более яркая картина о составе среды, например, главной улицы в городе, чем тогда, когда вы каждый день спешите на работу, а после работы — в магазин и домой. Второй метод проще. Поставьте ноги на ширину плеч, наклонитесь таким образом, чтобы вы могли увидеть пространство сзади. Если вы сохраните такую позу длительное время, то обнаружите массу деталей, которых вы раньше не замечали. Это может побудить вас к экологическим действиям, к адекватному формированию окружающей среды, хотя бы в минимальном пространстве собственной квартиры.

Мы действуем, воспринимая среду. Восприятие окружающей среды не является пассивным созерцанием типа просмотра фильма в кинозале. Мы воспринимаем среду в процессе постоянного взаимодействия с ней. Человек действует всегда как неотъемлемая составная часть ситуации, в которой он находится. На языке кибернетики это можно было бы выразить так: в среде как целом нами всегда управляет система обратной связи; наши действия помогают нам убедиться в адекватности своего восприятия, в соответствии или несоответствии среды выполняемым действиям по отношению к целому и цели действия. Чтобы понять отношение между человеком воспринимающим и человеком действующим, мы должны рассматривать организм в постоянном его взаимодействии со структурой данной среды. А среда играет двойную роль: во-первых, выступает источником информации, которая позволяет нам предсказать возможные последствия альтернативных способов действия; во-вторых, является ареной, на которой осуществляется

деятельность человека. Последствия нашей деятельности в значительной мере являются результатом не только наших намерений, но и случая или ограничений, обусловленных характером среды. Иначе говоря, *восприятие среды обязательно и диалектически связано с действием в этой среде*. Это активный процесс, в котором восприятие среды в значительной степени детерминирует наши действия.

Мы уже говорили, что разная среда побуждает к неодинаковым действиям, связанным со структурой и функцией среды. Это особенно относится к искусственной среде, созданной в процессе общественного историко-культурного развития. На художественной выставке люди ведут себя совсем иначе, чем в ресторане, в самолете — иначе, чем в поезде, в городе — по-иному, чем в селе. Среда обязывает людей, и в ходе индивидуального развития человек с колыбели учится определять различные виды среды и действовать в соответствии с ее характеристиками. Резкое отклонение поведения от норм, обусловленных обществом и культурой в определенной среде, воспринимается как неприемлемое, и остальные люди отрицательно реагируют на поведение нарушителя норм.

Активный характер восприятия окружающей среды как целого можно проиллюстрировать на работе человека, ищущего водные источники (лозоходца). Мы выбрали эту специфическую деятельность для того, чтобы продемонстрировать психологию передвижения человека в пространстве, а не для того, чтобы доказывать или опровергать гипотезы о загадке лозоходцев. Мы стремимся не к доказательству существования такого явления, а к демонстрации психологической системы координат действий, основанных на восприятии окружающей среды как целого. Попытаемся доказать тот факт, что и экстрасенсы (как бы они ни объясняли смысл своей работы, реалистическим или иным способом, в большинстве случаев с применением физической теории) в конце концов являются всего лишь людьми с тонким восприятием среды, ее информационной ценности и реагируют со свойственным им психологическим восприятием. Мы рассматриваем психологические процессы, а не физические.

Характер восприятия людьми пространства. Мы живем в такую эпоху, когда люди, живущие в горо-

дах, теряют изначально присущее им глубокое чувство единства с природой. Вместо того чтобы наслаждаться пейзажем в процессе естественного передвижения пешком, они отдают предпочтение различным видам транспорта, отстраняющим их от соприкосновения с природой. В настоящее время люди уже не путешествуют пешком, как когда-то в прошлом. Исключения составляют туристы и частично крестьяне, а также геологи и лозоходцы. Участники массовых туристских походов не только калечат нетренированные ноги, но и вытаптывают тропы, которые напоминают после походов скорее тротуары крупных городов, чем полевые и лесные тропинки.

Восприятие окружающей среды есть цельный акт даже в том случае, если воспринимающий ее утверждает, что он реагирует только на единичный импульс, например на геологический пласт. Именно так объясняют свои действия лозоходцы; они явно не осознают того, что являются составной частью целого и на это целое они реагируют своим действием. Реакция лозоходца и рассуждения геолога являются действиями одного порядка, но на разном уровне познания. Геолог имеет в своем распоряжении различные приборы, лозоходцы же — лишь пруттик, но в обоих случаях речь идет только о вспомогательных инструментах и приборах, которые являются продолжением аппарата восприятия человека.

Мы указывали, когда говорили о цельности восприятия, на его отчасти подсознательный характер. По всей вероятности, часть информации о структуре окружающего пространства и невидимых глубинных аномалиях чувствующий человек оценивает подсознательно. Сознательно же фиксирует только результат, последний акт процесса восприятия. Некоторые критически настроенные исследователи объясняли феномен лозоходства ссылкой на «подсознательное», на «подсознательную психическую деятельность», которая как бы отдает приказ «мышечным движениям лозоходца». Однако ссылка на «подсознательные процессы» как на единственное средство объяснения действий лозоходца в какой-то мере ведет в тупик, так как на основе таких «подсознательных» процессов мы выполняем целый ряд каждодневных действий. В качестве примера можно привести управление автомобилем, когда опытный водитель выполняет множество

«подсознательных мышечных реакций» — и все они являются реакцией на восприятие ситуации на дороге. Мы говорим правильно на родном языке, не применяя сознательно правил грамматики. Объяснять действия лозоходца лишь подсознательно обрабатываемой информацией — значит оказаться в замкнутом кругу, так как «объясняющий» не объясняет того, что он должен объяснить. Речь идет скорее об описании увиденного, а не об объяснении существа дела.

Абстрагируясь от различных физических теорий, объясняющих феномен лозоходца, можно сказать, что он прежде всего как живое существо, как человек воспринимает то, что его окружает, свою среду, притом задолго до того, как он сам теоретически объяснил свое восприятие или возникли по этому поводу разные научные или псевдонаучные объяснения. Когда мы воспринимаем окружающую среду, в нашей психике возникает система оценок, опирающаяся на опыт, который всегда определяет какое-то действие. Такая система представлений об окружающей среде служит для геолога ориентиром при передвижении, установке приборов, направляет его активность, которая предшествует работе с приборами в соответствии с научной методикой исследования.

Опытные геологи утверждают, что существует огромное количество индивидуальных вариантов работы различных специалистов в геологии: например, для принятия решения о закладке скважины недостаточно иметь лишь строго объективную научную информацию, полученную путем съемки и классического геологического исследования. Для принятия правильного решения необходимо использование и других психологических процессов, которые мы в целом характеризуем как «интуицию». Это характерно и для лозоходцев, хотя и у них есть большие индивидуальные отличия. Это можно объяснить уже хотя бы тем, что каждый индивид имеет свои, только ему присущие представления о среде, в которой он находится. Все это вовсе не является каким-то субъективизмом, здесь просто констатируется тот факт, что люди по-разному реагируют на среду.

Реакция человека на местность весьма интересна и к тому же не столь детально изучена, как реакция различных видов животных на малейшие информаци-

онные сигналы окружающей среды. Я склонен признать правильной ту точку зрения, согласно которой богатую шкалу восприятия и слабо фиксируемую информацию из окружающей среды у людей подавляет современное развитие цивилизации, направленное ко все большей технизации жизни. Французский писатель Жак Люссеран написал книгу «Обретенный свет». Его книга автобиографична, в ней описана жизнь человека, потерявшего зрение в возрасте десяти лет. Отсутствие зрения необычайно обострило работу других органов чувств. В частности, у него развились в процессе многочисленных путешествий и туристских походов необычайно тонкое восприятие местности и интерпретация ее особенностей. Несмотря на слепоту, он местность «видел», чувствовал настолько тонкую связь с ней, что гораздо точнее описывал ее, чем это делали зрячие. Он мог в общих чертах описать геологическую структуру местности на значительной глубине, определить местонахождение недалекого карьера, источника воды, притом в абсолютно незнакомой ему местности.

Пример Люссерана еще раз свидетельствует о цельном восприятии человеком среды. Исходя из этого, можно сказать, что и в лозоходстве нет ничего необычного; это — просто реакция людей с высокой чувствительностью на то, что они не видят. Люссеран ведь тоже воспринимал то, что он не видел глазами, но тем не менее он «видел».

Психологии известно несколько типов людей, которые описаны в учебниках общей психологии или в книгах по психологии личности. Например, понятие «экстраверсия — интроверсия» говорит о том, насколько тот или иной человек обращен в свой внутренний мир или к другим людям. Есть и такая типология, которая основана на психологических различиях, определяемых физическим строением человека, например типология Эрнеста Кречмера, известная больше своими понятиями *пикник* или *атлет*. Уильям Шелдон различает три типа людей, исходя из их физического строения, — *экторморфных*, *мезоморфных* и *эндоморфных*. Этой градации соответствует проявление их тэмперамента — висцеротонии, соматонии и церебротонии. Он разработал также основы типологии людей по их отношению к природе, окружающей среде. *Экторморфный* тип людей сосредоточивает вни-

мание на своем внутреннем состоянии, воспринимает местность исходя из своего настроения, а не такой, какой она является на самом деле. Иначе говоря, это такой тип, который воспринимает пейзаж как экран своего собственного душевного состояния. Воспринимая местность, он хочет, чтобы она соответствовала его настроению. Такой тип людей вряд ли может быть лозоходцем или геологом.

Мезоморфный тип людей отличается любовью к природе, видя в ней источник своего оптимизма, место деятельности. Это тот тип людей, для которых природа и окружающая среда представляют объект воздействия, поэтому они стремятся овладеть этим пространством, использовать, завоевать его. Из этой среды выходят покорители природы — путешественники, альпинисты, предприниматели.

Эндоморфный тип людей — это тип релаксирующий, чувственный. В восприятии природы эти люди открыты для ее воздействия. Они напоминают поэта, который ложится под дерево, чтобы всеми своими чувствами воспринимать природу и взаимодействовать с ней. Он как бы сливается в лирическом экстазе с природой и чувствует все ее нюансы, будь то физические или эстетические. Хороший геолог или лозоходец скорее всего относится к этой категории людей.

Эффективность интерпретации физической структуры пространства у лозоходцев и геологов определяется широкой шкалой чувственных процессов, среди которых мы бы особо выделили способность к остроте восприятия. Мы воспринимаем среду или остро, или безучастно. И это зависит не от индивидуального уровня слуха, обоняния, осязания, зрения, а от готовности воспринимать различную среду и внезапные ситуации. Эскимосы в период полярной ночи свободно передвигаются в пространстве, где, казалось бы, нет никаких ориентиров. И тем не менее они не сбиваются с пути, замечая то, что «неэскимосы» зафиксировать не в состоянии.

В современном высокоцивилизованном и техницированном мире люди заранее создают для себя готовые клише и схемы о местности и интерпретируют ее в соответствии с этими схемами. Поэтому их подход к природе схематичен и рассудочен. Пространство они воспринимают как мир готовых символов, которые им внушили в процессе воспитания и в школе. Но за-

долго до того, как человек выработал такую традиционную схему толкования среды, он жил в природе и естественно реагировал на нее. Такая изначальная принадлежность к природе создает базу для прямого, весьма богатого контакта с местностью, если мы позволим природе воздействовать на нас.

Древнегреческая философия, с которой в конечном счете берет свое начало современная наука, понимала окружающую среду как *физис*, как единое целое, включающее мир и человека в их взаимосвязях. В настоящее время, при мелком членении современных специализированных отраслей науки, часто об этом факте забывают. Именно поэтому возникла экология как наука, пытающаяся обратить внимание на это неделимое единство и предостеречь от изоляции человека от окружающей среды.

Человек как существо, наделяющее окружающий мир символами. Среда воздействует на человека воспринимаящего также своими символами, которые возникли в процессе длительного социально-исторического развития. Можно с уверенностью сказать, что каждый вид окружающей среды наряду с физическими и химическими характеристиками обладает также социальным значением, так как действия людей, оставившие следы в структуре среды, были социально детерминированы.

Человек изучает символы окружающей среды в процессе своего развития и иногда усваивает их вплоть до полного автоматизма действий в данном типе среды. Не верите? Достаточно понаблюдать за своими и своих близких действиями в пространстве. Можно с определенной точностью предсказать, как будет двигаться человек в стоматологическом кабинете, в судебной палате, в аудитории, во время концерта, на трибуне хоккейного стадиона. И если на стадионе случится отклонение от принятого обществом образа действий, то только по той причине, что индивид может пользоваться анонимностью в толпе и маскировать свои агрессивные побуждения принадлежностью к клубу.

Очень трудно представить среду, которая не передавала бы своими символами определенную систему приказов о способе действий. Формы действий, определяемые средой, твердо закодированы в человеке.

ской памяти. Символические значения среды передают нам мотивационную информацию, регулирующую наши действия, что в конечном счете является интегральным элементом восприятия окружающей среды как целого. Всякое организованное пространство, будь то беседка в парке, сад в замке, интерьер храма, фабричный цех, забой в шахте, парта в классе, вызывает чувства, ассоциации и соответствующее отношение, которые в общем соединяются в ощущение всего окружающего. Последнее наряду с информационными категориями также определяет способ чувственного восприятия среды.

Среда, как нам известно из жизненного опыта, оказывает на нас приятное или депрессивное воздействие, предстает чем-то экзотическим или обыденным, призывает к действию или располагает к отдыху. Следует подчеркнуть, что такие чувства невозможно обобщить, их никак нельзя измерить в качественном отношении, моделировать или формализовать. Тем не менее они оказывают большое влияние на действия человека и, наконец, частично определяют нашу активность в смысле положительных или отрицательных воздействий на экологию.

Есть и такие виды среды, которые вызывают однозначный отклик, а также виды среды многозначные, которые могут стимулировать воображение, фантазию, разнонаправленную деятельность. Например, коридор районного суда вызывает у людей однозначные чувства и обязывает их к определенным, заранее предписанным действиям, за исключением, может быть, работников судопроизводства. Напротив, другая среда, для которой характерна многозначность, может вызвать особого рода ассоциации и настроения. Как вы чувствуете себя в разного рода среде? В лаборатории, где через минуту у вас будут брать кровь, в величественном нефе готического собора, в интимной среде винного подвала или в тепле своей квартиры, которую вы обставили не только по своему вкусу, но и по своим возможностям? Физическое устройство среды, ее структура, необходимые для социальной или частной деятельности, создают в символическом отношении *атмосферу среды*, которую очень трудно определить, но которая в то же время является интегральной составной частью восприятия среды.

Аналогичной характеристикой среды является ее

эстетическое качество. Мы оцениваем любую среду, хоть и не сознаем этого, и с эстетической точки зрения. Вопрос эстетического восприятия весьма проблематичен, и оценочные высказывания мы оставим профессиональным экспертам. Люди значительно отличаются друг от друга по эстетическим вкусам и часто отдают предпочтение какой-то определенной среде, будучи не в состоянии обосновать свой выбор. Эти различия бывают весьма резкими, например при выборе краски, которой хотят покрасить стены своей квартиры и которую оценивают с эстетической точки зрения. Встречаются и такие, которые оклеивают стены квартиры обоями с рисунком в виде хвойных деревьев.

Нет такой среды, которая с эстетической точки зрения удовлетворяла бы всех, и в то же время не существует нейтральной среды, которая не вызвала бы никакой эстетической реакции, положительной или отрицательной. «*De gustibus non est disputandum*»*, — говорили древние. Эта на первый взгляд банальная истина многократно подтверждена на практике и действует в сфере эстетической оценки в каждодневной практике людей.

Географ И Фу-Цюань, который исследовал психологию восприятия и оценки окружающей среды и ввел понятие *топофилия* (аффектная и эстетическая связь между людьми и средой, проявляющаяся в устойчивых оценках), указывает, что эстетическое восприятие любой среды длится относительно короткое время. История эстетики дает нам для этого достаточно примеров. Ограниченное время интенсивного эстетического чувствования можно наблюдать, когда мы попадаем в такое место, где окружающая среда нам очень нравится и вызывает у нас положительные эмоции в том случае, когда мы увидим то, о чем уже давно мечтали, скажем неповторимую пирамиду вершины Маттергорни в Альпах, одну из самых красивых гор в мире. При хорошей видимости ее стройный скалистый конус возвышается во всей своей красе и пробуждает в нас глубокие эстетические переживания. Но это колдовство длится всего несколько минут, и, чтобы его возобновить, необходимо переключить внимание на какое-то время на иной предмет.

* О вкусах не спорят (лат.).

Самым интенсивным эстетическое восприятие среды будет тогда, когда оно возникает *внезапно*, поэтому восприятие вершины Маттергорн, как и чего-то другого, что мы считаем красивым, должно возникнуть как неожиданный удар, в результате какого-то внезапного контакта с тем, что нам до этого было неизвестно. Обратите внимание на описания красоты пейзажа в романах. Если они тонко переплетены с общей канвой повествования, то могут вызвать самые сильные эстетические переживания, но если таких описаний много, то возникает чувство, как на выставке, где сосредоточено очень много красивых экспонатов, но интенсивность их восприятия при осмотре постепенно падает.

Иным является эстетическое восприятие знакомой среды, например родного края, родины. Здесь эстетическое восприятие в сознании связано с прошлым, и в нем заключены необычайно сильные эмоциональные впечатления, обусловленные территориальным поведением человека, его частной жизнью. Это является основой психологии местного патриотизма, сущность которого состоит в противопоставлении родина — чужбина. Но чтобы эти длительные эстетические переживания возникли, человек должен, как говорится, почувствовать их противоположности: провинция — крупный город, родина — чужбина. Если у нас нет возможности сравнить родной очаг с чужим, то он может стать средой, которая нас утомляет, не вызывает никаких эмоций. Такое состояние возникает у людей, длительное время прикованных к постели, у матерей, находящихся в длительном отпуске по уходу за новорожденным. Исходя из этого, можно в какой-то мере понять мотивацию действий молодых людей, которые стремятся уйти из родного дома, чтобы создать собственный дом.

Символическая и эстетическая ценность восприятия окружающей среды чрезвычайно разнообразна; она может быть ярко видна, например, в городской среде, которая является культурно-символической уже сама по себе и в то же время представляет собой огромную коллекцию различных символов. Эстетические параметры красивого и отвратительного, привлекательного и отталкивающего, как правило, представлены в городах в большом количестве. Рассмотрим немного шире проблему символизма городов.

Символические параметры городов. Я. А. Коменский для критического изображения лабиринта мира использовал понятие «город» как метафору. Авторы эпохи Возрождения и философы-утописты, такие, как Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Бальтазар Грациан, в своих трактатах об идеальном обществе также использовали образ города как своеобразного организма. Символ города олицетворяет человеческое общество в оценках добра и зла. В определенном смысле такое понимание правильно и в настоящее время. В городах человек воспринимает не только содержание и ритм урбанистического искусства — геометрическую сложность, формы, отношения, порядок и хаос, декоративные элементы, — но и город в символических значениях.

Для начала — об архитектурных символах. Их мы воспринимаем так же, как другие символы, как формообразования, которые наряду со своим непосредственным значением и функцией сообщают нам и другие значения, связанные в культурном и историческом отношениях с воспринимаемым объектом. Символы городской среды выполняют функцию катализатора: помогают нам понять скрытое значение или идею, которую объект выражает, и одновременно вызывают у нас эмоциональную реакцию. Символы могут сообщать нам информацию в разной форме — аналогии, структурной схожести, контраста. В результате наша мысль проникает в плоскости, скрытые за объективными измеримыми параметрами среды.

О городах и их частях мы также говорим языком символов, хотя иногда он может быть неточным. Большие современные микрорайоны иногда называют «бетонными джунглями», что, с нашей точки зрения, не совсем точно, так как в отличие от монолитных масс бетона, их однозначности джунгли являются средой естественной, полной самых различных импульсов — цветовых, звуковых, обонятельных. Такую метафору, очевидно, придумал человек, никогда в жизни не видевший джунглей; вероятно, он имел в виду только трудности в ориентации, а не отсутствие импульсов.

П. Смит, автор исследований о «динамике урбанизма», различает несколько уровней символизма, которые играют важную роль в искусственно созданной городской среде.

1. *Ассоциативный символизм* включает основные индивидуальные ассоциации, посредством которых каждый из нас оценивает значимость определенной среды. Это очень важные связи, так как они соединяют сегменты городской среды воедино и позволяют возникнуть определенному образу города, который остается у нас в памяти и в соответствии с которым мы ориентируемся, — так называемой ментальной карте, о которой мы еще будем говорить в дальнейшем.

2. *Окультуренный символизм* городской среды свое начало берет в истории культуры и представляет символизм объектов в классическом смысле слова. Культурные символические значения мы довольно легко расшифровываем: колеса с крыльями на здании вокзала в Праге символизируют поезда и движение вообще; на зданиях суда и прокуратуры, как правило, изображены символы юстиции; кресты на башнях церквей символизируют христианскую идеологию. Эти символы представляют собой неизменные архитектурные дополнения городской среды, помогают нам ориентироваться в городе и наделяют произведения архитектуры соответствующим значением.

3. *Символизм известного* есть каждодневная среда, образующая основу нашего существования в городе. Люди могут создать постоянно действующую символику своего непосредственного окружения из доступных пониманию каждого мотивов безопасности и непрерывности существования. Поэтому даже кажущиеся мелочи, дополняющие целое, могут проявляться как подтверждающие символы родины, моей улицы, моего квартала, моего города. И как только этот символизм известного нарушается каким-либо серьезным вмешательством в среду, люди воспринимают изменение как угрозу своему единству с известной им средой.

В соответствии с символизмом известного на нас оказывают воздействие исторические постройки, памятники разных эпох культурного наследия. Символика исторических архитектурных памятников действует как особый психологический фильтр, пропуская только те моменты, которые поддерживают коллективное признание значения данного объекта. За этой формулировкой скрывается довольно простой факт: я подхожу к архитектурному памятнику и воспринимаю его не только таким, каков он есть, но одновременно

и в том его значении, в котором он существует в историко-культурном понимании. Например, во время туристского похода я иду по гребню холма Хржиб к замку Бухлов. На меня оказывает воздействие силуэт замка вдали, который становится все ближе. Это вызывает не только непосредственное эстетическое восприятие, но и различные ценностные символические ассоциации, связанные с этим объектом: воспоминание известной народной песни, в которой поется о потерянной свободе доброго молодца; понимание значения замка как стража над долиной, по которой проходил важный торговый путь, эпохи готики и т. д.

4. *Символизм «архетипа»* в архитектуре городов и исторических памятников представляет собой как бы приключение созерцания. Ничего не поделаешь, архитектура сама по себе вызывает мысли о чем-то извечном, вневременном. Может быть, поэтому главной целью в жизни большинства мужчин является стремление построить дом как самый верный способ оставить свой след на Земле. Архитектурные памятники не поддаются влиянию погодных условий, выдерживают превратности различных социальных переворотов и войн. К примеру, Акрополь в Афинах можно воспринимать в его различных ипостасях — как эстетику пространства, как свидетельство достижений античной культуры, как нечто постоянное в изменяющейся жизни человека, как его попытку восстать против всего временного и создать что-то вечное.

Цельное восприятие города возникает не только в результате непосредственного наблюдения урбанистического творения. Город оказывает на нас и глубоко символическое воздействие. С возникновением земледелия появляются первые постоянные поселения человека, противопоставлявшие его природе. Город часто воспринимался как образ космоса в миниатюре и одновременно представлял собой вариант символа *мандалы*. Понятие мандалы взято из индийской философии и означает равновесие центра, неразрывность противоположного, противоречивого. Ее классическим графическим изображением является круг или круги в треугольном или квадратном обрамлении. Эта форма, для которой характерно абсолютное значение центра, куда сходятся и где определяются все элементы. В такой системе на первый план выступает идея вечного порядка, которая была выработана как

противопоставление кажущемуся хаосу природы. Все древние города начинают свое развитие с центра, который был скомпонован концентрически, с уменьшающимся значением его частей по направлению к окраинам.

Что еще символического мы воспринимаем в городе? Мощь, организацию, возможность идентификации людей с тем городом, в котором они живут. Мы так и говорим о них — пражане, пльзенцы и т. д. Это само по себе уже много значит, даже к чему-то обязывает. Они представляют свой город, так как воспринимают его как органическую часть своего существа; в соответствии с этим они и действуют.

В прошлые эпохи, в период средних веков или Ренессанса, сама прогулка по городу давала возможность почувствовать пульс цивилизации. И сегодня еще центры исторических городов дают нам то, что мы не встретим в постройках, созданных индустриальным способом, — сложную структуру символов, свидетельствующую о комплексности человеческой жизни и социальных процессов. Такие городские структуры включают индивида в более широкую систему общественного бытия, поддерживают и гарантируют социальное единство людей, сглаживают противоречия между ними и позволяют преодолевать благодаря своей цельности естественную индивидуальную разделенность, определяют элегантность и эстетику пространства.

Но, поскольку ни один город в мире, даже самый красивый и привлекательный, не есть совершенное урбанистическое произведение, люди всегда мечтали и мечтают об идеальном городе. Представления о таком городе имеют характер не только архитектурный и урбанистический. Они и социально окрашены. Идеальный город является воплощением и идеального общества, что особенно наглядно выступает в произведениях философов-утопистов. В идеальном городе Платона представлена комбинация круга с квадратом. Такой город со строго определенными границами, с регулируемой социальной системой, с эстетической комбинацией платформ, террас, храмов, лестниц и улиц представляет сам по себе центр космоса, своего рода урбанистическую микроскопическую параллель прекрасной, гармонической композиции макрокосмоса. Идеальный горизонтальный план, в котором

комбинируются круги и прямоугольники, дополняется вертикальным планом, доминанты которого (например, башни храмов) подчеркивают трансцендентальное, неиндивидуальное и вневременное значение города. Следует отметить, что в планировке древних городов преобладал круг, при этом в соответствии с характером местности новые важные урбанистические части возникали на равном расстоянии от центра. Символика не обязательно должна ограничиваться горизонтальным и вертикальным планом, она может, как, например, в Китае, символизировать стороны света.

При современном быстром развитии крупных городов, агломераций и микрорайонов прежняя символика теряет значение, поскольку ее мотивацией была необходимость безопасности. В настоящее время город формирует скорее социально важное сознание коллективизма и обеспечивает экономическую сторону человеческого бытия. Горожане уже очень редко воспринимают символы в их вневременном, универсальном понимании. Такие впечатления возникают скорее во время посещения незнакомого города. Весьма примечательно, что люди отдают свои симпатии такой городской среде, мнения о которой у разных людей не совпадают. Они любят среду, для которой характерна многозначность.

Другой характерной чертой восприятия городской среды является противоречие — таинственное — рационально известное. В настоящее время люди ищут в городах наряду с социальными гарантиями и безопасность, наряду с удовлетворением своих культурных потребностей и экономической занятостью — удовлетворение трех надстроечных потребностей — чувства общности, возможности выбора и определенного уровня таинственности. Времена меняются, и современный человек воспринимает город совершенно иначе, чем горожанин средневековья или эпохи Ренессанса. Жители современных микрорайонов воспринимают город совсем по-иному (читателю, который интересуется проблемой жизни микрорайонов, мы советуем ознакомиться с книгой: *Musil J. Lidé a sidliste. Praha, 1980*).

Как создавать в городах приятные уголки. В восприятии и действиях людей в столь разнородной ок-

ружающей среде, какой является современный город, наиболее важным представляется общее чувство — настроение, которое у них возникает от соприкосновения с этой средой.

Формируют это чувство следующие факторы:

1. Уровень стресса (шум, загрязнение, перенаселенность, перенасыщенность импульсами).

2. Социальные качества среды (роль физической среды в развитии или подавлении взаимодействий социального характера).

3. Ориентация и подвижность (как горожане используют город в соответствии со своими «образами» и «представлениями» о среде обитания).

4. Наполненность среды (эстетический уровень импульсов, которые способствуют удовлетворению потребностей и создают чувство удовлетворенности).

5. Культура и отдых (как город выполняет задачи в интеллектуальной, культурной, спортивной и образовательной сферах).

6. Возможности принятия решений (как горожане воспринимают отдельные решения об уровне развития среды обитания и в какой степени они активно участвуют в принятии таких решений).

Это очень сложная проблематика; с учетом того, что люди не только отличаются друг от друга в восприятии приятного, но и проявляют избирательность воспринимаемого, бывает очень трудно удовлетворить всех одновременно.

Примером исследования вопроса о создании приятных уголков в городе является работа американского ученого Ж. Саутворта, который в 1969 г. изучал проблему звуковой среды города в соотношении с визуально воспринимаемыми формами. Все, конечно, согласны с тем, что город создает целый ряд неприятных шумов и звуков (шум машин, транспорта вообще, работа компрессоров и других механизмов). Вместе с тем город является источником чрезвычайно приятных импульсов, как визуальных, так и звуковых: сигнальный гудок теплохода на реке, журчание фонтана, звон курантов. Обонятельные импульсы также бывают приятные и неприятные и, как правило, связаны с определенными частями города. В рассуждениях о композиции городов и в урбанистических анализах часто забывают о невизуальных элементах, поэтому указанный автор попытался установить, ка-

ким способом невизуальная информация могла бы улучшить качество среды и сделать ее более приятной? Каким путем мы определяем, к примеру, звуки города? Какую они дают информацию, учитывая структуру пространства?

Как обычно, в эксперименте принимали участие студенты. Они были разделены на три группы. В первой были студенты, которые видели, но не слышали; во второй группе — все слышали, но ничего не могли видеть; и, наконец, в третьей, контрольной группе были студенты, которые и видели, и слышали. Каждый из них обошел район площадью 5 км² в Бостоне и затем рассказал о своих впечатлениях. Как и ожидалось, значительное количество звуков не отличалось однозначностью и давало неодинаковую по ценности информацию. Шум автомобилей и пешеходов существенно маскировал другие информативные звуки.

Эксперимент показал, что, хотя студенты предельно сосредоточенно фиксировали звуки, тем не менее звук давал им минимальную информацию о структуре урбанистической среды. Но как только в игру включалось зрительное восприятие, то и простой смертный очень легко идентифицировал информационную ценность звуков. В этом случае создается и звуковая «карта города», и пространственная характеристика отдельных его элементов — узкие улочки, аллеи в парках, различные подземные переходы и тоннели. Открытое пространство также обладает своим звуковым фоном, отличающим одно открытое пространство от другого. При определенной подготовке и сосредоточенности студенты могли по звукам определять, какая перед ними площадь. Пространство становится для человека значимым, как только он услышит эхо своих шагов. Самыми приятными звуками города считались те, для которых была характерна низкая частота и интенсивность, а также звуки, дававшие четкую информацию о естественной и искусственной среде города, прежде всего пение птиц и звон колоколов.

На основании этих экспериментов Саутворт предложил звуковой дизайн города, который должен неизменно сопровождать визуальное восприятие архитектуры. В торговых центрах звуковые сигналы могут полностью заменить визуальные. Приятные звуки, исходящие от фонтана, шум играющих в парке детей

повышают качественный уровень окружающей среды в городе и являются по существу звуковым отдыхом, противостоя неприятному шуму. В своих рассуждениях Саутворт зашел очень далеко и предложил такие варианты, которые трудно себе представить. Он предложил, например, установить символические источники звуков, которые информировали бы о прибытии автобусов или поездов метро. По его мнению, даже изменения погоды в городах могли бы фиксироваться звуковыми сигналами. В парках можно было бы установить «ожившие, говорящие статуи», которые реагировали бы на присутствие пешеходов. В серых, непривлекательных с эстетической точки зрения частях города разноцветные плоскости и визуально-акустические трюки оживляли бы среду.

И вновь мы коснемся восприятия частей города самими горожанами и приезжими. Мы уже говорили о понятии *топофилизма*. Оно включает не только «любовь к городу», как об этом говорит его этимологическая основа, но в сущности является интегрирующим понятием, включающим всю совокупность биологических, социальных, культурных и эмоциональных факторов, оказывающих влияние на отношение индивида к данной окружающей среде. Разительные отличия топофильных позиций можно отметить у постоянных жителей города и приезжих. Одну и ту же среду они воспринимают по-разному. Приезжий в чужом городе испытывает эмоциональный подъем, предвкушая новые впечатления, он не перегружен хронически повторяющимися импульсами. Местный житель воспринимает все, что его окружает, как обыденность, монотонность, лишенную активных импульсов. Но вместе с тем он дает среде личностную оценку, в то время как приезжий уносит с собой впечатления, которые со временем могут постепенно исчезнуть. Места, богатые разнородными деталями, способствуют формированию у человека чувства идентичности с ними, и наоборот, места без особых характерных признаков, которые мы чаще всего встречаем в крупных городах, могут усилить чувство анонимности, особенно у тех, кто находится в кризисном состоянии и ищет выход в конфронтации со средой для принятия важных решений.

Мне кажется, что в городах очень мало таких мест, где можно просто посидеть (имею в виду не ре-

стораны и кафе). Сидение не есть только пустое времяпровождение или отдых. Это одновременно и демонстрация автономной позиции. Места, где можно просто посидеть, должны были бы быть не только в тихих уголках города. Некоторые считают, что люди, как правило, избегают многолюдных городских улиц и площадей, но это не совсем так; есть такие, которые прямо-таки ищут толпу на улицах. И есть даже такие, которые любят посидеть на самом многолюдном месте. То же можно сказать и о шумных городских магистралях, площадях, парках. Не обязательно искать тихие и спокойные уголки. Приглушенный шум парков прекрасно маскирует шум центральных магистралей.

Другими стимулирующими элементами городского пространства являются его малая архитектура, деревья, текущая вода. Эти элементы в совокупности создают впечатление «дружественности уголков», укрепляют чувство безопасности. Аналогичные элементы могут обогащать также пространства, предназначенные для детских игр. Определенная степень новизны, неожиданности и умеренного риска повышает привлекательность среды, чего нельзя сказать о современных песочницах.

В заключение хотелось бы отметить, что в городах следовало бы увеличить количество уголков, которые понуждали бы людей к размышлению и были бы многовариантны (способ сидения и т. д.). Такие уголки должны быть источником детской радости и восторга. Вместе с тем они должны содержать элемент таинственности и неожиданности. Современный человек стоит перед проблемой использования свободного времени. Его можно было бы использовать для создания приятных уголков в городах, чтобы он заполнил свободное время как созиданием, так и отдыхом.

Прекрасным примером удачного создания окружающего пространства являются пешеходные зоны в центрах городов. При этом не только потому, что люди должны пройти пешком выбранную трассу, но и потому, что пешеходная зона является своеобразным возвратом к первоначальному смыслу передвижения по городу. В пешеходной зоне появляется также иной способ восприятия окружающего пространства. Созданная в центре Праги пешеходная зона от Порохо-

вой башни до Перштына вызвала качественные изменения не только урбанистической среды, но и ее восприятия. Если раньше на улице «На пржикопе» пешеход мог наблюдать только спешащих, себе подобных людей, интенсивное движение машин и трамваев, то сейчас он может наконец концентрировать свое внимание на архитектуре зданий, сопоставлять атмосферу центра города с его атмосферой в целом.

* * *

Мы создаем и мысленную *карту среды*. Любая среда, особенно городская, дает не только четкую, но иногда и противоречивую информацию. Люди весьма своеобразно создают устойчивые картины среды, чтобы с их помощью можно было планировать свою деятельность. Ментальные (мысленные) карты являются результатом комплексного характера восприятия среды. Такая карта является нашей внутренней картиной среды, в которой мы существуем. Она есть у каждого в голове, в соответствии с ней человек ориентируется и действует, а иногда даже забывает об объективно существующих характеристиках среды. Со временем такая карта становится стабильной и только иногда модифицируется в соответствии с изменениями среды. Об этом свидетельствует автоматизм передвижения в городской среде. К примеру, облюбованный нами проходной двор исчез в результате урбанистической перестройки, но еще долгое время мы будем сворачивать именно туда. Иногда проходит довольно много времени, прежде чем мы включим это объективное изменение в окружающей среде в свою ментальную карту.

С практической точки зрения такая карта является компоновкой среды в сознании человека, без которой среда воспринималась бы им как хаотическая и неинтересная. Некоторые люди могут прекрасно ориентироваться в совершенно незнакомом городе, для других — эта задача весьма сложна. Тем не менее у каждого складывается свое внутреннее представление об этой среде. Активно создавая собственную ментальную карту среды, мы с помощью восприятия отсеиваем большое количество информации таким образом, чтобы у нас в качестве опорных точек остались только объекты важного значения. Очевидные

точки ориентации мы вкладываем в ментальную карту автоматически.

Ментальная карта служит прежде всего для «прочтения» среды. Один из пионеров исследования процесса создания такой карты в урбанистической среде, американский ученый Кевин Линч, указывал, что специальные детали данной среды могут повышать или понижать возможность ее «прочтения», иначе говоря, ее понимания. Наряду с этим среда подлежит и субъективному «прочтению». Два индивида из одного и того же города «читают» свою среду по-разному, и на наш вопрос они дадут разные ответы, соответствующие их эстетическим канонам, определению расстояния, любимым трассам, короче говоря, сложившейся у каждого из них карте среды. В этом нет ничего удивительного, потому что люди отличаются друг от друга своим «прочтением» среды. Например, расстояния и объемы они определяют неодинаково: высоту построек указывают больше или меньше, чем она есть на самом деле, расстояние — также большим или меньшим, чем действительное. «Прочтение» среды, на котором основана ментальная карта, включает в себе искаженное в некотором смысле восприятие не только отдельных деталей или комплекса импульсов, но и общего представления о функциональной полезности среды, в которой мы действуем. Этим и отличаются ментальные карты разных людей.

Но есть в представлениях людей об окружающей среде и определенные корреспондирующие элементы; они в свою очередь и создают общую основу для взаимного общения. Ментальная карта среды определяет также наше действие, является необходимой составной частью при планировании деятельности. Ментальные карты в большинстве случаев имеют визуальный характер, но вместе с тем их созданию могут способствовать звуки, запахи, которые глубоко закреплены в нашей памяти.

Из сказанного следует, что ментальная карта не есть лишь чистая картина восприятия и даже не чистая память в классическом смысле слова. Она является комплексным представлением о том, что мы вспоминаем, когда стремимся представить себе ту среду, в которой действуем.

Карты городов в головах людей. Каждому из нас необходимо ориентироваться в окружающей среде, знать, в каком направлении идти, иметь свой временной график и, главное, не потеряться. Для правильной ориентации прежде всего в незнакомом пространстве людям служат карты, которые представляют символ действительности в миниатюре. В знакомой среде мы ориентируемся с помощью ментальной карты. Если речь идет о городе — то по его образу, который запечатлен у нас в памяти, — важнейшим улицам, площадям, транспортным узлам, памятникам, архитектурным доминантам, паркам, известным ресторанам, магазинам, музеям, театрам, кинотеатрам. Они представляют собой важные точки координат в системе ориентации. Подобные объекты, скажем, Праги прочно закодированы в структуре мозга пражан. Поэтому можно смело сказать, что наряду с реальной Прагой и ее картами существуют также миллионы карт Праги в головах людей, которые живут в Праге или ее посещали. Таким образом, в сознании людей как бы существует еще один город.

Ментальную карту мы создаем и в отношении природы. Это естественные точки ориентации и важные места, которые могут приобретать особую значимость в нашем индивидуальном восприятии. До сих пор мне не попадался психологический анализ ориентации грибника в лесу, а ведь в данном случае речь идет об уникальной практической и рекреативной деятельности. У грибника в известной ему среде есть «свой уголки», где его обязательно ждет хороший урожай. Эти места он находит безошибочно, хотя внешнему наблюдателю они кажутся такими же, как и все остальные уголки леса. В неизвестном лесу грибник ориентируется по весьма четким отличительным признакам частного характера: по виду трав, деревьев, характеру рельефа, комбинации флоры, кустов, иначе говоря, интуитивно использует свой многолетний опыт, который и в словах-то не изложишь. Такой грибник редко когда заблудится.

Способность ориентироваться развита у людей неодинаково; иной ориентируется где угодно, другой же — всюду заблудится; кроме того, здесь проявляется резкая дифференциация по половому признаку: чаще, как правило, блуждают женщины, в то время как мужчины обладают гораздо более развитым чувством

ориентации, что можно объяснить естественной склонностью мужчин к активным действиям в открытом пространстве, их способностью к стратегическому мышлению, что определяется закодированной наследственной информацией как главы рода, семьи, обеспечивающего пищи и защищающего ее.

Английский психолог У. Тробридж в 1913 г. изучал способности людей ориентироваться и пришел к иным выводам. Различия по половому признаку он считает недостаточно четко дифференцированными и поляризованными. И среди мужчин есть такие, которые всюду заблудятся, и, наоборот, есть женщины, которые прекрасно ориентируются не только за чашкой кофе. Люди различаются по двум основным категориям: с хорошо развитым и с недостаточно развитым чувством ориентации. Когда этот исследователь искал психологическую причину указанного различия, он пришел к выводу, что причина заключается в способности к «картообразованию». Есть люди, которые создают свое представление о среде на основании объективных психолого-географических данных, стремятся к объективизации местности. Они ориентируются хуже, чем люди, которые передвигаются в пространстве с твердым осознанием себя как центра среды. Это такие индивиды, внутреннее геодезическое представление которых динамично, подвижно и изменчиво; они создают такую картину среды, центр которой локализован в движущемся индивиде. Такие люди «интуитивно созвучны» местности и редко могут заблудиться.

А что происходит в городе? Здесь ментальная карта возникает путем комбинации нескольких элементов. *Доминантами* являются те части города, которые своей незаменяемостью и выразительностью образуют центральные пункты общей картины. В Праге, например, это Национальный музей, Национальный театр, Пороховая башня, Пражский Град. От доминант всегда идут важные *трассы* (в Праге это Вацлавская площадь, улица Целетная, улица Национальная). Это очень важные трассы, соединяющие не только главные доминанты, но и разные части города. Трассы есть как пешеходные, так и транспортные. Излишне доказывать, что между таксистом и пешеходом существуют принципиальные различия в определении важности трасс. Направление, длина и значение трасс

определяются их важными *узлами*. Это те точки, которые определяют границы трасс и места, где происходят важные изменения в ориентации, например при изменении способа передвижения.

Узлами являются также станции метро, конечные станции транспортных маршрутов, вокзалы, пристани, важные перекрестки. Узлами являются те места города, где одна часть резко отличается от другой. В Праге, например, это Мустек на нижнем конце Вацлавской площади: здесь под землей находится пересадочная станция двух линий метро, кроме того, здесь четко отделяется Старый город от Нового, притом не только более узкими улицами и различиями в архитектуре, но и темпом передвижения людей. Это теоретически доказать очень трудно, но если вы остановитесь здесь и понаблюдаете немного за движением, то признаете мою правоту. Созданная здесь пешеходная зона сама побуждает их к этому. В узловых местах люди чаще встречаются. Это то пространство, где можно увидеть знакомого «чисто случайно», именно здесь чаще всего назначаются свидания, чтобы затем познавать друг друга и реальности города.

Важными элементами ментальной карты являются *границы*: разнообразие городской среды таково, что в ее восприятии выделяются определенные районы города: площадь, река, мосты, парки, переполненные улицы. И наконец, ментальную карту люди дополняют представлением о *районах*, которые не совпадают с районами административными. Это относительно большие районы, в которых люди находят какие-то общие характеристики.

Важно отметить, что ментальные карты отдельных людей не отражают точно реальностей города. Например, Сена в Париже образует полукруг, но многие жители города считают, что она течет прямо. Различия в представлениях людей об известных и неизвестных районах города весьма значительны. О тех районах, где мы не бывали, у нас весьма туманное представление. Самое большое несоответствие между действительностью и образом города мы обнаруживаем у пожилых людей — их ментальные карты не изменяются и не отражают урбанистических изменений, не включают новых элементов среды, какими бы значительными они ни были.

Реорганизация городского транспорта вносит в

представления людей хаос. Десятки лет в Праге ходили трамваи по маршруту № 11, и я никак не могу понять, почему его вдруг ликвидировали. Иногда мне кажется, что люди, которые проводят такие реорганизации в городской транспортной системе, видят эти маршруты только на столах своих кабинетов. Если бы такие работники направили несколько человек в качестве испытателей измененной ими трассы, то они, возможно, получили бы интересную информацию о реальной картине, что позволило бы им изменять план трасс с большим пониманием нужд городских жителей.

Наличие ментальных карт оказывает очень важное влияние на ритм и темп жизни людей в городах. Ведь люди принимают решение не на основании реального положения вещей, а в соответствии со своими представлениями, согласно своим внутренним образам, которые возникли в процессе длительного их пребывания и действия в относительно идентичных местах. На практике это означает, что люди руководствуются в определении своего передвижения в пространстве не реальностью, а собственными представлениями, воспоминаниями, желанием или даже отказом от признания существующего положения.

В южночешском селе, где я провожу отпуск, моим соседом является полный сил восьмидесятилетний старик, который никогда в жизни не болел. В Праге последний раз он был юношей во время службы в армии, т. е. шестьдесят лет назад. Его представления о нашей столице полны романтики. Во время долгих вечерних бесед с ним я каждый раз вынужден представлять изменения, происшедшие в городе за последние годы. Этот бодрый провинциал ориентировался в Праге по танцклубам, казармам и больницам, поскольку служил санитаром, и в молодости, очевидно, был весельчаком, любил девушек. Он каждый раз с удивлением узнавал, что известных в его время пивных уже нет, а мое утверждение, что в Праге сейчас проживает миллион жителей, его повергало в ужас. Он не в состоянии был представить, как же они могут разместиться на такой небольшой по его представлениям территории. Его прошлое представление о пространственной композиции Праги, его ментальная карта города, построенная на значении определенных пунктов ориентации и не изменявшаяся

шесть десятилетий, говорит об индивидуальном характере ментальной карты каждого человека. Для ориентации люди выбирают такие объекты, которые связаны с их личным интересом. У одного личная карта Праги составлена по известным пивным и ресторанам, у другого — по большим магазинам, у третьего — по театрам и выставочным залам, у четвертого — по вокзалам, у иного — по памятникам и т. д. Ментальная карта всегда имеет индивидуальную окраску и никогда не соответствует в точности реальности.

Пространство является системой. Следует указать, что восприятие окружающей среды является *системным*. Различные компоненты среды соотносятся таким образом, что характеризуют определенную среду не такой, какой она воспринимается, а такой, *какова она на самом деле*. Именно такая системность отношений и иерархической компоновки в конечном счете приводит к возможности *предсказывать экосистемные связи*. Экология и экологическое мышление исходят из этого факта в своих прогнозах и могут в деталях предсказать последствия некоторых нежелательных изменений. В экологии созданной человеком среды, в особенности городской, используется аналогичный метод, но взаимные связи между физическими характеристиками искусственной среды и психологическими, а также социальными параметрами исследованы еще не так глубоко, как в сфере естественнонаучной экологии.

Как для искусственной, так и для естественной среды характерно наличие *когеренции* — тесной взаимосвязи всего со всем. И если мы даже встречаем иногда концепцию мира, перевернутую с ног на голову, то и там можно найти определенную систему, хоть и усложненную и бессмысленную. Следует также помнить, что экология не является лишь естественной наукой, получившей системную основу. Это в первую очередь экологическое мышление, знания и действия. Всякое действие человека связано со средой, поэтому мы можем зачастую предсказать последствия своего действия. Чтобы действие находилось в гармонии с экосистемными связями, чрезвычайно важно адекватно воспринимать окружающую среду — не только как предмет естественнонаучных дисциплин, но также как мир, изменения в котором изменяют и нас.

К сожалению, не все реальные отношения в искусственно созданной среде являются следствием сознательного и целенаправленного планирования. Некоторые из них оказываются нежелательными или неожиданными результатами резких технических изменений. Но и для таких изменений характерна системность и внутренние связи, хотя их сущность не поддается твердой фиксации в человеческих действиях и скрыта в области *незнания*. И наконец, именно системность экологии свидетельствует о внутренних связях всего со всем на земном шаре.

Данную главу о восприятии окружающей среды мы хотели бы закончить тремя примерами, которые позволят нам определить и другие параметры воздействия среды на человека в психологическом отношении. Мы будем говорить о стрессе и о консервации действия в определенных типах окружающей среды.

Как на нас действует стресс в окружающей среде. С той поры, как канадский врач Х. Сели описал стресс как перманентное состояние напряжения организма в сложных условиях адаптации к внешней (иногда и внутренней) среде, большое внимание уделялось и уделяется физиологическим и медицинским параметрам стрессовых реакций. Меньше внимания уделяется психологии стресса, хотя и общеизвестно, что, например, межчеловеческие отношения могут создать ситуацию стресса более острую, чем многочисленное сочетание стрессоров, т. е. импульсов стресса, физического и химического характера. Поэтому и приходит иногда в голову такая мысль: почему же люди сами создают стрессовые ситуации, если они знают о том, что стресс опасен? Неустанное накопление определенных импульсов в конце концов неизбежно усиливает ситуацию перенапряжения для организма, притом в смысле не только его биологической адаптации, но и психологического приспособления, поисков выхода из стрессовой ситуации. Не будем рассматривать обычные вопросы стресса, о них много говорится в работе академика И. Харвата «Жизнь, адаптация, стресс».

Самым простым образом стресс можно определить как физиологическую и психологическую реакцию организма на новые, резкие, продолжительные

импульсы. Бурный рост технизации общества вызвал к жизни новые виды стрессовых факторов, к которым мы вынуждены приспособляться, а именно: шум, загрязнение среды, поток информации, перенаселение городов.

Следует выдвинуть на первый план психологические аспекты реакции на стресс. Человек научился оценивать стрессовые импульсы благодаря своей исключительной психической конституции, и в соответствии с нею он и действует. Если мы оцениваем ситуацию как опасную или вредную, то исходя из этого начинаем и действовать: или стремимся уйти, или пытаемся, если это в наших силах, изменить ситуацию. Но если не представляется возможным сделать ни то, ни другое, то начинается стрессовый процесс. При этом изменяется не только физиологическое и эндокринологическое равновесие. С психологической точки зрения мы также оказываемся в состоянии перманентного кризиса, первого напряжения. Из краткосрочных стрессов окружающей среды мы выходим без особых негативных последствий, но длительные стрессы меняют уровень адаптации. Мы становимся раздражительными, наша способность к преодолению перегрузок падает, попросту говоря, становимся нервными, неадекватно реагируем даже на, казалось бы, незначительные импульсы в отношениях между людьми, вместо спокойствия вносим напряжение, начинаем вибрировать на грани между подавленностью и готовностью ежеминутного взрыва. Наряду с медленной невротизацией, выражающейся и в неровных отношениях с людьми, в конечном счете появляются и так называемые болезни цивилизации — высокое давление, коронарные заболевания и ряд других тяжелых патологических признаков, таких, как головная боль и боли в спине. Постепенная невротизация и ухудшение здоровья человека происходят чаще всего под влиянием стресса, продолжающегося длительное время малыми «порциями». Хроническое пребывание в таких условиях более опасно, чем одноразовая конфронтация со значительным стрессом.

Психическая способность преодолевать стресс весьма различна. Она зависит от личных качеств человека, индивидуальной тренированности, темперамента. Например, альпинисты и полярные исследователи более подготовлены к адаптации в экстремаль-

ных условиях. Простой смертный из большого города, для которого неприятна уже нулевая температура, в таких условиях попросту не выжил бы.

С. Кобас и С. Р. Мадди, психологи из Чикагского университета, указывают, что можно говорить об особенностях, которую они называют «невосприимчивость» к стрессу, «закаленность» в отношении стресса. Люди, не восприимчивые к стрессу, в отличие от легкоранимых характеризуются особым комплексом жизненных позиций. Они открыты в первую очередь изменениям и даже большие изменения воспринимают спокойно. В изменении они видят не угрозу, а вызов своим возможностям. Вы, наверное, замечали, как некоторых людей выводит из нервного равновесия даже банальное изменение привычной ситуации. Зато людям, не восприимчивым к стрессу, присуще чувство глубокого участия во всем, что их окружает. Они не скучают, весьма деятельны, убеждены в том, что контролируют ход событий (хотя это не всегда соответствует действительности) и что события подчиняются им, а не наоборот. И при всех обстоятельствах придают своей деятельности смысл и значение.

Очень важно изучение психологии личности в стрессовой ситуации. Ведь характер восприятия значит очень много. Сохранять стоическое спокойствие в том случае, когда ничего уже изменить нельзя, сознавать широкую взаимосвязь бытия в системе экологических связей, не спешить (если же и спешить, то спокойно, как учит латинская поговорка — *festina lente*), воспринимать все события с юмором — вот некоторые варианты, которые помогут вам справиться со стрессовой ситуацией и психологически защитить себя от ее разрушающего воздействия. Ведь стресс не является неизменной величиной, и сознавать это очень важно.

Уровень стресса зависит от того, как мы оцениваем среду, происходящие вокруг нас события, т. е. от нас самих, и не является свойством среды в абсолютном смысле слова. Он выступает как равнодействующая взаимодействия человека со средой, которая содержит стрессовые факторы: химические, шумовые, человеческие или те, которые вызывают чувство крайней опустошенности. Здесь достаточно банального примера (в банальностях действительность проявляется самым ярким образом): индивидуальная реакция

на тесноту в переполненном вагоне трамвая у пассажиров весьма различна — один расстроен, другой стоически воспринимает судьбу сельди в бочке и даже пытается шутить, третий даже использует ситуацию для знакомства или составления гербария людской ботаники.

В зависимости от того, как люди воспринимают стрессовую ситуацию, их можно разделить на «беговых лошадей» и «черепах». «Беговые лошади» из любой ситуации выходят с активом, а не с пассивом. Они не воспринимают ситуацию трагически и больше склонны к риску. Отдают предпочтение новому. «Черепахи» принимают все близко к сердцу и поэтому больше страдают от стресса. Откладывают свои решения в надежде, что им удастся избежать стресса. Они не понимают, что тем самым ускоряют стресс. Чувство юмора у них развито слабо или его вообще нет, они легко поддаются усыпляющему воздействию телевидения. Больше потребляют лекарств в надежде с помощью коллекции медикаментов улучшить свое здоровье, больше спят. Им и в голову не придет, что хорошая прогулка или даже бег куда лучше самых «надежных» лекарств. Эти защитные механизмы не позволяют им избежать реального стресса, поскольку их психическое состояние от этого не изменяется, а именно это необходимо для преодоления стрессовой среды.

Хроническое воздействие стрессовых импульсов имеет весьма любопытное последствие. Как только эти импульсы становятся очевидными, как только они превращаются в постоянный фактор структуры окружающей среды, человеческий организм как бы перестает их воспринимать. Ослабленным оказывается стремление изменить ситуацию или уйти от нее. Этот адаптивный процесс психологи называют *габитуацией*. Он означает постепенное свыкание с импульсами, которые действуют постоянно. Речь в сущности идет о процессе снижения реактивности организма, что происходит в результате воздействия регулярно повторяющихся стимулов. Это своеобразный защитный механизм в системе восприятия, который приучает организм к длительному воздействию аналогичных или даже идентичных стимулов.

Иначе говоря, мы все меньше времени и усилий тратим на приспособления к ситуации, импульсы ко-

торой нам хорошо известны. Это объясняет тот факт, что жители крупных городов могут как бы игнорировать шум, грязь, забитое толпами пространство вечно куда-то спешащих горожан. Сельские жители воспринимают такую ситуацию как неприятную, утомительную. В конце концов самой удивительной чертой крупных городов является не наличие в них стрессов, а то, что жители их спокойно и даже безразлично воспринимают свою среду.

Весьма важно отметить скрытое и долгосрочное воздействие стрессовой окружающей среды. За адаптацию нужно платить. Высказывалась гипотеза, которая часто находит свое подтверждение, что определенная часть проблем современного человека является прямым результатом усилий индивидов приспособиться к стрессовым факторам перенасыщенной окружающей среды. Имеются исследования, в которых указывается на связь большого числа гипертонических и коронарных заболеваний со стремлением людей приспособиться к прессу городской жизни. Ведь и сердечный ритм иной, если иной ритм среды.

Можно поставить вопрос: не является ли этот феномен исключительной чертой урбанистического стиля жизни? Целый ряд данных говорит о правильности такого вывода, хотя мы не располагаем достаточными материалами. В то время как физиологические показатели (например, изменения сердечного ритма или артериального давления) измеримы и объективны, поскольку получены на основе современной научной методологии, нефизические и нефизиологические показатели стресса (а именно о них, у нас речь) трудно фиксируемы. Но если мы не можем что-либо доказать с помощью статистики, это еще не значит, что этого не существует. Повышенная возбудимость жителей крупных городов, их оторванность от природы, слабые взаимные связи могут привести к возникновению стрессовой ситуации.

Наряду с загрязнением атмосферы самым значительным стрессором урбанистической среды является, как говорилось, шум. Характерные звуки городской среды, которые еще в начале века были признаком развития урбанизма, признаком прогресса и технического развития, обещавшим очень много, в настоящее время перерастают в отдельных районах разумные границы. Выражение «шумовые загрязнения окру-

жающей среды» заняло свое постоянное место в урбанистическом лексиконе. В некоторых крупных городах разных стран мира уровень децибелов строго контролируется, что свидетельствует о том, что власти понимают опасность шума как фактора, который угрожает здоровью людей. Самым опасным является не монотонный шум, а шум, время от времени прерывающийся, что особенно характерно для городских коммуникаций, где проезжают в кратких интервалах мотоциклы, легковые машины, грузовики и, наконец, тягачи. Шум не только нарушает сон человека. Шум является «последним гвоздем» в широком спектре различных стрессоров. Если к высокому уровню перенасыщения среды импульсами добавляется еще и значительный шум, то именно этот шум и «добьет» человека. Значительно ухудшится его способность выполнять сложные задачи и решать более трудные проблемы, находить выход из сложной ситуации. Человек перестает владеть собой, он легко возбудим, его действия резко импульсивны.

Исследования психологии стресса в соотношении с окружающей средой все еще находятся в зачаточном состоянии. Установлено, что почти все раздражители жизненной среды можно считать факторами стресса, но мы знаем, каким образом они влияют на психологическое равновесие организма. Изучение воздействия шума на психику человека приводит к достаточно четким выводам. Шум имеет реальный стрессовый характер в том случае, когда он время от времени прерывается, а его интервалы угадать нельзя. В результате появляется психическая раздосадованность. Этим термином определяется психическая реакция разной окраски. Ослабить действие такой раздосадованности можно в сущности тремя способами:

1. Наша отрицательная реакция будет слабее, если мы знаем, что другие перенесут шум еще большей интенсивности.

2. Шум оказывает менее раздражающее воздействие, если мы знаем, когда он начнется и когда закончится, с какими интервалами будет происходить.

3. Если у нас есть возможность планировать шум и в любое время его прекратить.

Стресс мы воспринимаем как процесс, который начинается и кончается во взаимодействии между организмом и средой. Это очень сложный комплекс фи-

зиологических, психологических операций. Как уже указывалось, стресс является неспецифической реакцией организма на факторы среды, которые могут действовать как стрессовые. При этом стресс проявляется в форме специфических реакций, из которых самыми важными выступают невротизация и неудовлетворительное развитие межчеловеческих отношений. Мы ограничились в наших размышлениях только стрессовыми факторами окружающей среды, но не следует забывать, что больше всего стрессовых ситуаций создают люди сами.

Перенасыщенная среда. Ярким примером насыщенности жизненной среды импульсами является, естественно, город. Изначально в нем все создается для пользы жителей. Однако ускоренное развитие техники за последние десятилетия способствовало тому, что город стал перенасыщен шумом, визуальными импульсами, жителями, машинами, источниками информации. Если мы применим аналогию из теории коммуникации, то увидим, что современный житель большого города подвергается чрезмерному воздействию информации и его способность воспринимать и интерпретировать сигналы, отличать полезную информацию от ненужной определенным образом изменяется. Он защищается от некоторых импульсов, чтобы воспринимать только те, в соответствии с которыми будет ориентироваться и принимать решения. Таким образом, среда предъявляет все большие требования к личности. И если мы стараемся на шумной главной улице не воспринимать все раздражители, то воздействия некоторых из них мы избежать не можем. Все возрастающий уровень раздражителей требует новой адаптационной стратегии, заставляет индивида использовать такие источники, которые дают упрощенную информацию. Проблемы и сложности возникают в том случае, когда изменение адаптационного поведения оборачивается потерей существенных данных среды. Если количество информации превышает средний уровень, то поведение человека может стать слишком простым, рутинным.

Понятие «перенасыщенная среда» впервые применил социолог Г. Зиммель, который уже в начале нашего столетия сделал вывод, что городская среда препятствует нормальному отношению людей к новым

импульсам, поскольку их энергия распыляется на решение мелких, частных проблем среды. Следовательно, богатая импульсами среда города настолько загружает нас информацией, что остается очень мало времени для восприятия новой информации. Это подтверждает и личный опыт — иногда мы даже не регистрируем изменения в слишком знакомой среде.

Американский психолог Д. Д. Миллер считает, что люди в противодействие перенасыщенной среде вырабатывают специфическую адаптационную стратегию. Они устраняют импульсы, не воспринимают и не концентрируют внимания на информации, которую они не считают для себя важной. Это может себя не оправдать, так как мы можем включить во второстепенный ряд и весьма важную информацию. Но часто у людей вообще не остается времени для оценки той или иной информации. Мы постоянно спешим, и в спешке действительно невозможно уделить должное внимание импульсам окружающей среды.

Интересен и другой способ, который люди не совсем осознают, но тем не менее автоматически пользуются им: пассивное отношение к среде в тех случаях, когда ею нужно как-то овладеть, выискивание институтов и учреждений, которые решили бы эти проблемы за них. Этот способ может привести индивида к систематическим жалобам и неудовольствию. Мы пытаемся переложить ответственность на кого-то другого и тем самым перегружаем импульсами и без того загруженные и разбухшие административные учреждения. Такие действия приобретают форму замкнутого круга — стресс перенасыщения воспринимается как результат холостой работы институтов власти.

Упомянутые адаптационные механизмы появляются в результате перенасыщенности окружающей среды импульсами. Насколько они усложняют жизнь людей, можно продемонстрировать на примере их реакции на недостатки в работе городского транспорта. В перенасыщенной среде люди склонны:

- 1) уделять информации меньше внимания (например, многие пассажиры не воспринимают сообщения об изменениях в работе транспорта, так как даже не подозревают, что их об этом информируют);

- 2) априорно оценивать «несущественность» информации, в результате чего они могут не заметить и весьма существенные сведения (и только тогда, когда

трамвай пойдет в другом направлении, осознают, что должны были более тщательно изучить объявления на остановке);

3) перекладывать бремя ответственности на кого-то другого (мы ругаем водителя даже в том случае, когда мы сами виноваты, что не заметили объявления об изменении маршрута, ибо мы уверены, что он должен был нас об этом предупредить, и, конечно, каждого в отдельности!);

4) вводить в отношения между средой и людьми разных посредников (с водителем, например, мы «в этом разберемся», написав на него жалобу);

5) создавать специализированные институты (например, целую сеть информаторов, которые будут напоминать нам о том, о чем мы можем забыть).

Общепризнано ослабление межчеловеческих связей и взаимной социальной ответственности, поскольку в настоящее время человеческая деятельность определяется индивидуальным стремлением к преодолению трудностей перенасыщенной среды. Короче говоря, дружеские межчеловеческие отношения в перенасыщенной среде исчезают, особенно по отношению к «неизвестным иностранцам». Социально и физически перенасыщенная среда вызывает отчуждение между людьми, ослабляет межчеловеческую солидарность, желание помочь друг другу. Было бы ошибкой объяснять это снижением «гуманности» в отношениях между жителями городов, так как одни и те же индивиды в иной среде охотно помогают друг другу. Такие тенденции можно объяснить скорее всего склонностью человека избегать стрессовых ситуаций. Все это в целом часто порождает настроение незаинтересованности вплоть до апатии. Но такие примеры дегуманизированного поведения, к счастью, не имеют всеобщего характера. Частично их можно объяснить воздействием на личность перенасыщенной среды, так как в среде с оптимальным количеством импульсов такое поведение встречается нечасто.

Это не окончательные выводы из наблюдений. Необходимо отметить, что эмпирические поиски выводов трудны. Ни город, ни личность, ни тем более общественные отношения, зависящие от структуры среды, не являются замкнутой системой, где можно было бы осуществить абсолютно точное исследование.

Мы можем измерить уровень шума или установить процент токсичных веществ в воздухе, а вот подвергнуть измерению межчеловеческие отношения в окружающей среде мы не можем. Реакцию людей на перенасыщенную среду определяют возраст, время, ожидания и целевая мотивация.

Многие люди избегают перенасыщенной среды, в то время как молодые, особенно в период созревания (который, как известно, все удлиняется вместе с прогрессом цивилизации), наоборот, ищут чрезмерного воздействия импульсов. Для некоторых людей анонимность больших городов не мешает установлению межчеловеческих отношений. Безличный город является безразличным пространством, включающим многообразие жизненных стилей. Можно с уверенностью утверждать, что стрессовые воздействия и влияние перенасыщенной среды на человека открывают широкое поле для интересных исследований.

Организация пространства и постоянство поведения. Человеческое поведение тесно связано с физической организацией среды. В одинаковой среде обнаруживается и одинаковое поведение при незначительных индивидуальных различиях в стиле. Это можно наблюдать на примере того, как люди рассаживаются в лекционном зале: сначала занимают места в последних рядах (если речь идет о собрании, на котором они не собираются выступать), а затем — в первых рядах. Часто это происходит и в наполовину заполненных помещениях. Если выступающий или докладчик находится на достаточном расстоянии от первых рядов, то публика занимает и передние места, если расстояние небольшое, то, избегая близкого контакта, люди сначала заполняют последние ряды.

В определенном организованном пространстве можно наблюдать характерный тип поведения людей без особых индивидуальных различий. Физическая организация среды накладывает печать на их поведение. Так, люди с разными, часто противоположными чертами характера в определенной степени ведут себя сходным образом, когда входят в библиотеку, аудиторию, отделение милиции, магазин, на железнодорожную станцию, к зубному врачу.

Среда иногда не вполне соответствует выполняе-

мой деятельности. Об этом нужно помнить, особенно при организации рабочей среды. Порой мы сталкиваемся с такой средой, которая при более близком рассмотрении для данной деятельности мало подходит или полностью не соответствует. Это происходит в том случае, когда новая техника размещается в той среде, которая когда-то была предназначена для старой. Я видел интерьер коровника, который был рассчитан на определенное количество коров, обеспечивавшихся стационарной кормовой линией и передвижной системой машинного доения. Затем решено было, что сюда можно прибавить еще два ряда коров, с тем чтобы увеличить мощность коровника. В результате для обслуживающего персонала осталось только небольшое пространство, и люди вынуждены были протискиваться вдоль стен, чтобы не попасть под кормораздатчик.

Оптимальная среда — это такая среда, которую можно в определенной степени изменять в соответствии с нуждами субъекта. Среда, окружающая нас, должна быть открытой, а не закрытой системой, и ее границы должны быть строго фиксированы. Это значит, что свою квартиру мы обставляем таким образом, чтобы в ней были четко определены физические координаты. В то же время пространство, в котором происходят различные действия, должно не только влиять на субъекта, но и само поддаваться влиянию. Обобщая это понятие, можно сказать, что физической организации созданной человеком среды должны быть присущи как изменение, так и стабильность.

Не следует забывать и о том, что изменение даже незаметного компонента в общей организации среды влияет на характер поведения в этой среде. «Организация поведения» находится в тесной связи с организацией пространства. Посетите хотя бы один раз театр, но в качестве не зрителя, а наблюдателя за зрителями, и вы увидите поведение людей в гардеробе, у входа, в буфете, в зрительном зале. Перед вами предстанет четкая картина того, что мы называем *постоянством поведения* при данной организации пространства.

Изучение связи человеческого поведения с организацией пространства имеет большое значение в защите и создании окружающей среды. Только поняв связь индивидуального и группового поведения со

средой, можно успешно создавать окружающую среду и осуществлять желаемые изменения. Бесполезно сетовать на отрицательное влияние среды и ее загрязнение. Следует понять, что факторы, вызывающие нежелательные изменения в среде, потенциально содержат и положительный момент. Архитектура, например, всегда учитывает психологическое воздействие физических структур, цвета, но часто бывает и так, что человек, пользующийся этим архитектурным пространством, находится в пассивной зависимости от созданной среды, пусть даже по разным, часто очень сложным причинам. Но как только в архитектуре будет признана активная роль человека в среде, станут явными ее недостатки. Тогда не будут доминировать лишь формы и функция и, наверное, будет покончено с преобладанием серости. Будут устранены различные архитектурные монстры, и появятся пространства, которые будут служить человеку.

Люди начали создавать и строить жилища с тех пор, как покинули пещеры. Известно, что с самого начала они интуитивно сооружали «крышу над головой» так, чтобы она выполняла определенную функцию в пространстве. Архитектура с этой точки зрения возникает позже, а именно тогда, когда дом начинает служить одной семье, а не большим родственным или соседским общинам. Следующее большое изменение происходит тогда, когда развитие промышленности приводит к отделению производственного пространства от пространства, предназначенного для личной жизни. До тех пор пока дом был не только семейным очагом, но и пространством для производственной деятельности, он был организован комплексно, и все участвовали в его создании и определении функции его помещений.

Пространство помещений удовлетворяло человека в функциональном отношении, хотя жизнь в нем была слишком тяжелой. Люди были тесно привязаны к своей среде, слиты с ней, как бы ни была она ограничена. Сегодня же в индустриальном и технизированном обществе именно эта сторона бытия человека постепенно исчезает. В результате появляется отчужденное отношение человека к производственной среде, поскольку он понимает ее как объект производственных процессов или научного познания, в то время как в сущности он образует с ней единое, неделимое целое.

III. Окружающая среда и межчеловеческие отношения

Окружающая среда влияет на человека не только своей физической структурой. В ней находятся и другие люди, которые также подвергаются воздействию среды. Окружающая среда, особенно искусственно созданная человеком, имеет всегда социальные параметры. Позиции, оценки, интересы — все это отражает аспекты среды, в первую очередь исторические и социокультурные.

Люди как члены разных социальных групп и институтов в ходе своего развития социализируют соответствующие действия не только в отношении физической структуры среды, но и в определении символических ее значений. Мы можем отделять физические компоненты среды от социальных, но объективно среда существует как единое целое, включающее то, что создано природой и человеком, а также самих людей. Индивид никогда не предстает одинокой фигурой, он всегда является составной частью общественных отношений, которые воздействовали на него с рождения. Эти отношения привязаны к строго определенной среде. В результате перед нами открывается интересная область нетрадиционных исследований жизни людей в среде, созданной в процессе развития цивилизации. Но для начала рассмотрим два эксперимента, которые иллюстрируют влияние среды на характер взаимоотношений между людьми. Автором экспериментов является недавно умерший американский психолог Стэнли Милгрэм — видный ученый в области психологии окружающей среды.

Ячейки личного пространства. Салоны городских транспортных средств бывают, как нам известно по личному опыту, до предела переполнены, особенно в часы пик. Каждый из нас в такой ситуации чувствует, что он теряет индивидуальность. В то же время мы, как правило, располагаем некоторой ячейкой

личного пространства, которую считаем своей территорией. Эти ячейки у нас есть дома, в личной машине, а также во всех сферах общественной жизни. Границы ячеек изменчивы и зависят от типа среды: стоя на остановке, где мало людей, мы сохраняем определенную дистанцию с незнакомыми людьми; в ресторане занимаем в основном места за свободными столами, если среди сидящих нет знакомых. В то же время дружеское развлечение, дополненное приемом алкоголя, как известно, расслабляет социальные запреты, раздвигает границы ячеек вплоть до непосредственных соприкосновений. Ярким доказательством существования ячеек личного пространства является поездка с незнакомым человеком в лифте, особенно тогда, когда мы там встречаем представителей противоположного пола: мы отодвигаемся от незнакомца, насколько позволяет пространство лифта. Нарушение границ ячеек «чужаком» мы воспринимаем с большим раздражением, которое может вылиться в резкую реакцию.

Иную ситуацию можно наблюдать в переполненном вагоне метро. Очень сносно ведут себя люди в тесноте в часы пик. Это весьма удивительно регулируемая ситуация, в которой скрыты активно действующие механизмы межчеловеческих отношений, обусловленные социальной средой, характер которой тесно связан с физической структурой пространства. Агрессивные реакции индивидов сдерживает прежде всего «давление страха»*, которое тоже имеет свой предел и может привести при определенных обстоятельствах к агрессивному выпадку, а в условиях паники перестает функционировать вообще.

Испытайте на себе воздействие «давления страха», регулирующего межчеловеческие отношения в переполненном городском транспорте, используя интересный психологический эксперимент, который провел Стэнли Милльгрем, профессор Нью-Йоркского университета. Он попросил своих студентов, чтобы они в часы пик вошли в вагон метро и обратились к сидящим пассажирам с просьбой уступить им место.

* Немало западных психологов полагают, что чувство страха лежит в основе многих эмоциональных переживаний. Однако в описываемых случаях имеет место не «давление страха», а давление совести. — *Примеч. Л. А. Китаева-Смыка.*

Это уж слишком! Как бы не так! В такой ситуации берут верх силы, подавляющие неловкость, страх, которые регулируют межчеловеческие отношения в переполненном вагоне. Примечательным было уже то, что почти все студенты отказались участвовать в таком эксперименте. Симуляция головокружения, зубной боли и тому подобного для них оказалась неприемлемой. Но иначе никто не уступит место, считали они. Наконец, нашелся один доброволец, который согласился на такую авантюру. Как же он был удивлен, когда люди по первому его слову уступали ему место! Это было сверх всякого ожидания. В общем по правилам эксперимента он должен был попросить 20 человек уступить ему место, но уже после 14 успешных попыток отказался продолжать этот эксперимент. Он сказал: «Это было одним из самых тяжелых заданий в моей жизни. Представьте себе, что вы абсолютно незнакомому человеку скажете: «Извините, но не разрешите ли мне сесть на ваше место?»»

Что, собственно, произошло? Если у вас нет серьезных причин просить кого-то освободить для вас место в переполненном вагоне метро (в автобусе, в трамвае, в троллейбусе), то бывает очень трудно выдать из себя вразумительную фразу, а то и просто слово. Горло сдавливает что-то. Вы оказываетесь в состоянии абсолютной депрессии. Если же вы это состояние преодолаете и скажете магические слова, вы будете удивлены — вам место уступят. Вы сядете и начнете оправдывать свое поведение. Но по условиям эксперимента вы этого делать не должны. Опускаете голову и радуетесь, что на следующей остановке сойдете. Только тогда вы выйдете из состояния крайнего напряжения.

Такой простой эксперимент, осуществленный в той или иной окружающей среде, подтверждает наличие определенных принципов, регулирующих межчеловеческие отношения. Здесь четко выступает эффект подавления неловкости, страха, которые не позволяют нарушать социальные нормы, действующие в данной среде. Просить кого-нибудь уступить место на первый взгляд вещь обыкновенная, но сделать это в определенный момент чрезвычайно сложно. Возникает большое желание оправдать свое поведение болезнью или усталостью. (Так мотивируют свое поведение молодые люди в пражских трамваях и вагонах метро, симули-

руя усталость или сон, чтобы не уступать место пожилым людям.) Симуляция в данном случае — не просто игра, она обусловлена логикой межчеловеческих отношений. Как только ситуация изменяется, наступает облегчение; это свидетельствует о наличии социальной мотивации, определяющей поведение человека в переполненном пространстве.

Нарушению социальных правил противостоит мощный барьер страха, который подавляет возможные отклонения от этих правил. Символы среды укрепляют такую реакцию или устраняют ее в зависимости от того, где мы находимся. Известны случаи, когда люди предпочитали сгореть заживо, чем голыми выброситься на пожарный тент из горящего дома. Опыты в городском транспорте позволяют вскрыть очень важные механизмы социального поведения, которое может быть осуществлено только в определенной, созданной людьми среде. Не верите? Попробуйте во время поездки в метро или в автобусе громко петь. Не напевать про себя, а петь во все горло. Большинство людей скажет, что они это сделают без затруднений, но действительно сделать это сможет только один из ста. Ведь существует большая разница между тем, что мы считаем вполне возможным, и тем, что мы можем сделать в действительности. Это различие обусловлено нормами и правилами социального поведения, основа которых заключена в структуре среды в каждом отдельном случае.

Замороженный мир «знакомых незнакомых». Городской житель, попадая в село, часто бывает поражен тем, что с ним здороваются люди, которых он когда-то просто встречал. Бывает, что здороваются и совершенно незнакомые прохожие. В анонимной городской толпе мы здороваемся только со знакомыми и друзьями, иначе от постоянных приветствий можно было бы сойти с ума. При этом существует определенное число людей, которых мы можем назвать «знакомыми незнакомыми». Это те люди, которые разделяют нашу общую судьбу в передвижении в городской агломерации: ездят с нами в одно и то же время в городском транспорте; обедают в одной с нами столовой или ресторане; у нас с ними одинаковый маршрут по продовольственным магазинам.

Профессор Стэнли Мильгрэм в течение многих лет

регулярно ездил пригородным поездом. Он был пленен железной регулярностью мира «знакомых незнакомых». На станции, где он садился в поезд, каждое утро встречался с одними и теми же людьми. Кроме взаимной регистрации взглядом, у них не было никаких эмоций. Постепенно он стал осознавать особое психическое напряжение, которое вызывает такая ситуация: люди считают себя фоном среды, а не личностью, с которой можно общаться и завязывать контакты. Человек является лишь атрибутом окружающей среды, каким-то мобильным урбанистическим дополнением, анонимной частью большого города. Напряжение подавляется при наличии большого количества индивидов одинаковой судьбы и, наоборот, возрастает, если на автобусной станции в ожидании стоят только два «знакомых незнакомых». Днем они видят друг друга, но вообще они никогда не встречались. Между ними существует неприятный барьер. Сломать его? Или продолжать молчать? Пойти на сближение или сохранить критическое расстояние?

Однажды С. Мильгрем сфотографировал всех стоявших на одной остановке, пронумеровал их и на следующей неделе раздал портреты всем «знакомым незнакомым». Их задачей было:

- 1) обозначить лица, которых они знают и разговаривали с ними;
- 2) обозначить абсолютно незнакомых людей;
- 3) обозначить классических «знакомых незнакомых» — людей, которых они знают только потому, что видят их иногда, но никогда с ними не разговаривали.

И каковы были результаты? Каждый пассажир на этом маршруте знал в лицо 4—5 человек. У каждого из этих «знакомых незнакомых» было свое представление о других: угадывал, кто он, где работает, какая у него личная жизнь и т. д. Среди «знакомых незнакомых» были даже свои «звезды», выделявшиеся чем-то из однородной массы. Например, в упомянутом эксперименте 80% опрошенных узнали красавицу среднего возраста, а своеобразный центр указанной массы пассажиров отличался смелыми мини-юбками даже в зимнее время.

Феномен «знакомых незнакомых» не означает, что между ними вообще отсутствуют межчеловеческие отношения. Речь идет об особом виде «заморожен-

ных» отношений, которые неизбежны в больших городах. Даже с тривиальным вопросом (например, который час) люди скорее обратятся к абсолютно незнакомому человеку, чем к «знакомому незнакомому». Существующее длительное время молчание определяет отсутствие личных контактов; это состояние «знакомые незнакомые» воспринимают как нормальное положение вещей. Отношениям между ними присущи такие характеристики, которые не проявляются до определенной поры. Скажем, в неординарной ситуации (в случае обморока, транспортных происшествий) «знакомый незнакомый» чувствует себя обязанным помочь «дальному близкому» человеку и принимает соответствующие меры.

Вероятность завязывания контакта увеличивается в тех случаях, когда «знакомые незнакомые» встречаются в чужой для обоих среде, например за границей. Здесь они быстро могут установить контакт, так как психологические координаты среды здесь совершенно иные и не способствуют поддержанию молчаливой коммуникации. Люди — очень хрупкие создания, включенные в систему социальных контактов и запретов, и только среда, ее локальный колорит побуждает их к определенным действиям. В случае «знакомых незнакомых» это проявляется особенно наглядно.

1. Влияние среды на социальное взаимодействие

Поведение человека в окружающей среде таково, что он не должен взвешивать каждое свое действие. Сама организация среды и ее символическое значение являются гарантией того, что человек поступит так, а не иначе. Могут быть и сложные варианты, результаты которых противоположны ожидаемым, но случается это редко. Вряд ли может быть такая невероятная ситуация, когда из крана водопровода пойдет газ. А с нами может произойти такой случай, когда нам не удастся вовремя приехать на работу городским транспортом ввиду того, что мы не выполнили какие-то предписанные правила поведения. В основе социального взаимодействия лежит взаимная связь, но и она подвергается воздействию социальных отношений. Каждый ребенок очень быстро и твердо усваивает, что по шоссе автомашины ездят по правой стороне, а сам

он должен держаться левой стороны, если здесь нет тротуара. И водители надеются, что пешеходы будут поступать именно так. С объективной, математизированной точки зрения это так и должно быть, но это правило не все соблюдают, потому иногда и происходят трагические случаи.

Большая часть общественных норм имеет весьма сложный характер, они не похожи на четко изложенные дорожные правила. Нормы являются невидимым руководством, передаваемым из поколения в поколение посредством культурного наследия и воспитания. Эти нормы влияют на наше поведение и мышление, на позиции, занимаемые нами в определенных ситуациях, которые, как правило, связаны с определенной средой. Но, поскольку среду мы чаще всего используем наряду с другими представителями Homo sapiens, в нормах закреплены правила поведения в обществе по отношению к другим людям. Нормы усваиваются легко, поскольку каждый из нас становится членом соответствующей группы, начиная с семьи, потом класса в школе, группы молодых людей, членов спортивных клубов и кончая рабочим коллективом. Нормы также определяются той ролью, которую они играют в данных группах, а группы очень часто ограничены средой, в которой они существуют и действуют.

В семье, в этой основной ячейке общества, ее члены очень часто находятся в тесном контакте. До сих пор никто точно не установил границу, отделяющую контакты между членами семьи от обычной дистанции между чужими людьми в обществе. Да в этом и нет необходимости, так как все мы это очень хорошо знаем и чувствуем, исходим из этого в своем поведении. Социолог Г. Гарфинкель провел опыты, в которых студенты сознательно нарушали дистанцию между людьми в общественных местах. Для студентов эти опыты были столь же сложны, как в том случае, когда они симулировали обморочное состояние в метро. Особенно трудно было тем студентам, которые нарушали пространственную норму, в частности когда приближали свое лицо к лицу совершенно незнакомого человека.

При определенных условиях, когда пространственные нормы нарушены, допустимое расстояние изменяется, но неловкости при этом не возникает. Например,

возбужденные болельщики после победного гола могут обниматься в последнюю минуту встречи, даже не зная друг друга. Танец двух незнакомых партнеров также представляет собой ситуацию, наполненную символами призывов и отказов, демонстрацию искусства сватовства. Пьяный человек перешагнет нормы поведения довольно легко, так как алкоголь ослабляет его самоконтроль. В этом случае неудобство испытывает тот, кто не нарушил норму, кто считает соблюдение ее обязательным.

Нормы поведения зависят не только от самих людей, но и от структуры среды. Они детерминированы также культурной традицией: например, привычка мужчин французов и русских целовать друг друга при встрече у представителей германских народов отсутствует. Рассказ о «психологии стула» в начале нашей книги показывает, как физические свойства среды влияют на взаимодействия людей. Можно сделать вывод, что *дистанции во взаимодействиях между людьми являются наряду с жестами, мимикой и языком основными чертами социальных связей и на них решающим образом влияет конкретная ситуация и структура среды.*

В центре нашего внимания находятся нормы поведения человека в пространстве, выработанные в процессе культурного и исторического развития, так как именно они закреплены в пространственной организации окружающей среды и в определенной степени ее структурируют. Если в среде, например в кабинете, нет соответствующего служащего, а мы его ждем, то для нас членение пространства имеет обязательный характер. Если мы сядем (и сядем ли вообще), то непременно на самый незаметный, рядовой стул, и ни в коем случае не на стул заведующего отделом кадров, если мы у него в кабинете. Таковы обязательные нормы, четко определенные «границами» среды.

В этой связи большой интерес представляет такая уже упоминавшаяся психологическая особенность человека, как стабильность поведения в определенной среде; несмотря на то что каждый из нас наделен индивидуальными чертами, структура среды обязывает нас только к такому, а не к иному поведению. Давление среды вызывает своеобразное состояние, которое проявляется в более сильном, чем

наша индивидуальность, мотивационном заряде. В общественных меблированных помещениях у большинства людей проявляется тенденция не только к ограничению своего поведения, но и к неприкосновенности пространственного распределения объектов. Люди руководствуются неписаным законом по отношению к вещам, которые им не принадлежат, — чужое не трогать! В результате стулья, скамейки и столы остаются на прежних местах даже в тех случаях, когда с точки зрения общения между людьми они размещены неудачно и создают неудобства. Часто в ресторанах можно увидеть надпись: «Перестановка стульев запрещается!» Нелюбезный официант скорее разделит семью и посадит ее за двумя столами, чем допустит, чтобы она сидела за одним столом с дополнительно приставленными стульями.

Поведение человека в окружающей его среде находится под управлением двух мощных сил. Первой являются правила культуры поведения, регулирующие позицию человека в пространстве (например, расстояние между людьми). Второй силой являются культурные символы, указывающие на то особое место, которое может быть занято в данной среде. Сама организация среды определяет интимность или формальность отношений: принятие пищи, беседу или размышление.

Личность и физическая организация пространства. Создание человеком вокруг себя минимального неприкосновенного пространства влияет на его восприятие социальной ситуации, определяемой данной средой. Потребность в таком пространстве имеет как биологические, так и психологические характеристики и закреплена в чертах поведения, определяемых культурным наследием. Кроме того, она отличается значительным экологическим зарядом: если действия человека должны вести к определенным целям, то среда должна быть соответствующим образом организована, в противном случае мы неизбежно приспособляем среду для этих целей.

Социолог Г. Зиммель уже в начале XX в. предложил понятие *личное пространство*. В конце 60-х годов начали применять термин *личная дистанция*, который ввел швейцарский исследователь Хедигер. Он изучал поведение людей в различных средах: в лекционном

зале, в парках, в ресторанах — вплоть до пространственного взаимодействия в личной жизни. Первоначально под этим понятием подразумевалась дистанция, которую сохраняют разные виды животных в целях защиты и безопасности. Речь идет о некотором защитном пространстве, о котором хорошо знают люди, работающие с животными: это — в сущности безопасное расстояние, на которое животное подпускает к себе человека, не проявляя ни защитного, ни нападающего действия. Понятие дистанции, взятое из этологических исследований и включенное в определение отношений между людьми, представляет метафорическую аналогию поведения животных и действий человека.

Сохранение личной дистанции у человека не является способом сохранения индивида. Этого простого понятия недостаточно для объяснения комплекса пространственных маневров *Homo sapiens*. Но личное пространство человек действительно защищает, и вовсе не по причине атавистического воспоминания о своем животном прошлом. Это пространство имеет психологическое значение, ибо предназначено для сохранения индивидуальности человека. Всем известно чувство дискомфорта в результате временной «потери» индивидуальности в давке у входа на стадион перед началом важного футбольного матча. Личная дистанция необходима еще и для того, чтобы человек познавал вещи вокруг себя, мог ими пользоваться, выполнять целый ряд действий, ориентироваться в пространстве и, наконец, воспринимать других людей как отдельных личностей.

С антропологической точки зрения личное пространство мы можем определить как «малую охранную зону, ячейку личного пространства, которой мы отделяем себя от других». Развитие человека свидетельствует о том, что в ходе развития цивилизации в процессе познания происходит доминирование зрения, видения. Зрение выхватывает максимум информации из пространства и обладает прекрасным контрольным потенциалом. По этой причине возрастает значение личного пространства, так как для того, чтобы человек получал из среды информацию с помощью зрения, ему необходима определенная дистанция, чтобы он мог сфокусировать зрение.

Существует несколько сфер, ограниченных куль-

турной и социальной дистанциями. Границы этих сфер каждый индивид строго соблюдает в своем поведении. При этом данное организованное пространство имеет центробежные и центростремительные параметры. Обратим внимание на то, как человек в своем индивидуальном пространственном существовании структурирует мир: от центра, который представляет он сам, расходясь пространства различной значимости и, естественно, по-разному оцениваемые социальные отношения. В направлении от центра ценность пространства убывает, и наоборот. Личные параметры включают следующие дистанции:

1) *интимные* (от эротических фантазий к любовным играм и отдыху посредством сна);

2) *персональную* (это и есть защитная зона);

3) *социальную*, включающую персональные отношения и принадлежность к малым формальным и неформальным группам;

4) *общественную*, охватывающую обширный спектр индивидуальной активности и персональных и коллективных взаимодействий в пространстве, которое человек разделяет с друзьями.

Упомянутые параметры существенны и в экологическом поведении человека. Мы всегда уделяем большое внимание созданию и упорядочению среды, непосредственно нас окружающей, которую считаем пространством исключительно своих интересов.

Не следует это представлять таким образом, что речь идет о строго определенных границах. Разметка этих границ зависит от индивидуальных различий и определяется также структурой среды: поездка в переполненном автобусе или прогулка по многолюдной улице особой радости не вызывает. Тем не менее встречаются и такие люди, которые мечтают о выступлении перед публикой, в мечтах же разрабатывают планы, как бы они все сделали правильно и всюду навели порядок. О стремлении сохранить дистанцию можно судить, например, по поведению пассажиров в метро. Если в вагоне мало народа и многие сиденья свободны, то пассажиры садятся таким образом, чтобы между ними оставалось достаточно свободного места, которое представляет собой персональную дистанцию. Если совершенно незнакомый мужчина в пустом вагоне садится очень близко к одиноко сидящей даме, то вызывает у нее неприятное чувство. Сов-

сем иная ситуация возникает в переполненном вагоне. Здесь не остается ничего иного, как мириться с присутствием нескольких человек на одном квадратном метре площади. Но это человек может выдерживать иногда и длительное время. Он пользуется механизмом общественного регулирования поведения в переполненном пространстве.

Люди не только защищают свои личные пространства, но и соблюдают неприкосновенность пространства других лиц, за исключением актов насилия. Пространственные нормы нарушаются только с молчаливого согласия другой стороны. В переполненном лифте личные дистанции почти исчезают, но люди с этим фактом мирятся, объясняя тесноту любимым термином «клаустрофобия». Люди подсознательно устанавливают свое личное пространство в общественных помещениях с помощью символических и специальных жестов, движения глаз, иногда слова. Такие коммуникационные средства, как, например, поворот головы в сторону, а также стремление не смотреть на очень близко стоящего пассажира, действуют как разделяющие пограничные столбы.

Человек обладает широкой шкалой физической и символической техники для сохранения необходимого расстояния от других лиц, если он не желает делить с ними интимный круг. Если вы захотите сами испытать на каком-то незнакомом вам человеке автоматическое действие дистанционных процессов, то вы установите, что вместе с сокращением дистанции между личностями зрение и визуальные сигналы теряют свое значение, их заменяет словесный аппарат и манипуляции телом и, наконец, в кризисной ситуации — бегство или нападение.

Мы подчеркиваем, что даже если эти реакции имеют глубокие биологические корни, их нельзя отождествлять с поведением животных в пространстве, ибо у них это поведение генетически закодировано. Животные четко соблюдают использование определенной территории строго определенным числом особей.

Поведение человека в ограниченном пространстве определяется понятием «*проксемика*». Оно закреплено наследственно, передается соответствующими символами и проявляется в виде различных норм в разных обществах по-разному. На изменение сохраняемых дистанций влияют такие факторы, как возраст, пол,

общественное положение человека, культурный уровень и характер деятельности. Например, у большинства детей значительно меньше проблем в контактах с чужими людьми, чем у взрослых. Важную роль играет профессиональный статус. Если врач соблюдает профессиональную этику, он без особых моральных проблем может касаться интимных частей человеческого тела. Но достаточно его неосторожного движения, и взаимное соглашение будет разрушено. Врач подвергает себя опасности, ибо некоторые истеричные пациенты могут обвинить его в нечестных намерениях, хотя такое обвинение может быть всего лишь их скрытым желанием.

Примером сужения личных дистанций может быть также поведение людей на вечере, на котором общее веселье сближает и совсем незнакомых людей; между ними могут возникнуть даже близкие физические контакты. Рассказывая группе детей какие-нибудь «страшные истории» в вечерние часы, мы можем заметить, что радиус круга слушателей становится все меньше, а группа — теснее. Следовательно, подвижность личных дистанций определяется рядом важных факторов: характеристикой физической среды (формой стола, расположением мебели), характеристикой индивидов (возрастом, полом), сложившейся эмоциональной атмосферой, характером индивидуальных отношений (сотрудничеством, дружбой, отсутствием симпатии) и характером других участвующих (склонностью к лидерству или подчиненности).

В случаях нежелательного проникновения кого-либо в личное пространство можно выделить общие черты поведения людей, подвергающихся «нападению». Сначала любой индивид старается изменить свое действие таким образом, чтобы сохранить дистанцию. Бегство, как правило, является последней альтернативой. В случаях, когда общее пространство не позволяет даже минимально отдалиться, люди создают символические дистанции хотя бы тем, что отворачивают голову или отводят глаза. Варианты защитной техники у человека могут иметь значительно больше форм, чем можно наблюдать у животных.

Психология пространства и небольшие группы.
Люди — не автоматы и не вычислительные машины, строго выполняющие предписанные пространствен-

ные координаты. Они также не являются вечными узниками ячеек личного пространства. Мы уже указывали, что отношения между человеком и средой понимаем как открытую систему взаимодействий, которые закреплены не только в пространственном, но и в социальном отношении и могут подвергаться изменениям. И здесь действует диалектическое отношение: изменения в персональных контактах могут вызвать изменения в организации пространства, и наоборот. Приведем достаточно банальный пример. Каждый, кто когда-нибудь участвовал в организации собрания, знает, как важна роль пространственной организации среды, в которой будет происходить собрание. Важны также физические характеристики среды — температура помещения, качество освещения, эргономические параметры столов и стульев, предназначенных для длительного или непродолжительного заседания. В настоящее время, когда мы уделяем собраниям достаточно много рабочего времени, эти вопросы приобретают особое значение.

В группах, где нет строгих правил поведения, последовательность отдельных выступлений зависит от того, кто где сидит. Длительные наблюдения и некоторые эксперименты показали, что в небольших группах, образующих круг или иную закрытую форму, вероятнее всего, после предыдущего оратора выступит тот, кто сидит напротив, а не рядом с ним. Это объясняется тем, что люди, сидящие друг против друга, физически и экспрессивно больше взаимосвязаны, чем сидящие рядом. Факт этот общеизвестный, и если вы его не заметили, то наблюдайте за последовательностью выступающих на неформальных встречах, например при праздновании дня рождения. Таким образом, пространственное рассредоточение индивидов влияет на такую, казалось бы, непространственную деятельность, как последовательность выступлений.

Важное влияние на характер межлических отношений оказывает форма стола. Круглые столы создают атмосферу равноценности, в то время как при других формах всегда четко зафиксирована позиция главного члена группы, сидящего во главе стола. О столах, как и о стульях, можно было бы говорить очень много, но мы предоставим читателям возможность пофантазировать самим.

Английский психолог Генри Осмонд различает два вида пространства, два вида окружающей среды в зависимости от того, развивают они или подавляют социальные отношения. С одной стороны, это — *социопетальные*, *центростремительные*, пространства, с другой — *социофугальные*, *центробежные*. Мы хотим подчеркнуть, что окружающая среда оказывает на межчеловеческие отношения подавляющее или возбуждающее воздействие. Социофугальная среда — это пространство, структура и физическое устройство которого вместе с социальными параметрами, привнесенными в нее традицией и культурой, противодействует развитию межчеловеческих отношений, отделяет людей, создает между ними барьеры. Социопетальное же пространство побуждает к взаимодействию, к установлению контактов. Устройство сидений в автобусе социофугально, кроме соседних мест. У старых типов автобусов сиденья над задней осью были устроены таким образом, что побуждали к межчеловеческим отношениям, например к игре в карты. Приемная у зубного врача не является социопетальным пространством, но и здесь можно поговорить с рядом сидящим, хоть тема разговора будет однонаправленной.

Окружающую среду в целом практически можно классифицировать соответственно упомянутым полюсам, но при этом нельзя забывать, что оба полюса образуют границы широкого спектра постепенных переходов. Короче говоря, существуют пространства, в которых люди ищут друг друга и которые побуждают к установлению партнерских отношений, и, наоборот, есть такие пространства, которые подавляют межчеловеческие отношения. В то же время социопетальные пространства не гарантируют сами по себе возникновения дружбы и положительных межчеловеческих отношений. Структура пространства позволяет устанавливать такие контакты, но не предопределяет их характер наперед. На замкнутого по характеру человека такая среда может оказывать обратное влияние.

Разделение пространств окружающей среды на социофугальные и социопетальные может помочь при определении вида и характера пространства, но каждое пространство является ареной встреч, которые только после длительного взаимного изучения могут

привести к дружеским или враждебным отношениям. Известно, что близкие контакты людей не всегда приводят к развитию между ними тесных взаимоотношений.

Кое-кому может показаться, что эти рассуждения не имеют ничего общего с экологией в ее современном понимании. Но если окружающую среду толковать в широком смысле слова, то наши рассуждения имеют важное значение, например при создании адекватного рабочего пространства в учреждениях. Производительность труда зависит не только от способностей работников и физических свойств пространства—соответствующего освещения, звукоизоляции помещения,— но и от того, как среда влияет на психику людей, которые вынуждены проводить в таком помещении не менее восьми часов ежедневно. В тесном помещении, где работает несколько человек, люди часто стремятся присутствовать по очереди, ибо только так структура помещения обеспечивает последовательное выполнение изолированных действий. Из этого следует, что их производительность снижается не только из-за действительного, но и из-за потенциального присутствия других людей. А если в тесном, неподходящем, перенасыщенном людьми рабочем помещении все будут находиться одновременно, то только с большим усилием каждый из присутствующих сможет сосредоточиться на выполнении своего задания. Такая среда не только не побуждает к деятельности, но иногда и блокирует ее. Поскольку работа должна быть выполнена, люди работают, но не получают удовлетворения.

2. Территориальное поведение человека

Одним из путей регулирования индивидуального бытия человека является его пространственная активность, которая заключается в том, что человек способен контролировать свои действия в определенных пространственных структурах. Необходимо отметить, что своими действиями в пространстве, связанными с упомянутыми личными и социальными дистанциями, человек часто управляет автоматически, а иногда выполняет их подсознательно. Именно такая автоматическая, подсознательная мотивация деятель-

ности как бы включает пространственное поведение людей, свидетельствует о биологической заданности их территориального поведения; это в свою очередь имеет продолжение в социальной сфере и оказывает корректирующее действие на межчеловеческие отношения. Социологи и представители других дисциплин, исследующих социальное бытие человека, часто высказывают критические замечания по поводу концепции человеческой территориальности. В этом случае самым подходящим примером является территориальное поведение оппонентов во время дискуссий.

Действительно, употребление понятия «территориальность» в настоящее время стало в какой-то мере модой. Бесспорной является связь этого понятия с поведением животных, которое изучается в естественных или лабораторных условиях. Зоологи и этологи накопили большое количество данных о пространственном, территориальном поведении животных. Отдельные представители животного мира, целые группы, стада, стаи метят границы собственной среды обитания как свою суверенную территорию, которую готовы защищать даже в открытом сражении в тех случаях, если не сработают весьма эффективные ритуализованные устрашающие механизмы только им понятного коммуникационного кода.

Территориальное поведение животных имеет принципиальный экологический характер в том смысле, в каком мы понимаем экологию: оно определяет оптимальное пространственное распределение особей данного вида в ограниченном пространстве, с тем чтобы источники питания были достаточными для воспроизводства. Территориальное поведение животных выражает глубокую мудрость природы, и если мы вдруг узнаем, что в разных частях мира некоторым видам животных угрожает вымирание или появляется их избыток, то это значит, что нарушения равновесия в природе вызваны, несомненно, человеком, который или радикально изменил окружающую среду, или просто уничтожил ее.

Первым ввел в практику понятие территориальности английский исследователь Джон Рей, который изучал поведение соловья еще в XVII в. Он описал, как птица своим пением определяет границы своей территории. В 1920 г. британский орнитолог Г. Е. Говард опубликовал работу «Территория в жизни птиц», в ко-

торой писал, что разные виды птиц разграничивают в определенном регионе свою территорию соответственно с количеством особей. Эту территорию они защищают не только по причине добывания пищи, но и в целях регулирования процесса размножения. Говоря о территории, мы имеем в виду пространственное расположение особей одного вида. Но территории различных видов животных перекрывают друг друга. На территории, скажем, лисы обитает много и других видов животных.

Внутри территории существует, как правило, строгая иерархия между особями определенного сообщества. Территориальное поведение не означает только пространственное распределение оптимального количества особей данного вида. У животных (а иногда и у людей) можно наблюдать поведение, которое определяется как *временная территориальность*. На первый взгляд кажется, что на сельском дворе куры передвигаются свободно, но это не совсем так, ибо в каждой «социальной системе» существуют строгие закономерности, например в последовательности подхода к насыпанному корму. Куры подходят и клюют зерно вовсе не хаотично, а в соответствии с точным «клевательным порядком». Впервые это явление описал датский эколог Шьедрупель-Эльбе в начале XX в. Если какая-нибудь из кур, писал он, занимающая второстепенное место в структуре стаи, начинала клевать раньше, она тут же была наказана клевком в голову подружками, занимающими более высокое место. Мы не хотим пользоваться этим примером, чтобы искать подобное поведение у людей, а хотим лишь подчеркнуть, что территория, принадлежащая нескольким биологическим видам, кроме пространственных координат имеет также координаты временные.

Количество исследований на тему территориальности в последнее время значительно возросло. На основании этологических наблюдений можно сделать вывод, что виды животных метят свою среду обитания, свою территорию, защищают ее от особей того же вида, принадлежащих к другим организованным группам, другим стаям. С этой целью животные используют прямо-таки фантастические возможности своих органов чувств, которые значительно превышают человеческие. Все животные, живущие стадами, способны различать принадлежность особи к своему

стаду. Каждый любитель аквариумов может наблюдать жестокие бои между в общем миролюбивыми аквариумными рыбками за свои территориальные воды. С экологической точки зрения такое поведение понятно — оно является основой соблюдения экологического равновесия, возможности выжить, сохранить определенный вид в пределах ограниченной территории.

Итак, территориальность — это такая форма поведения, которая регулирует использование специфических секторов определенной области для разных целей в строгой временной последовательности. Экологические результаты такого поведения являются следствием автоматического соблюдения территориальных правил, генетически закрепленных у особей одного вида и проявляющихся на основе ритуализованных сигналов. Последние представляют собой профилактический способ защиты от возможного истощения важных источников питания. В территориальном поведении скрыта мудрость природы.

Люди, как и простейшие виды животных, определяют и различают границы среды обитания, присваивают себе право решать, кто может и кто не может перешагнуть соответствующие границы и как это может происходить. Во многих случаях такое разделение осуществляется спонтанно, что свидетельствует о том, что оно имеет биологические корни. Территориальность связана с тенденцией организма создавать личное пространство и сохранять вокруг соответствующие дистанции. Она оказывает значительное мотивационное воздействие на индивидуальное и социальное поведение. Территориальное поведение представляет все три основные составляющие психологической активности: познавательную сторону (как я воспринимаю ситуацию), чувственную сторону (как я воспринимаю и реагирую на ситуацию эмоционально: она мне приятна или не приятна, я расслабляюсь или нахожусь в напряженном состоянии) и, наконец, действенную сторону (оценка территориальной ситуации заставляет организм, как правило, действовать). Необходимо подчеркнуть, что человек как адаптивный организм, способный довольно быстро приспосабливаться к изменениям в среде и к абсолютно новым и незнакомым ситуациям, может под воздействием среды изменять свои территориальные претензии.

В частной жизни человек воспринимает свою территорию не так, как в условиях трудовой среды. Во время поездок в общественном транспорте, предельно переполненном, он подавляет свои территориальные претензии из чувства социальной неловкости. В общественных местах он ведет себя согласно унаследованным и исторически обусловленным культурным формам. Этот механизм иногда может не сработать, особенно при серьезной угрозе собственной индивидуальности или если у человека невротическое расположение духа. Тогда он может нарушить территориальные правила. Человек ведь не железный, но и не хамелеон, чтобы в каждой отдельной ситуации изменять поведение. Поэтому поведение человека, особенно в условиях большой концентрации людей в ограниченном пространстве, может и отклоняться от нормы общественного поведения, его действия могут оказаться выше предельно допустимого уровня агрессивности и т. д.

Везде и всюду в той среде, которую создал человек своим трудом, существуют человеческие территории, начиная с кровати, дома, стола в учреждении, парты в классе и кончая пространством, обнесенным на даче забором. Но даже если в основе человеческой территориальности лежат биологические механизмы, мы не можем пренебрегать комплексным исследованием влияния социальных отношений. Человеческая территориальность представляет собой биологическую основу сложных переплетений социального, культурного и исторического опыта развития человеческого общества. Человеческое территориальное поведение обнаруживается не только под микроскопом науки, но и путем простого наблюдения.

Посмотрите, какая идет «борьба» за сидячие места в автобусе дальнего следования, который, конечно, не отправится полупустым. Большинство пассажиров, особенно люди старшего возраста, покупают билеты заранее. Но даже эта предварительная заявка не прибавляет им уверенности в том, что место им гарантировано; они могут создать напряженную атмосферу на посадочной площадке, стремясь занять наиболее выгодные позиции и сказаться первыми у двери автобуса. При отсутствии плакатных билетов в автобусе разыгрываются символические «бои» за сидячие места. Человек — существо весьма изобре-

тательное, он придумал различные способы обеспечения символических границ своей территории даже там, где это на первый взгляд почти невозможно сделать.

Есть люди, которые и в переполненном пространстве ухитряются сохранить возле себя достаточно свободного пространства и упорно повторяют свои трюки, зная наперед, что место свободным не останется. Начинается этот спектакль с того, что на сиденье кладут, например, сумку или шляпу. Если количество пассажиров в салоне быстро увеличивается, они переходят к другим, более действенным трюкам, которые требуют даже физического напряжения, и наблюдающему со стороны может показаться, что защищающий указанную территорию вдруг вспомнил о несделанной утренней гимнастике. Долго раскладывают свои вещи на полу в таком порядке, что, кажется, они вот-вот рассыплются, показывают при этом «чужаку» заднюю часть своего корпуса — в результате пространство может быть временно сохранено. Если не помогает и эта тактика и становится очевидным, что свободное место вызывает подозрение у других, изобретательный пассажир решается на последний трюк. Он вынимает полиэтиленовый пакет и изображает, что ему так плохо, что в любой момент у него может начаться рвота. Иногда это помогает, и место рядом с ним остается свободным, а соответственно его территория будет больше, чем у других.

Зайдите утром в читальный зал библиотеки и наблюдайте, как читатели занимают места. Сначала занимают задние ряды и столы с краю. Когда уже нет ни одного свободного места, читатели садятся к занятым столам, но с противоположного конца, с тем чтобы, пока есть возможность, сохранить как можно большее расстояние для создания временной дистанции. Если стол или ряд столов рассчитаны на шесть стульев, а три из них заняты, то человек готов на разные пространственные маневры, только бы сохранить рядом с собой больше свободного пространства. На свободное место складывается учебный материал, и создается видимость, что здесь сидит очень старательный студент, который ненадолго отлучился.

Автомобиль для 95% его владельцев означает не только техническое средство, предназначенное для быстрого передвижения, но и как бы продолжение в

особой форме своего Я. Многие владельцы машины отождествляют себя с нею и малейшее прикосновение чужого человека к ее кузову воспринимают как покушение на неприкосновенность собственной персоны. Психолог Уильям Джеймс почти сто лет назад написал несколько строк об эмоциональном отождествлении человеком себя с автомобилем: люди способны обожать машину, почитать ее как идола или фетиш, они воспринимают ее не как промышленное изделие, а как материализацию своего экономического положения. Автомобиль ими воспринимается не как средство быстрого передвижения, а как подтверждение собственной значимости, определенного общественного положения. Этот факт я вспоминаю всегда в тех случаях, когда образованные мужчины ведут бесконечные дискуссии о достоинствах четырех колес, приводимых в движение двигателем и несущих на себе сооружение из жести.

С точки зрения территориального поведения автомобиль — это передвижная территория высшей категории, о чем свидетельствует готовность человека немедленно и даже агрессивно защищать ее. Автомобиль как «передвижная территория», особенно в большом городе, играет двоякую роль. Для хозяина он является малой сферой личного пространства, неким «ковром-самолетом», на котором можно покинуть те места, где количество людей напоминает густой суп. Такая возможность временна, но глобальное увлечение ею приводит к сильному загрязнению городской среды. Скопища автомобилей на перекрестках образуют пеструю цветовую мозаику передвижных территорий, увеличивая при этом процент содержания в воздухе выхлопных газов и усиливая шум. Человек любит говорить о себе как о существе очень разумном, но в данном случае он ведет себя слишком неразумно. Автомобиль является *экологическим монстром* в отношении городской окружающей среды, особенно если учитывать все обстоятельства, связанные с его содержанием.

Единственной возможностью для оздоровления окружающей среды в существующих условиях является создание в городах максимального количества *пешеходных зон*. У человека, имеющего две ноги для пешего передвижения, должны быть максимальные возможности пользоваться этой способностью. С антро-

пологической точки зрения человек второй половины XX в. в промышленно развитых странах есть не что иное, как *Homo sedentarius* — человек сидящий. Это непреложный факт. Причем все мы прекрасно знаем, что для нашего здоровья полезно как можно больше двигаться на собственных ногах, и постоянно читаем об этом. Здоровый образ жизни не заменяет самые эффективные лекарства. Итак, можно сделать вывод, что изобретение автомобиля и его массовое распространение способствовало особой мутации *Homo faber*, *Homo viator* в *Homo sedentarius* — существо, главным признаком которого является сидение, даже при передвижении.

О территориальном характере автомобиля свидетельствуют также коммуникационные отношения между владельцами машин и индивидами, которым общество поручило управлять этими передвижными пространствами, т. е. между водителями и дорожной милицией. Представим себе часто встречающуюся картину: водитель автомобиля по требованию работников ГАИ не только удостоверяет свою личность, но и подтверждает техническую надежность автомобиля. И горе тому, у кого найдут нарушения. С точки зрения территориальности ситуация ясна: владелец автомашины на своей личной территории только символически отделен от общей территории — от шоссе, где он должен выполнять соответствующие предписания. Некоторые водители в разговоре с представителями ГАИ высказывают свое мнение о соблюдении правил дорожного движения, на что в зависимости от характера заявления работники ГАИ могут реагировать отрицательно. Ситуация может быть решена мирным путем, если речь идет о незначительном нарушении.

В одном исследовании говорится, что работники дорожной службы порядка более строго и бескомпромиссно ведут себя в том случае, если водитель сидит в машине. Если водитель выходит из машины, он не только проявляет уважение к человеку в форме, но и вступает как бы на его территорию. При этом работнику в форме нет нужды наклоняться при разговоре, и с точки зрения защитника общественной территории он начинает автоматически воспринимать водителя как человека, который его уважает. В результате беседа между ними не обязательно должна закончиться наложением штрафа на водителя.

Каждому индивиду необходимо определенное пространство. У него должно быть достаточно возможности для передвижения в окружающей среде не только для того, чтобы утолять жажду, удовлетворять потребность в пище и другие биологические потребности, но и для того, чтобы работать, устанавливать межчеловеческие связи с другими людьми, обеспечивать сложные социально обусловленные потребности. Человек отличается потребностью ограничивать пространство вокруг себя. В трудных, критических ситуациях территориальное чувство человека изменяется в зависимости от давления среды, реального или кажущегося. Свидетельства людей, переживших ужасы нацистских концлагерей, показывают, что человек с твердыми моральными устоями способен переносить недостойное его и крайне ограниченное пространство. В таких ситуациях человек обнаруживает исключительную твердость этических убеждений, которая превышает биологически определенные территориальные параметры, возвышает его и придает ему силу.

Весьма показательным в этом отношении является опыт американских психологов Альтмана и Хейторна, которые в 1967 г. исследовали территориальное поведение людей с помощью добровольцев, которые согласились быть изолированными довольно длительное время. В эксперименте участвовали моряки, которые не знали друг друга. Они разделились парно и в маленьких помещениях провели 10 дней без контакта с внешним миром. В качестве контрольной группы были выбраны другие добровольцы, которые также находились в изолированных пространствах, но только в рабочее время, а остальное время проводили в нормальных условиях. В течение 10 дней у полностью изолированных групп наблюдались небывалое усиление территориального поведения и тенденции к социальной изолированности.

В начале эксперимента проявилось чувство территориальности только в отношении собственной постели, позже оно распространилось на их частную территорию, и стала соблюдаться территория другого индивида. Такое поведение вскоре распространилось и на стол, а затем и на стулья. Интересно отметить, что на характер взаимоотношений влияла и степень проявления территориального поведения. Если встречались два сильно ориентированных индивида или

два индивида, из которых ни один не был четко выраженным доминантным, признаки территориальности приобретали более выразительную форму и очень быстро проявлялись. Если же в паре был один доминантный моряк, а второй — со склонностью подчиняться, признаки территориальности не приобретали однозначной характеристики.

По условию эксперимента ограничивалась возможность удовлетворять биологическую и социально-психологическую потребности. Доминантное положение позволяло держать под контролем источник удовлетворения потребностей. Практически их можно было удовлетворить при условии, что определенные предметы будут всегда доступны. Территориальность, основана ли она на доминантности, взаимном согласии, агрессивности или административном авторитете, определяет, как и где индивиды будут удовлетворять свои потребности при имеющихся источниках. Целый ряд экологических решений, принимаемых при создании жизненной среды (например, утверждение плана построения детской игровой площадки), являются очень ответственными территориальными действиями, имеющими последствия не только для отдельного индивида, но и для более широкой социальной среды.

Территориальное поведение не ограничивается ситуацией изолированности или добровольного (недобровольного) подчинения. Территориальное поведение человека определяет, иногда очень выразительно, его положение в обществе, расшифровывает роль, выполняемую им в социальных структурах, в том числе в школе, в семье, на работе, в играх. В некоторых случаях именно социальная или служебная роль данного пространства определяет, кто его может использовать и контролировать. В комнату для медсестер в больнице имеет доступ врачебный и средний медицинский персонал, но не пациенты. «Вездесущая» надпись: «Посторонним вход воспрещен!» — всем хорошо известна.

Насильственное нарушение личной территории карается законом. В кабинет вышестоящего начальника мы не входим запросто; даже если нам это необходимо сделать, перед входом у нас появляется определенное ощущение дискомфорта. Даже такое заведение, как ресторан, в котором на первый взгляд каждый

чувствует себя равноправным, может быть территориально структурировано, и мы это заметим, если проведем там достаточно длительное время. В случаях торжественных и официальных приемов или обычных обедов действуют правила, определяющие не только использование пространства, но и последовательность подачи блюд, а также форму и содержание беседы. В настольных играх территория играющих четко определена правилами; это особенно относится к спортивным и коллективным играм, которые имеют свои правила строгого использования территории игрового пространства, о чем И. Хузинга, автор книги «Homo ludens», пишет, что это является одним из основополагающих принципов существования игр вообще. Дети заполняют пространство разными играми в зависимости от пола.

Ярким примером экологического территориального поведения человека является судьба территорий, которые на первый взгляд никому не принадлежат и о которых никто не заботится. Это — общественные пространства, предназначенные для всех и принадлежащие всем. Классическим примером таких пространств являются остановки автобусов на перекрестках дорог за городом и в районах с небольшим движением. Они обычно запущены, грязны, полуразрушены, выглядят так, будто никому до них нет дела. Создается впечатление, что здесь действует обратная территориальность; поскольку это сооружение принадлежит всем, каждый считает: раз это мне не принадлежит, я не стану даже пытаться поддерживать здесь какой-то порядок. Печальна судьба территории, принадлежащей всем и никому. Это же относится и к телефонам-автоматам, а точнее, будкам, в которых они находятся. Здесь также речь идет об общей территории, которой пользуются сменяющие друг друга люди, а ее хозяин — служба связи — находится слишком далеко, как заколдованная принцесса в сказке. В ярости, вызванной плохой работой телефона, люди могут мстить этой анонимной территории. Но больше всего телефоны привлекают молодых вандалов, уничтожающих и разрушающих их. Наказывать их здесь некому, и анонимность среды способствует проявлению асоциальных действий.

Итак, мы оказываемся в эпицентре экологического действия человека, которое всегда является ре-

зультирующей взаимодействия психологических и социальных мотивов. Каждый индивид, страдающий территориальной нечувствительностью и пренебрежительным, достойным осуждения отношением к основным законам естественного мира, своим действием, пусть даже в незначительной, как ему кажется, мере, разрушает природу и окружающую среду вообще. Автомобилист, сливающий масло на полевой дороге, вызывает экологическую катастрофу для ряда насекомых, о которых он даже не думает; то же самое происходит, когда автолюбитель моет свое движущееся пространство синтетическими моющими средствами у пруда. Мы могли бы продолжить перечень подобных действий до бесконечности. В их основе лежит патологическое восприятие человеком территориальности.

Личность испытывает чувство идентичности с местом, пространством и предметами, которые очень важны для нее. Их потеря, как и потеря жизненно важного пространства, например родины, приводит к развитию психопатологических реакций и серьезно угрожает душевному равновесию и здоровью. Такие потери могут привести и к потере ориентации во времени и пространстве, осознания самого себя, как это иногда происходит с потерявшими внезапно горячо любимого человека. В этом смысле чувство территориальности обеспечивает сохранение равновесия собственного Я, физической и духовной связи с окружающими, нормального восприятия всех важных жизненных ценностей. Это частично объясняет активизацию территориального поведения в условиях изоляции. Моряки в опытах Альтмана и Хейторна ограничивали свою территорию не только в интересах удовлетворения своих потребностей, но и для того, чтобы сохранить свою идентичность. Когда они были буквально вырваны из своей обычной среды, к которой привыкли, и изолированы в простом и стесненном пространстве, временное создание собственного пространства помогало им сохранить идентичность и чувство собственной индивидуальности.

Психология территориального поведения не исчерпывается только утверждением того, что человек является территориально ориентированным. Существует также качественная зависимость территориальности от личных черт человека. Использование пространства связано также с тем, насколько человек об-

ладает чувством взаимности, солидарности. Например, те индивиды, которые не отличаются большой потребностью во взаимности и сплоченности, чаще изолируются в пространстве и демонстрируют высокую степень территориальности поведения. Те, кто не придает особого значения своему доминированию при использовании пространства, тоже ведут себя более территориально. Видимо, это обусловлено тем, что стресс, связанный с изоляцией, сам по себе вызывает необходимость территориального структурирования пространства. Именно в такой ситуации более слабые индивиды стремятся создать «свое» пространство, место, куда можно уйти, собственный эмоционально гарантированный тыл.

Территориальное поведение человека иногда напоминает о происхождении человека из животного мира, настолько оно наполнено всевозможными символами. Свои территориальные границы люди устанавливают с помощью не только объектов предметной деятельности, но и символических границ, ритуализованно закрепленных в межчеловеческих нормах социального поведения. Такое территориальное поведение можно наблюдать в широком диапазоне различных ситуаций. Уже в раннем возрасте дети имеют свою территорию; в детских сражениях и спорах за место для игры можно видеть зародыш будущей территориальности. Если дети подвергаются стрессу и попадают в неприятные ситуации, они обычно скрываются в «своих» уголках, которые представляются им наиболее безопасными и надежными. Для самых маленьких это руки матери. У детей такая защищенная территория является конечной инстанцией, укрепляющей чувство идентичности и индивидуальности; это оазисы, пристани, где можно бросить якорь после бурного плаванья по волнам океана межчеловеческих отношений и произвести необходимый «ремонт» восприятия собственного Я.

«Свои» места есть не только у детей. Даже квартира разделена в смысле территориального использования пространства отдельными членами семьи. Нет необходимости приводить данные экспериментов и исследований поведения членов семьи, чтобы подтвердить это. Достаточно понаблюдать за поведением

своих домашних, чтобы заметить использование разных помещений как характерных пространственных структур. Некоторые из них являются временной территорией, например туалет. Можно наблюдать также разные иерархические системы в преимущественном использовании пространства — кресел, столов, банкетов, телевизора и т. д. Все эти пространственные опорные точки служат для того, чтобы четко ограничивать не только пространственные притязания, но и соответствующие права. Эти невидимые границы, которые прослеживаются в жилых и рабочих, личных и общественных, сельских и городских структурах окружающей среды, регулируют взаимоотношения между индивидами в качестве неписаного, но тем не менее существующего закона, гарантирующего человеку эффективное использование окружающего пространства.

Структуры социальных отношений иногда распространяются с помощью территориальных координат на действительные пространства. В общественных помещениях или в помещениях, где пространство не определено однозначно, часто действуют закономерности временной территориальности. Предварительной покупкой билетов мы временно обеспечиваем себе места в театре, в кино, на стадионе; во время отдыха на теплоходе, прежде чем пройти по палубе, мы обозначаем каким-нибудь предметом место, где мы сидели, — «свою» территорию. В связи с этим возникает вопрос: как люди защищают временную территорию и какими способами они ее изменяют? Это скрыто действующие отношения, нормы и кодексы того, что люди обычно называют «правилами хорошего тона». Свою временную территорию мы отмечаем:

- 1) личными предметами, которыми помечаем соответствующее пространство;

- 2) в случае наличия большого количества претендующих на эту территорию у нас появляется желание не покидать «свое» место;

- 3) активным поведением, беседой с соседом мы создаем какую-то гарантию, что сосед наше место сохранит, если мы временно куда-то отойдем.

Большое значение имеет в такой ситуации также время, в течение которого пространство остается незанятым. Из каждодневного опыта мы хорошо знаем,

что временная аргументация, выраженная туманными определениями «давно», «только что», «только на минутку» и тому подобными, имеет большое значение при случайном споре за использование места в общественном транспорте.

Человеческое территориальное поведение редко бывает неизменным, так как оно является, как правило, результатом взаимодействия претензий индивида и коллектива. Это может подтвердить каждый, кто каким-то способом претендовал на пространство. Человеческая территориальность также не является постоянной величиной, она подвергается изменениям, и этим человек отличается от животных, территориальное поведение которых часто ограничено точными границами, так что в случае большого интереса к его территории со стороны других особей ему приходится бороться за свою территорию.

Возможности современного человека в овладении пространством превышают физические границы последнего. Это связано с новыми средствами коммуникации, возникшими в результате быстрого развития техники, что способствует неограниченному территориальному проникновению. Например, телевидение как электронный посредник определяет пространственное и временное территориальное поведение разных людей на большом расстоянии. Места, на которые распространяется «территориальное» поведение человека, за исключением его личной территории, не имеют постоянных границ и «владельцев». Общественные пространства, например парки или пляжи, предназначены для всех, и в то же время расчленение их территории начинается с появления первого посетителя.

В заключение я хочу подчеркнуть, что анализ среды в психолого-экологическом плане требует во многих случаях учета социального и культурно-исторического аспектов. Это не эстетическая, а эколого-психологическая интерпретация, в которой физические свойства среды наряду с психологическим и персональным использованием пространства образуют точки пересечения в экологическом поведении. Эти точки пересечения, с одной стороны, определяют поведение того, кто использует пространство, а с другой— он сам может своим экологическим решением изменять территориальную структуру в положительном

или отрицательном отношении. Территориальное поведение проявляется как поведение отдельного индивида, так и во взаимодействии с другими, а иногда и в массовом поведении людей. И на таком, казалось бы, ни к чему не обязывающем и бедном на импульсы общественном пространстве, как автобусная остановка, обнаруживается действие невидимых «территориальных» императивов. На остановках люди

- 1) автоматически размещаются так, чтобы сохранить достаточную личную дистанцию от незнакомых;

- 2) более склонны ожидать у столбов;

- 3) избегают находиться на линии движения ожидаемого транспортного средства;

- 4) отдают предпочтение местам с хорошим обзором.

Это банальный пример, но он свидетельствует о том, что функцией территориального поведения является пространственное размещение представителей одного и того же вида. Территориальное поведение в основном направлено на снижение конфликтности в межчеловеческих отношениях. Для него характерна *четкая взаимосвязь людей, а также необратимые последствия их деятельности в среде в положительном или отрицательном отношении*. Окружающая среда является пространством, где происходят все мыслимые территориальные взаимодействия. Сам факт перенасыщения пространства разными представителями вида *Homo sapiens* вызывает территориальные проблемы и проблемы создания и защиты окружающей среды.

Конечно, переносить автоматически примеры территориального поведения животных на человеческое общество было бы неправильно. Взаимные отношения между людьми регулируют не только территориальные требования, но и целый ряд культурно-исторических процессов, которые в животном мире отсутствуют. Проблема может быть представлена следующим образом: по мере продвижения живых существ по ступенькам эволюционной лестницы (от простейших форм — к высокоорганизованным) территориальность их становилась более сложной. Использование принципа территориальности весьма важно для принятия экологического решения. Упростив некоторые момен-

ты, можно было бы объяснить человеческое общество и его историю *sub species territorialis* (с точки зрения территориальности), но такое объяснение привело бы только к увеличению количества проблем и неясностей, а не к удовлетворительному ответу. Ограниченность аналогии людей с животными можно представить следующим образом:

1. Люди живут в сложно структурированной окружающей среде, как в селе, так и в городе. Ситуацию, при которой человек мог бы деградировать, т. е. «вернуться» к уровню территориальности животного, когда он или боролся, или убегал, можно представить только в экстремальных случаях и скорее всего в условиях перенасыщенного пространства, в которых индивид, подвергаемый сильным стрессам, вынужден был бы перейти к очень примитивным формам поведения. Это был бы возврат от культурных форм существования к животному уровню.

2. Животные в отличие от человека не имеют столь разнообразного выбора среды. Их поведение, каким бы «разумным» оно ни было, только в минимальной степени изменяет структуру окружающей среды. Человек в отличие от животных имеет возможность свободно принимать решения.

3. Какой бы сложной ни была иерархическая структура некоторых сообществ животных, она тем не менее проще, чем в человеческом обществе. У стадных видов животных на первый план выступает территориальность не только как требование пространства, обеспечивающего оптимальное распределение особей одного и того же вида на соответствующей территории, и как скрытая мудрость природы в распределении количества особей с точки зрения обеспечения их источниками питания, но и как генетически закодированная сила, которая определяет правила поведения определенного вида, закрепляющие иерархическую структуру. Человеческое общество намного сложнее, оно не статично и имеет больше возможностей для территориальной адаптации.

Архетипом человеческого территориального чувства является стена. Она ограничивает, отделяет, изолирует и в то же время соединяет. Люди в большинстве случаев представляют «свою территорию», свое пространство как ограниченное стенами, заборами и другими территориальными знаками, которые челове-

ческая цивилизация довела до совершенства. С философской точки зрения необходимо подчеркнуть единство противоречий в понимании территориальности, которое символизирует стена. Это значит, что у детей, а также у взрослых необходимо воспитывать чувство ответственности за то, что происходит по обе стороны стены. Ухаживать не только за своим садом, но и за тем, что рядом с ним. Мы уже говорили о том, что человек не только «ухаживает» за своей территорией, но и соблюдает законы другой территории. Иногда кажется, что разрушение и опустошение окружающей среды берут свое начало не в недружелюбных, разрушительных намерениях, а в обычном отсутствии интереса к тому, что находится вне нашей территории, в игнорировании чужой территории. Пассивность и отсутствие интереса к окружающей среде мы должны постепенно изживать из нашего экологического сознания (пока оно у нас еще есть), а у детей — развивать сознание взаимосвязи всего со всем в окружающей среде. Нужно довести до их сознания, что нашим домом и первейшим интересом является не ограниченная личная территория, а вся окружающая среда, вся Земля.

3. Проблема «перенаселения»

Толпы, переполненные улицы, потоки спешащих людей — это типичная картина современного крупного города. В XX в. в промышленно развитых странах произошел резкий демографический сдвиг, миграция из села в город. Но теперь каждый выходной день мы являемся свидетелями обратного движения — выезда за город. В выходной день город выбрасывает десятки тысяч жителей, которые освобождаются от урбанизированной анонимности, отдыхают от пространственных и временных координат перенаселенной окружающей среды и ненадолго, часто символически возвращаются на природу.

Тема данной книги не позволяет более глубоко анализировать причины концентрации жителей в городах и крупных городских агломерациях. Этот процесс, набирающий сейчас обороты, обусловлен рядом исторических, социальных и в первую очередь экономических факторов. Ответ на, казалось бы, простой вопрос — что привлекает людей в большие горо-

да? — является весьма сложным. Он может быть разным в зависимости от того, каким его параметрам мы придаем первостепенное значение: в городах имеется больше возможностей для удовлетворения вторичных потребностей (культура, спорт и т. д.), другие условия труда, чем на селе.

В условиях социалистического общества, к примеру в СССР, разница между городом и селом почти исчезла, к тому же с экономической и медицинской точек зрения жизнь в селе более благоприятна для человека. Город и городские агломерации не являются естественной средой человека, первоначально составлявшего единое целое с природой. Но города появлялись закономерно в ходе развития человеческого общества. Это было вызвано разделением труда, развитием культуры, необходимостью объединения, создания организованной общности индивидов для общей пользы, поскольку человек не мог все свои потребности обеспечить сам; люди по своему складу не Робинзоны и не ищут одиночества в прямом смысле этого слова. Города в Древней Греции — полисы, поселения, которые на заре истории являли собой прообразы городов в современном смысле слова, — были в структурном и социальном отношении совсем иными, чем города нынешние со всеми их плюсами и минусами. Даже средневековый город не соответствует представлению о современном городе. Еще в XIX в., до появления мощной техники, города существенно отличались от современных, в чем мы можем убедиться, просматривая старые пожелтевшие открытки или гравюры.

Как бы то ни было, в настоящее время одной из конкретных экологических проблем больших городов является то, что жители их страдают не только от загрязнения окружающей среды отходами физического и химического характера, но и от «перенаселения». Мы имеем в виду экологические последствия, проявляющиеся в отношениях между людьми в специфической урбанистической структуре больших городов.

«Перенаселение» вызывает одинаковые реакции индивидов, которые находятся в таких пространственных структурах длительное время. Однако необходимо подчеркнуть, что реакция людей в переполненном пространстве различается в зависимости от типа среды, целей, времени и добровольности пребывания в

ней. Например, если мы идем на стадион, чтобы посмотреть футбольный матч, то знаем, что он будет длиться два часа. Точно так же мы миримся с теснотой в танцевальном зале клуба. Хуже обстоит дело с поездкой в переполненном городском транспорте или с движением по многолюдным улицам. Печально известное явление беснующихся болельщиков нельзя объяснить только «перенаселением», в условиях которого возрастает уровень агрессивности, или анонимностью среды, когда несложно выбрать беззащитную жертву, на которую и будут направлены агрессивные действия. В качестве пускового механизма здесь достаточно цветового различия или иных атрибутов противоположного клуба или группы. Анонимность гарантирует определенную безнаказанность, которая может привести к крайне агрессивным выходкам болельщиков.

«Перенаселение» можно представить и как ситуацию, в которой невозможно успешно осуществлять соответствующую активную деятельность, например плавать в переполненном бассейне. «Перенаселение» очень отдаленно связано с проблемой поведения толпы, в которой личность как бы поглощается массой однообразно действующих индивидов, теряет свою индивидуальность и не может действовать самостоятельно, а только так, как вся толпа, которая в этом случае за нее решает все.

Важно понимать, что психологические и социальные свойства среды изменяются в зависимости от степени «насыщения пространства» индивидами. У людей, которые «перенаселили» определенное пространство, может появиться чувство анонимности, своей незначительности, апатии, может исчезнуть интерес и наступить безразличие ко всему. Аналогии поведения животных и действий людей весьма относительны, а чаще всего неправомерны, тем не менее некоторые исследования о переполненности ограниченного пространства особями одного и того же вида представляют интерес. Мы имеем в виду не стихийное нашествие комаров, а ситуацию избыточности простейших млекопитающих. Поэтому, прежде чем приступить к анализу психологических последствий перенаселенного пространства, мы ознакомимся с интересным экспериментом, показывающим воздействие «перенаселенной среды» на примере крыс.

Пример избытка крыс. Американский исследователь Джон Кэлхоун длительное время работал в Национальном институте психиатрии в Вашингтоне. Занимался он также проблемой контроля популяции крыс и поставил интересный вопрос: что произойдет, если в ограниченном пространстве создать условия, которые будут напоминать «перенаселенную» городскую среду? Он провел следующий эксперимент.

Среда обитания крыс представляла собой клетку, разгороженную на четыре части, соединенные между собой проходами. Две боковые части — по краям — имели только один проход, выполнявший роль входа и выхода. Две центральные части были соединены двумя проходами. Отгороженные части с одним проходом были заняты наиболее крупными самцами. Центральные же, с двумя проходами, были выделены для «свободных социальных действий».

В каждой части было достаточно пищи и строительного материала для гнезда. В них могли удобно расположиться двенадцать взрослых крыс, что является обычным для крысиной популяции. Как только количество крыс увеличилось вследствие кратких циклов размножения, «справедливое» разделение пространства перестало существовать. Наступила ситуация, которую Кэлхоун назвал «упадком нравов у крыс».

В начале эксперимента можно было наблюдать нормальные сражения за лидерство, в результате которых победили два самых сильных самца, захватившие крайние загородки. Поскольку в них был только один проход, то самцу достаточно было устроить свое гнездо у входа, чтобы он получил самую выгодную позицию для контроля своей территории. На ней шла спокойная жизнь гаремов самых сильных самцов. Остальные самцы на гаремы претендовать не могли. Самые сильные, доминирующие самцы не слишком жестко контролировали свою территорию. Они не изгоняли конкурентов, а просто препятствовали их входу, у которого они проводили все свое время. Если здесь появлялся другой самец, «страж» мгновенно реагировал и допускал на свою территорию только тех самцов, которые демонстрировали свою абсолютную подчиненность. Самцы «второго сорта» могли даже спать на территории вожака.

Они не предпринимали никаких попыток сближения с самками и уж ни в коем случае не позволяли себе копуляции с ними. В крайних загородках царил порядок, в то время как в центральных — был полный беспорядок и даже хаос.

Популяция крыс увеличивалась, и концентрация их в центральных загородках росла. Здесь тоже образовалась группа доминирующих самцов, но поскольку они не могли контролировать территорию, то сражения за нее и за доминирование происходили ежедневно, а система подчинения слишком часто менялась в зависимости от поражений и побед. Самцы были сексуально активны, но казалось, что они не различают самок по возможности оплодотворения, не отличают взрослых от молодых. Наряду с упомянутыми, доминирующими самцами существовала также группа «аутсайдеров», полностью подчиненных, которые передвигались в пространстве от одного сообщества к другому, как лунатики, игнорируя остальных членов, их также все игнорировали. Это были самые упитанные, наименее подвижные самцы, не принимавшие участия в боях.

С дальнейшим увеличением популяции образовалась совершенно неожиданная группа крыс. Это были подчиненные особи, но очень активные. Кэлхоун назвал их «уголовниками». Они передвигались организованными стаями, шайками. Сталкиваясь с доминировавшим самцом, они никогда не сражались, но и не показывали страха. Можно сказать, что это были наиболее активные члены всей колонии. Они были гиперсексуальными, занимались «гомосексуализмом», часто были и каннибалами. Удивление вызвала их склонность к «изнасилованию» самок. Как и у любого вида животных, у крыс есть свой ритуал сватовства, состоящий из целого ряда сигналов, предшествующих копуляции. Самец преследует самку до норы и ждет, когда она появится и примет его предложение. Он никогда не проникнет самовольно в пору самки. А «уголовники» вообще не обременяли себя сватовством, они преследовали самку, бросались за ней в нору, во время копуляции топтали и убивали находившихся здесь детенышей. После выполнения акта они спокойно взирали на мертвый выводок, а то и поедали его.

Хаос в центральных загородках вызвал разложе-

ние среди самок. Разрушались норы, а к концу эксперимента их уже ни одна самка не строила. Выводки были заброшены или попросту съедены. В то время как смертность детенышей в охраняемой территории составляла около 50 %, в центральных загородках она достигла 96 %. Половина самок погибла вследствие сексуальных нападений самцов.

Описанный эксперимент вызвал широкую дискуссию. В нем наблюдалось еще одно интересное явление. Казалось, что крысам «нравятся» условия «перенаселения», «упадок морали» и т. д. Ведь и самок, которые были под охраной доминантных самцов, нередко «привлекали» центральные загородки. В момент сексуального возбуждения они стремились искать приключения в центральных загородках, где они передвигались свободно, без присмотра хозяина своего гарема. Как только самки покидали границы охраняемой территории и оказывались в центральных загородках, они начинали вести себя так же, как и их обитатели, привыкшие к хаотическим отношениям. Доминантные самцы никогда не покидали своих «сторожевых» постов, поэтому самки-беглецы могли свободно передвигаться в центральных загородках. Только 3 % самок гаремов не покинули охраняемых территорий.

Человек как существо творческое относится активно к окружающему пространству, при этом он может довольно легко приспособиться и к весьма стесненным условиям. Его способность приспособляться к перенасыщенной среде намного превышает аналогичные возможности животных. Бывает даже, что человек воспринимает «перенаселенность» спокойно, а у того, кто не переносит «перенаселенного» пространства, есть целый ряд «маневров», которые позволяют ему даже в неблагоприятных условиях сохранять свою индивидуальность: он может отвести глаза, прикрыть их, глубоко дышать, фантазировать, думать о чем-то своем.

Следует отметить, что негативная реакция людей на перенасыщенность пространства возникает не столько из-за тесных контактов индивидов, сколько из-за чувства психологической стесненности, в частности во время трудовой деятельности. Ввиду этого

важно наличие потенциальной возможности, хотя бы минимальной, для выполнения трудовой деятельности в «перенаселенном» пространстве.

Понятие «перенаселенность» является относительным. Бывает, что даже присутствие второго человека воспринимается как нежелательное, особенно если речь идет о работе, требующей абсолютной тишины и полной концентрации внимания. «Перенаселенность», с одной стороны, является психологическим состоянием, а с другой — объективным социальным явлением. Она возникла как результат современного стиля жизни, когда количество индивидов, находящихся в данном пространстве, превышает его оптимальные размеры. Поэтому очень важно поставить вопрос о том, как пространство организовано, для каких целей, какие действия в нем могут быть осуществлены, а какие нет.

Многое зависит также от индивидуальной оценки переполненного пространства. Некоторые люди с удовольствием наблюдают перенасыщенное пространство крупного города, воспринимая его как нечто возбуждающее, заполняя часто таким образом свою собственную духовную пустоту, а также используя его как защиту от одиночества. Наблюдение за движением человеческого «муравейника» может быть иногда и интересным, особенно если для этого найти спокойный наблюдательный пункт, например лавочку на бульваре, столик в кафе на главной улице.

Весьма любопытна ситуация «перенаселенного пространства». Например, появление в переполненной комнате, где к тому же очень жарко, нового гостя встречают без особой радости. Когда же в комнате или зале температура нормальная, этого могут не заметить. Мужчины в переполненном пространстве проявляли признаки агрессивности (от мимики до словесных выражений), в то время как женщины вели себя вполне спокойно. Иногда казалось, что женщины такие условия даже устраивают, во всяком случае они им не мешают.

В условиях «перенаселенности» нельзя забывать и о физических неудобствах, которые могут перейти приемлемые границы. Классическим примером может быть транспорт в часы пик и переполненные магазины при продаже дефицитного товара. И хотя каждый понимает неизбежность такой «перенаселен-

ности» в эти моменты, тем не менее он не может избавиться от чувства дискомфорта. Способность к адаптации в какой-то мере нейтрализует отрицательное действие такого пространства, однако полностью чувство дискомфорта не исчезает. Известно, что человек во многих случаях проявляет себя как существо упрямое. Наглядно это можно наблюдать в метро: пассажиры упорно заполняют те вагоны, выход из которых сокращает им путь к эскалатору. Скорее всего это объясняется желанием как можно быстрее выйти на поверхность. Единственное, что можно с уверенностью сказать, так это то, что люди при необходимости мирятся с присутствием рядом с собой достаточно большого числа других индивидов.

Из указанного примера следует, что «перенасыщенность» как психологическое явление имеет косвенное отношение к количеству индивидов в данном пространстве или к большой плотности людей в ограниченном пространстве. Важным является тот факт, что иногда наличие массы индивидов воспринимается отдельным человеком негативно и в некоторых случаях может привести к потере чувства идентичности, к полному обезличению. И тут человека как будто подменяют, в один момент люди превращаются для него в неудобные объекты, на которые можно направить агрессивные действия, даже если это связано с нарушением общественных норм.

Но может возникнуть и прямо противоположная ситуация, когда перенасыщенность пространства воспринимается как естественное состояние. На переполненном стадионе человек может расстроиться из-за плохой игры футболистов, а не из-за «перенасыщенности». Здесь плотная толпа оказывает совершенно иное воздействие на человека; у него растет чувство взволнованности, имеющей всеобщий характер, и шум трибун воспринимается как часть игры.

Характер человеческой реакции на переполненное пространство обусловлен психологическим типом индивида, а также его потребностями в данный момент. К примеру, ребенок под воздействием чрезмерного количества импульсов ищет защиту на руках матери. Но есть и такие индивиды, которые буквально ищут «передополненные» пространства для удовлетворения своих эмоциональных и социальных потребностей. В этих случаях можно говорить о «про-

дуктивной плотности», которая позволяет индивиду выбрать необходимую форму деятельности. Решающим моментом в определении степени «перенаселенности» является осознание человеком целей своей деятельности в данный момент. В следующее мгновение «продуктивная плотность» может вызвать чувство труднопереносимой толпы анонимных существ.

Итак, психологию «перенаселенного пространства» можно понимать как состояние человека, возникшее вследствие большой плотности индивидов на ограниченном пространстве (что является точкой зрения демографо-статистической), или как состояние, при котором можно успешно осуществлять все меньше и меньше действий (это точка зрения чисто психологическая). Поведение человека в данной ситуации зависит не только от количества, но и от качества информации, которую ему дает среда. Большая плотность среды заставляет человека принимать конкретное решение, на основе которого он затем действует. Тот факт, что пространства, переполненные людьми, ослабляют до предела возможность получения информации, доказан не только психологическими опытами. Если количество людей в данном пространстве превышает оптимальный уровень, а в критические моменты — вообще допустимый, мы почти перестаем воспринимать саму среду: наше восприятие будет сосредоточено только на большом количестве людей, а не на среде. Поэтому мы чаще всего и стремимся уйти из такой среды.

С ситуациями временной перенаселенности житель большого города сталкивается почти ежедневно и многократно. Там, где мы не можем в полной мере использовать пространство для получения информации и действия, мы предпринимаем компенсационные действия, которые сводят до минимума возникшие нежелательные близкие контакты: блокируем свое пространство локтями, поворачиваемся спиной и т. д., в результате чего создаем хотя бы условный барьер между собой и остальными людьми. Однако такие действия ведут к снижению уровня культуры общения. Упомянутый нами психолог Стэнли Мильгрэм считает, что они являются составной частью общезвестного синдрома поведения в переполненных вагонах метро, автобусах, трамваях в больших городах. Проблема заключается не в том,

что индивид не мог бы адаптироваться в таком стесненном пространстве, а в том, что такая адаптация осуществляется слишком дорогой ценой.

Апатия наблюдающих. В связи с проблемой перенасыщенности пространства людьми наблюдалось интересное явление, которое может быть только в больших городах, притом в их густонаселенных частях, и то не всегда. Это явление — «патия наблюдающих». Я хотел бы подчеркнуть, что «патия наблюдающих» не является обязательной чертой человеческого поведения, ибо есть и такие индивиды, которые окажут вам помощь даже в условиях «перенаселенного» пространства. Но в то же время можно наблюдать ситуацию, когда люди спокойно смотрят на человека, попавшего в какое-либо трудное положение, не проявляют никакого желания помочь ему. При этом такую картину можно наблюдать не только на остановке автобуса, где, к примеру, у старушки высыпались из сумки яблоки, но и в случае транспортных аварий в городе.

Американские психологи Р. Лейтани и Д. Даркли провели групповой эксперимент, участники которого имитировали различные ситуации, в том числе и такую жестокую, как приступ эпилепсии. В группе был один «мягкосердечный», а остальные должны были играть роль апатичных. Оказалось, что если члены группы не проявляют интереса к случившемуся с одним из их числа, то и случайные зрители ведут себя так же. У человека чувство альтруизма довольно развито, и он всегда окажет нуждающемуся помощь, если это происходит рядом с ним и свидетель он один. Но при определенном количестве безразлично взирающих на происходящее свидетелей общая апатия и безучастность растут.

С одной стороны, это вызвано социальными причинами, а с другой — ослаблением чувства ответственности. Когда значительное количество индивидов видит нерешительность или явную безучастность остальных, возникает особое групповое явление — *групповое игнорирование*. В ситуациях, когда нужно помочь человеку, присутствие других людей прямо не обязывает каждого из них совершить самый простой гуманный поступок — помочь человеку; ответ-

ственность как бы распылена среди всех наблюдающих.

Большой город дает массу примеров «апатии наблюдающих», притом чаще всего в условиях переполненного пространства. В селе такое явление практически не встречается, там помогут, притом с большим желанием, совершенно незнакомые люди. Конечно, нельзя распространять явление «апатии наблюдающих» на всех жителей крупных городов, ведь часто и там помогут человеку, особенно если он обратится с просьбой о помощи к конкретному лицу.

4. Экологическая психология личного пространства

На первый взгляд может показаться, что личное пространство человека не может иметь экологических проблем. Ведь психология личного пространства прямо противоположна психологии общественных пространств, используемых всеми и иногда переполненных. Но в действительности это не так. Личное пространство как биологическая и психологическая потребность лежит в основе экологического действия индивида и его конкретных экологических позиций.

Это что же, экология в миниатюре? В определенной степени это так, ибо организация личного пространства человека отражается на его индивидуальном отношении к окружающему пространству вообще. Здесь связь прямая, а результаты могут быть противоположными. Чистюля в своей квартире, не терпящий пылинки на личных вещах дома, может быть вандалом по отношению к природе. Это противоречие имеет следующую причину: человек может настолько высоко оценивать собственную территорию, что для оценки общественной территории, ее охраны его уже не хватает. По причине обычного эгоизма.

Определение границ личного пространства — не такая уж простая задача, как кажется на первый взгляд. На вопрос о том, что люди считают личным пространством, мы получали часто весьма противоречивые ответы. Нередко о личном пространстве говорить не хотят, не желают его раскрывать. Но личное пространство не означает изоляции, ибо в изоляции человек не может действовать. В одном поме-

шении может быть несколько человек, но чувства личного пространства у них может и не быть. Но и полная изоляция индивида не вызывает чувства личного пространства, а скорее он ощущает себя изгоем. Вспомним эксперимент Альтмана с моряками, ведь их положение не порождало у них ощущения личного пространства; они были изолированными разве что в своих представлениях. И адмирал Бирд, который провел полярную ночь один на базе в Антарктиде, тем не менее не чувствовал себя ни изолированным, ни обладающим личным пространством.

Личное пространство человек строит в соответствии со своими представлениями о самой близкой для него жизненной среде. Но личное пространство людей соприкасается с окружающим пространством, оно не изолировано, а своеобразным образом связано с окружающей средой. Личная жизнь человека не есть нечто пассивное, это — действия, которые способствуют структурированию пространства, находящегося под его личным контролем и обеспечивающего ему определенную степень личного уединения хотя бы в рамках семьи.

Самым малым личным пространством можно считать постель. Рассказ о постели мог бы быть не менее интересным с точки зрения психологии, чем рассказ о стуле. В постели мы не только отдыхаем. Совсем недавно она была и местом рождения, а также смерти; в постели мечтаем и видим сны. В постель ложимся, когда бодем, т. е. тогда, когда не можем активно участвовать во взаимодействии с жизненной средой. В узком смысле слова личное пространство является физическим барьером против давления внешнего мира. В настоящее время личное пространство связано с внешним миром рядом средств связи — телефоном, радио, телевизором. В малом, личном пространстве мы принимаем также представителей других личных пространств, но притом проводим их строгий отбор.

С точки зрения психологии личное пространство можно определить как пространство, которое гарантирует индивиду право принимать решение о том, какую информацию о себе он будет передавать и при каких условиях. Существуют два параметра личного пространства — свобода от нежелательного появления чужого и свобода принятия решения о вре-

мени и месте персональных отношений. Поэтому личное пространство включает такие импульсы, которые мы считаем самыми приемлемыми для себя. Не будем говорить здесь об устройстве квартиры, дачи, дома и т. д. Оптимальной является та ситуация, когда в организацию личного пространства мы можем внести свои представления, хотя и подчиняем их возможностям данного пространства.

Личное пространство позволяет устанавливать динамическое равновесие входа и выхода информации, основанной на действии человека в пространстве. К тому же оно очень переменчиво, и его можно представить только в соотношении с другими людьми. Личное пространство может быть и оазисом спокойствия, и «полем битвы» супружеской пары или столкновения между поколениями.

Личное пространство часто становится жизненной потребностью, когда человек хочет побыть один или избавиться от среды, переполненной другими индивидами и большим количеством визуальных, акустических и других импульсов. Такая потребность особенно остра в больших городах. В перенасыщенных пространственных структурах человек рано или поздно теряет свою автономию, становится как бы безликим. «Земля всех» в один прекрасный момент превращается в «землю ничейную».

Взаимные социальные отношения, осуществляющиеся в окружающем пространстве, как правило, бывают более содержательными и глубокими, когда они находятся в полном равновесии между сферой личной и общественной деятельности. Если у человека есть чувство идентичности, образованию которого способствует личное пространство, то он выполняет более значительную роль в обществе, более ответственно относится к экологическим проблемам. При этом организация личного пространства накладывает отпечаток и на экологическую деятельность человека.

Окружающее пространство как целое с точки зрения и юридической, и философской есть самое ценное достояние социалистического общества. Воспитание адекватного отношения к этому достоянию начинается с колыбели, поэтому в следующей главе мы рассмотрим проблемы психологии жизненной среды в связи с развитием человека.

IV. Жизненная среда и дети

Человек с момента своего рождения пребывает в определенной жизненной среде и находится с ней в постоянном взаимодействии. Но чтобы до конца быть точным и последовательным, следует указать, что индивидуальное существование индивида начинается с момента его зачатия, поэтому первичной окружающей средой человека можно считать лono матери. Оно позволяет успешно развиваться человеческому зародышу: не только обеспечивает приток питательных веществ и крови, но и является первым организованным пространством, в координатах которого реализуется неповторимая генетическая программа человеческой индивидуальности.

Скажите, что говорить о «психологии внутриутробного существования» несерьезно, но некоторые исследователи доказывают, что человеческий плод реагирует не только на внутренние физиологические изменения, но и на импульсы внешнего мира. Реагирует он и на музыку. Симфония Бетховена слышна в лоне матери так же, как за тонкой стеной панельного дома. В связи с этим возникла идея о том, что будущим матерям в последнюю фазу беременности полезно слушать музыку успокаивающей тональности.

Некоторые психологи утверждают даже, что и взрослый человек в поисках спокойствия и безопасности ищет такое положение, которое как бы напоминало ему о материнском лоне; символически он реализует это, ложась спать: ограничивает до минимума воздействие внешних импульсов, предпочитает темноту и тепло, в постели принимает самую удобную позу (и многие действительно принимают позу плода), сгибает ноги, а подушку устраивает так, чтобы почувствовать себя как бы в объятиях Морфея.

В развитии индивида наряду с наследственностью и воспитанием принципиальную роль играет *среда*. Под влиянием среды мы открываем для себя самые различные силы, оказывающие решающее влияние

на развитие человеческой индивидуальности. Говорят о *семейной* среде (имея в виду не только физическую и жилищную организацию пространства, но также отношения между людьми, среди которых растет ребенок), о *школьной* среде (от яслей и садика до окончания средней школы и дальше), об *эмоциональной* среде (об эмоциональной атмосфере, в которой развивается ребенок) и, наконец, об *окружающей среде в широком понимании*, в которой находится ребенок и в которой он становится взрослым.

Не следует недооценивать влияния других факторов развития и формирования взрослого индивида, т. е. врожденных данных и систематического воспитания. Сконцентрируем свое внимание только на нескольких проблемах, которые связаны с ролью среды в онтогенезе человеческого индивида. Нельзя при этом забывать, что указанные основные генетические факторы, а также воздействие воспитания и среды представляет собой соединенные сосуды. Всякая, даже достаточно четко продуманная система воспитания, опирающаяся на проверенный опыт, традиции и вновь приобретенные знания, строится на использовании врожденных данных и осуществляется в конкретной среде. Она включает ряд параметров: природные, культурные, социальные.

Начинается воспитание с дома, квартиры, которые строго ограничены в физическом и территориальном отношениях и в которых находятся родители со своими эмоциями, различным уровнем образования, различным подходом к воспитанию. Ребенок, находящийся под воздействием целого ряда импульсов физической и социальной среды, постепенно впитывает импульсы, исходящие не только от родителей (включающие похвалы, награды, запреты, наказания), но и от разных институтов воспитания и обучения, в том числе яслей, садика, начальной и средней школы и других ступеней системы образования. Нельзя также забывать о влиянии сверстников, с которыми ребенок проводит время в играх. Затем наступает черед воздействия более широкой окружающей среды — воздействия культурного, этнического, идеологического, идущего непрерывным потоком через средства массовой информации, среди которых ведущее место занимает телевидение. Культурная и историческая среда весьма своеобразным способом вписыва-

ется в среду географическую, накладывает свой отпечаток на пейзаж и на окружающую среду в целом.

Б. Краус в статье «Ребенок и его среда» (журнал «Дети а ми», 1983, № 4) показывает важное место семейной среды в развитии ребенка. В это понятие наряду с эмоциональной персональной средой, которая представляет собой нечто большее, чем то, что создают для ребенка взрослые, он включает четыре основные сферы: *социально-культурную* среду (образовательный уровень родителей и их участие в функционировании надстройки), *техничко-гигиеническую* среду (она отдаленно связана с физическими параметрами среды, сформированными человеком), *социально-экономическую* и *демографическую* среду, которые имеют такие параметры, как демографическая структура семьи, имущественные отношения, занятость родителей на работе и т. д. Он подчеркивает, что семейная среда в целом постоянно изменяется в зависимости от развития общества, показывает, что парная семья в отличие от больших «открытых семей» становится более закрытым общественным звеном. При этом резко падает значение родственных связей, растут требования к эмоциональной среде вообще. Он указывает на сокращение масштаба «собственной окружающей среды» ребенка, у которого из-за всеобщего недостатка пространства, особенно в крупных городах и новых микрорайонах, нет необходимых пространственных возможностей для осуществления естественной активности, в процессе которой он учится овладевать пространством.

Следующей важной для ребенка средой, по мнению указанного автора, является среда *воспитательных и школьных учреждений*. Он считает, что эти учреждения характеризуются большой стереотипностью, весьма сходны друг с другом как в организации действия, так и в физической композиции, проявляющейся в недостаточном освещении, звукоизоляции, уровне гигиены, обеспечении мебелью. И наконец, детально рассматривает *локальную* среду — это малое географическое целое, где ребенок растет: микрорайон, поселок. Это и есть то окружающее пространство, в котором ребенок проводит большую часть времени.

Б. Краус противопоставляет городскую среду сельской и показывает положительные и отрицатель-

ные стороны той и другой для здорового развития будущего взрослого индивида. Он допускает наличие различий между детьми, выросшими в городе и в селе, притом даже внутри одной и той же локальной культурной сферы при относительно идентичных социальных условиях. Дети в данном случае значительно отличаются друг от друга: у сельских детей словарный запас беднее, но с возрастом такое различие исчезает; зато у них есть огромные возможности использовать чрезвычайно изменчивую окружающую среду для игровой активности, в то время как дети городские страдают от недостатка пространства для разрядки естественной активности. Б. Краус правильно подчеркивает, что в новых микрорайонах дети «обнаруживают все уже организованным и приспособленным для функциональных нужд взрослых». У детей нет возможности самим приспособлять пространство для разных игр, в которых они могли бы самореализовываться, находить себя и готовиться к решению задач, стоящих перед взрослыми.

Различия между окружающей средой села и центра крупного города очевидны. Мы, взрослые, видим их и сознаем в полной мере. Но дети этого не понимают. Они вырастают в той среде, где родились, она их формирует в процессе физического созревания, развития познавательной, мыслительной деятельности, эмоционального созревания и формирования характера. Всем известна зависимость детской доступности от среды, в которой растут дети. Все эти вопросы имеют комплексный характер, на них должны давать ответы разные специалисты.

Художественная литература прекрасно изображает влияние среды на развитие ребенка как личности. Сравните, например, жизнь Гека Финна и Тома Сойера в сельской местности с тяжелой судьбой Оливера Твиста в Лондоне, где он очень рано связывается с бандой маленьких воришек, чтобы обеспечить свое существование. В ней мы находим примеры тех критических моментов, которые формируют личность ребенка и в которых закладываются основы будущего взрослого человека. Окружающая среда заселена родителями, прародителями, родственниками, соседями, учителями, сверстниками, и все они решают, какие ценностные системы оказывают наиболее сильное влияние на ребенка. Все это неразрывно связано

с физической и эстетической организацией пространства и образует *общий характер окружающей среды*, в которой растет и развивается дитя человеческое.

Географические условия оказывают большое влияние на социокультурное содержание окружающей среды. Маленький эскимос вырастает в совершенно иной среде, чем член племени намбикваров в бассейне Амазонки; маленький полинезец видит совершенно иную флору и фауну, чем мальчик, выросший, скажем, в плодородной равнине реки Лабы. Этнокультурные различия проявляются не только в типе жилья, в ином составе пищи, в одежде, верованиях, обычаях и традициях, в различной композиции пространства дома, но и в формах родительской заботы о детях.

Патриархальное общество направляет мужское население к твердому усвоению традиционных стереотипов поведения и полному использованию пространства. Если бы позволял объем книги, то мы могли бы показать, как в разных этносоциальных группах доминирование мужчин закреплено в культурной традиции определенными стереотипами поведения, что проявляется, к примеру, в принятии пищи, способе сна, обеспечении основных жизненных потребностей, в общих представлениях об окружающей среде. Роль женщины также определяет строгие предписания, касающиеся не только словесной формы обращения с ребенком, но и организации пространства, ритма повседневной жизни, который отражает естественные процессы.

Детей обучают пониманию пространства, в восприятии которого четко проявляются особенности, присущие окружающей среде, диалектически связанные с реальной системой координат жизненной среды. Из множества примеров мы приведем только один. Индейскому племени снуков, ведущему кочевой образ жизни, нужны сильные охотники, активные мужчины, которые могут долго преследовать добычу. (Так было до тех пор, пока и в их края не пришла цивилизация, вершиной достижений которой стал бифштекс, упакованный в целлофан и готовый для приготовления в гриле.) Мужское потомство у снуков с малых лет готовили к быстрым и резким двигательным действиям, к визуальной точности, к терпению и готовности переносить тяготы походной

жизни. Матерн, лишая их грудного молока, быют «милосердно» малышей по лицу, что в сущности является некоторым тестом, ибо пощечины не должны быть чисто символическими, они должны вызывать и боль. Если ребенок начинает плакать, мать этому радуется и приговаривает: «Из него выйдет хороший охотник и воин». Игры детей суксов однозначно направлены на активное освоение значительного пространства, что вызвано условиями их жизни.

Окружающая среда определила стиль воспитания и у индейцев племени юроки. Они живут на западном побережье Северо-Американского континента, занимаются рыболовством в устьях рек, впадающих в Тихий океан. В их трудовой деятельности не нужна быстрота, чрезмерная активность, переходящая в агрессивность. Рыбаки, ловящие лосося, понимают, что богатая добыча зависит не от их ловкости, а от цикличности нереста рыбы. Поэтому у мальчиков воспитывают терпение, умение обращаться с рыбацкими снастями, стремление к познанию природы, чтобы точно предсказывать появление рыбы в тех местах, где они ее ловят. Маленькие представители племени юроков во время принятия пищи должны молчать и представлять себе удачную ловлю рыбы на крючок. Магией подражания, убеждением детей в том, что мысленное воспроизведение процесса ловли рыбы обеспечивает успех реального процесса, взрослые добиваются нужного результата.

Перед нами примеры разного подхода к воспитанию мальчиков. Аналогию этому в представлениях и привычках европейцев найти трудно, ибо у них цивилизация подавила воспитанное многими поколениями чуткое отношение к природе. Мы привели эти примеры, чтобы показать решающее влияние среды обитания на воспитание детей.

Существуют ли общие социальные знаменатели влияния окружающей среды на рост и развитие детей? Из изложенного следует, что это влияние весьма многообразно. Можно ли сделать какие-либо общие выводы? Попробуем это сделать. Приведенные примеры о решающем влиянии окружающей среды на развитие и формирование взрослого следует понимать как дополнительные иллюстративные материалы. Они указывают на роль окружающей среды в успешном воспитании индивида и развитии его генс-

тических данных. Ввиду недостаточного объема книги они изложены несистематично.

Как встретить новорожденного? Мы указывали выше, что первой окружающей средой человека служит материнское лоно. После рождения важнейшим условием является непрерывный контакт ребенка с матерью. Это инстинктивно понимает каждая мать, и все культуры в истории человечества считались с этим фактом. Но с появлением современной медицины в техницированном европейском мире появилось нечто совершенно иное. Дети рождаются в роддомах, и там новорожденный очень рано попадает в атмосферу обезличенности. Он получает свой номер, и его на довольно длительное время отнимают от матери, принося только для кормления. Лишь совсем недавно появилась концепция «румминг-ин». За этим англоязычным термином скрывается древнейшая мудрость акта рождения и ухода за ребенком: новорожденный должен быть с матерью постоянно. Удивителен тот факт, что столь естественная ситуация должна была быть «вновь открыта и обоснованна». Первой средой обитания ребенка после его первого вдоха должны быть руки матери, это важнее всего.

Развивать доверие к жизненной среде. Давно ушли в небытие те времена, когда считалось, что грудной ребенок является пассивным существом. В процессе многочисленных исследований доказано, что новорожденный ребенок с первых дней своего появления *активно ищет побудительные импульсы*. Конечно, целый ряд импульсов он воспринимает пассивно, тем не менее уже очень скоро он может различать акустические и визуальные импульсы, идущие к нему из окружающей среды. Еще раньше он начинает четко различать запахи, ведь уже спустя несколько дней после своего появления на свет он может узнать мать по запаху, присущему только ей. Бесспорным является и то, что он очень рано запоминает значение многих импульсов, требует их для удовлетворения своих потребностей, начиная от поиска соска материнской груди и кончая бутылочкой с питательной смесью. Попробуем передвигать перед грудным ребенком различные предметы, и он тут же с большим интересом начинает их разглядывать, ощу-

пивать и, главное, проверять своими рецепторами в области рта, губ.

Рекомендуем читателям ознакомиться с книгой: *Znamenáček K. Nemluvnata. Praha; Avicennum, 1976.* Этот эрудированный автор вложил в книгу свой многолетний опыт общения с новорожденными, и после знакомства с ней у вас не будет сомнений в том, что дети по восприятию импульсов жизненной среды резко отличаются друг от друга сразу же после рождения. Грудные дети очень рано проявляют интерес к различным объектам, притом без какого-либо утилитарного смысла, ожидания награды или похвалы.

При активном освоении окружающего мира ребенок получает самое важное, что необходимо для его здорового развития и роста, — *основополагающее доверие к миру*: уверенность в том, что мир, окружающий его, является стабильным в пространстве и времени, гарантирует ему эмоциональный отклик и обеспечивает его биологические потребности. У грудного ребенка нет иной возможности привлечь внимание взрослых на его потребности, чем крик, причем кричит он в такой тональности, что всегда разбудит взрослого. До двух лет на расстоянии двух метров детский крик обладает такими же децибелами, как и циркулярная пила на том же расстоянии. Постепенно грудной ребенок начинает понимать, что среда, в которой он родился, есть его среда, что он так же законно принадлежит к ней, как и те большие «демиурги», совершающие чудо и удовлетворяющие все его потребности. Это главное доверие к миру, которое можно понимать как *основополагающее доверие к окружающему пространству*.

Однако у новорожденных и грудных детей, от которых отказались родители, а также у детей, находящихся в детских приемниках, возникает недоверие к миру, к окружающему пространству. Несмотря на то что общество старается сделать максимум для удовлетворения потребностей таких детей, создать у них доверие к миру, в котором они живут, такие дети страдают определенной эмоциональной ушербностью, которая преследует их практически всю жизнь: мир кажется им враждебным, какой-то чужой планетой, где ходят как бы за стеклянным барьером не понимающие друг друга люди. Ранняя оторванность от

родителей порождает психопатологические явления, оказывающие большое влияние на формирование личности эмоционально обедненного существа, которое не может найти необходимую для нормального развития среду.

Не допускать страдания! Термин «депривация» означает недостаток чего-либо очень важного, невозможность удовлетворения потребностей. Например, депривация чувств может быть осуществлена в лабораторных условиях. Несколько добровольцев согласились провести определенное время в изолированном помещении, куда не проникают никакие импульсы. Спустя некоторое время участвующие в этом эксперименте впадают в депрессивное состояние. Затем наступают изменения в психике, которые могут достигнуть такой степени, что у человека возникают галлюцинации, имитирующие отсутствующие импульсы. Это говорит о том, насколько среда со всеми ее импульсами важна для здоровья человека. Под материнской и эмоциональной депривацией мы понимаем полное отсутствие той первой формирующей окружающей среды, которую создает мать и продолжением которой является семья.

Известны случаи полной депривации детей, выросших в лесах среди зверей. Их судьба была далеко не столь счастливой, как у Маугли. В период Великой французской революции был найден дикий мальчик из Авсрона, которого взял к себе доктор Франсуа Итар. С раннего детства этот мальчик жил в лесу, говорить не мог, ел сырое мясо и человеком так и не стал. Много писалось также о приключениях двух индийских девочек — Камалы и Амалы, найденных в джунглях, где они жили с волками. Их так и не удалось научить говорить, они не принимали теплую еду, ходили на четвереньках. Одна из сестер вскоре умерла, но другая не смогла стать полноценным человеком. Она не смогла восполнить в своем развитии то, что утратила в раннем детстве. И еще один случай подобного порядка. В 1977 г. в Калифорнии найдена была девочка, которую ученые называли Женни. Она родилась в семье психически больных. Отец кормил ее только консервами для собак, держал в темной клетке, часто связанной. Всякое проявление недовольства с ее стороны жестоко каралось. Немно-

гому ее удалось научить после освобождения из-под власти отца. Усвоила всего два слова и некоторые основные человеческие потребности.

Эти случаи свидетельствуют о важности для детей подлинно человеческой окружающей среды. И если в психическом развитии ребенка упущен определенный критический момент, то позже сделать уже ничего не удастся. В этой связи перед экологической психологией и психологией развития встает важнейшая задача: *определение оптимальной окружающей среды для здорового и гармоничного развития человека*. При этом нужно провести оптимальный отбор стимулов, которые предлагает среда, по количеству и качеству. Недостаток импульсов ограничивает развитие ребенка по всем направлениям, а перенасыщенная среда с хаотической организацией стимулов его дезориентирует.

Поддерживать игру в окружающем пространстве. Как только ребенок выйдет из колыбели и начнет следующую фазу своего открытия мира в движении, количество импульсов возрастает в геометрической прогрессии, возникают первые проблемы, которые начинаются уже с познания силы земного притяжения. Ребенок покидает свою постель и манеж и постепенно открывает для себя все новые пространства, в результате чего его окружающая среда все больше расширяется и обогащается. Притом эту новую окружающую среду ребенок открывает в процессе *игры*.

О сущности игры ребенка написано достаточно много. Мы же рассмотрим только значение игры в овладении ребенком окружающим пространством в процессе его развития и проблему оптимального пространства, которое способствовало бы развитию игры или подавляло бы ее. Кроме того, обратим внимание на различие в играх мальчиков и девочек, которое определяется разным пониманием ими организации пространства и окружающей среды. И наконец, рассмотрим проблему детских игровых площадок.

Детскую игру можно воспринимать как стремление развивающегося Я синтезировать имеющийся жизненный опыт, с тем чтобы быть готовым выполнить следующие, более сложные задачи. Каждая игра проходит в жизненной среде. Иногда для этого

нужно совсем немного. Давайте вспомним одну сцену из «Приключений Тома Сойера». По приказу тети Том вынужден красить забор. В это же время приятель Тома Бен Роджерс увлечен игрой, изображает вершину тогдашнего развития техники — пароход «Большая Миссури». В действительности Бен вовсе не изображает пароход, в момент игры он им является. Он одновременно и капитан, и команда, и сам пароход, и пристань. Все это происходит на широком лугу, который в этот момент должен быть рекой. Бен играет в пароход до тех пор, пока хитрый Том не превращает свое наказание в игру, вовлекая в нее Бена. Это обнаруживает в нем своего рода психолога.

Растущим детям нужна игра, так как процесс роста ребенка как бы разделяется на несколько частей, в которых он развивается неодинаково. У мальчика возникают проблемы овладения еще не очень крепким телом и недостаточно развитым мышлением. Временную победу над телом и мыслью обеспечивает ему игра: в случае с Беном мы видим хорошо функционирующее целое, где есть свой мыслительный центр (он изображает и капитана), четкое движение (он же машина и сигнальная система), владение всем корпусом (Бен изображает пароход в целом). Он сам себе и хозяин, так как слушается только самого себя. Он избрал образ из мира техники своего времени и отождествляет себя с идеалом мужчины. Прототипы Бена есть и сегодня, и тысячи их играют, изображая различные технические достижения своего времени, с помощью которых *овладевают окружающим пространством*.

Игру можно понимать и как попытку синхронизации физических процессов, духовного развития и социального формирования личности ребенка на фоне окружающей среды. Самые разные детские игры, основанные на имитации и всем известном «как будто», являются не чем иным, как овладением реальностью, т. е. окружающей средой, на грани фантазии и действительности. В этом смысл игры, о которой Платон сказал, что она выступает потребностью всех детей. Ее проявлением является детская непосредственность, *потребность проникнуть в пространство и таким путем ознакомиться с ним*, а в широком понимании — с окружающей средой, так как для игр нужна какая-нибудь площадка, которую опять-таки можно

найти только в окружающем пространстве, т. е. в окружающей среде.

Как выглядит, хотя бы в кратких чертах, развитие детской игры в ее взаимосвязи с пространством жизненной среды?

Детская игра начинается с овладения собственным телом. Ребенок изучает самого себя путем различных движений и реакций. В этом процессе он исследует все части своего тела. По существу это — первое детское путешествие, которое он чаще всего осуществляет во время игры с матерью. Она, несомненно, является первой ориентацией ребенка в мире. Вторая фаза игры развивается в микросфере — в малом мире игрушек; здесь поблизости всегда есть безопасная пристань, руки мамы. Именно через игру, происходящую в пространстве, ребенок знакомится с миром предметов, у которого есть свои закономерности. Если ребенок разочарован микросферой игры, он переходит от исследования окружающего пространства к исследованию своего внутреннего мира, сосет пальчики, спит. И наоборот, если первые выходы в мир вещей и в его маленький сектор жизненной среды успешны, то появляется чувство уверенности, гордости за овладение окружающим миром. И наконец, в дошкольном возрасте, когда ребенок уже владеет своими двигательными способностями, он завоевывает макросферу, мир, который он разделяет с другими. Таким образом, игра открывает для него мир в полном смысле слова.

В плане экологической психологии детская игра является начальной формой всеобщей способности людей *создавать модельные ситуации в рамках жизненной среды*. Это в сущности детская форма овладения человеком реальностью с помощью эксперимента. Игра мотивируется любопытством и активной сущностью человека. В игре ребенок лучше всего познает структуру пространства и особенности жизненной среды. С большим успехом дети познают растения во время военных игр на природе, а не за школьной партой на уроках биологии.

Можно с уверенностью сказать, что любая окружающая среда вызывает у детей желание играть. Ведь дети в своей фантазии могут наделять и самую неприглядную среду чем-то таинственным, в чем они испытывают потребность. С этой точки зрения мож-

но констатировать, что окружающая среда может или *способствовать играм, или препятствовать им, или быть нейтральной*. Побуждающей средой, которая помогает в играх, можно считать хорошо оборудованные игровые площадки, которых, впрочем, очень мало. Самый хороший стимул к играм дает сама природа, имеющая тысячекратное преимущество перед любым гимнастическим залом. Способствующей игре средой является такая, которая дает широкую возможность двигаться, не ограничивает ребенка в пространстве и предоставляет всевозможные предметы для использования их в игре. Мы знаем, что в своих играх дети любят различные старые предметы, заброшенные сельскохозяйственные машины, валяющиеся на полях, возможность лазить (но вовсе не через металлические решетки на игровых площадках, а в старых сараях), места, где можно спрятаться и внезапно появиться. Перечень таких мест или вариантов можно было бы продолжать до бесконечности.

Препятствующей играм окружающей средой может быть такая, которая наполнена чисто функциональными предметами. Примером монотонной среды является скопление панельных домов. Среду, предназначенную только для серьезных занятий взрослых, представляют, например, магазины. Нейтральной средой является такая, где игра в принципе могла бы происходить, но по разным причинам это невозможно, скажем, на улице с движущимся транспортом, в больнице и т. д.

Различия между девочками и мальчиками в понимании среды. В детской клинической психологии игру используют в качестве диагностического инструмента, раскрывающего психическое состояние детей. Есть, например, «тесты мира» или «тесты села», которые состоят из множества предметов для игр: домиков, машин, деревьев, фигурок, т. е. представляют среду обитания в миниатюре. Дети из представленных им предметов создают какие-то сцены или композиции, а психолог делает в соответствии с этим свои выводы.

В пространственной игре маленьких детей четко проявляются половые различия. Это тоже представляет большой интерес в смысле изучения процесса

овладения детьми жизненным пространством. Автором одной диагностической игры является американский детский психолог Эрик Эриксон. Дети в дошкольном возрасте и в первые школьные годы играют, по его мнению, не с такими предметами, которые изображают конкретные вещи, а с простыми игрушками в виде куба, пирамиды, конуса, с маленькими фигурками обоих полов. Это — не сложные детские игрушки, а простые объекты, которыми дети заполняют пространство перед собой. Задачей их является составить какую-нибудь композицию, а потом рассказать в связи с этим какую-то историю, т. е. как-то оживить композицию.

Очень важно, как дети организуют свободное пространство перед собой, как бы демонстрируя тем самым свой внутренний мир. Все предметы, которые предоставил детям психолог, имели какие-то универсальные характеристики, связанные с данным пространством: одни конструкции были высокими, другие простирались на поверхности стола и т. д. Эриксон очень скоро заметил, что *между игрой мальчиков и девочек существуют четко различимые особенности в организации и использовании пространства*, что похожие композиции и темы рассказов, связанные с ними, на удивление часто повторяются у мальчиков, в то время как девочки создают такие композиции очень редко. Мальчики отдают предпочтение композициям на сельскую тему. Строят дома, улицы, мосты. Показывают передвижение животных и фигурок в открытом пространстве. Обожают всякие аварии. Дома строят в высоту. Возводят высокие башни с крышами из конусов. Их постройки четко демонстрируют некоторую экспансию вовне. При этом они используют меньшее количество фигурок и животных, чем девочки.

Резким контрастом являются композиции девочек. Они подчеркивают прежде всего интерьеры домиков. Как правило, их композиции представляют пространства, окруженные стеной. Кроме того, они используют больше фигурок и животных. Часто строят даже вход в эти домики, у которых обычно ставят мужские фигурки или животных.

Из сказанного можно сделать вывод, что в композициях мальчиков преобладает высота, экспансия во внешнее пространство, резкое движение и его внезап-

ная остановка. У девочек доминируют статические интерьеры. Однако из этого не следует, что «мальчики любят бои, а девочки — накрывать на стол». Именно так поняли опыты Эриксона его противники, интерпретировавшие их как нападки на эмансипацию женщин. Результаты этой диагностической игры, которая основана на *структурировании модели окружающего пространства*, ничего не говорят о преимуществе пола и не дают никакой возможности для оценки. Эта игра показывает *противоположность внешнего и внутреннего пространства* при создании окружающей среды, в данном случае моделированной в форме детской игры. Различия в организации игрового пространства четко отражают видимые различия в физической организации полов. Анатомия проявляется и в характере игры: в то время как мальчики склонны к захвату и подчинению внешнего пространства, овладению его движением, игра девочек является прообразом их будущей деятельности во внутреннем пространстве. Склонность к заботе о внутреннем пространстве, его культивирование открывает в девочке будущую женщину, мать, заботящуюся о детях.

Противостояние внешнего и внутреннего пространства следует понимать как противоположные полюсы широкого спектра, между которыми есть постепенные переходы. Девочки тоже проникают во внешнее пространство, а мальчики в свою очередь строят сложные интерьеры. Это вы можете наблюдать и на примере собственных детей. Понятие «внутреннее — внешнее» давно было известно производителям игрушек. Игрушки для мальчиков конструируются с расчетом на передвижение в пространстве, овладение внешним пространством, экспансию, борьбу, исследование. Они представляют собой средства, стимулирующие в различных вариантах такую активность. Можно сказать, что склонность к наступательным действиям во внешнем пространстве символически как бы определяет устремленность к использованию источников окружающего пространства. Игрушки для мальчиков и девочек по традиции *четко различаются*.

Указанные различия в использовании пространства детьми во время игры вызывают споры и дискуссии. Некоторые исследователи считают, что путем

детских игр происходит только подготовка к традиционной социальной роли, что эта роль им попросту внушается. В действительности же, подчеркивают они, в настоящее время никаких различий по половому признаку в играх не существует, а если они и проявляются, то создаются искусственно или представляют пережиток прошлого. Никто этого не отрицает. Но ведь нельзя отрицать и того, что женщины и мужчины резко отличаются друг от друга. И слава богу! Я с ужасом думаю о том, что мужчины и женщины могли бы быть похожими друг на друга — ничего страшнее и придумать нельзя.

Равноправие между ними и психологические различия — вещи совершенно несравнимые. Мы не знаем, как отражается различная пространственная организация, отчетливо видимая в детском игровом моделировании окружающего пространства, на отношении взрослых к среде обитания. Тем не менее интуитивно можно кое-что утверждать: у мужчин есть тенденция к овладению окружающим пространством. Женщины склонны больше к организации окружающего пространства, его украшению. Опосредованно об этом же говорят и многократно документированные в процессе исследований психологические различия между полами в области производительности труда, доказанные на большом статистическом материале.

Мужчины лучше видят днем. У мужчин более быстрая реакция, чем у женщин, они быстрее воспринимают и отвечают на важные сигналы. Мужчины более ловки и изобретательны. Они могут использовать различные инструменты помимо их прямого назначения. Уже с детства их больше интересуют предметы и машины, чем другие люди. Мужчины лучше выполняют задачи, которые требуют пространственного видения; более способны к математике, к четкому абстрактному мышлению. Математические способности мужчин связаны с сильнее развитым восприятием пространства, поэтому они лучше женщин решают задачи по геометрии и тригонометрии. В то же время мальчики легко возбудимы, что отражает их склонность к взрывному поведению, а это в свою очередь выражается в их действиях в окружающей среде.

У женщин проявляется четко склонность к овла-

дению внутренним пространством. У них более тонкий вкус, чем у мужчин. Они лучше различают материалы и формы, лучше слышат, более резко реагируют на шум, чем мужчины, может быть, и потому, что они больше были заняты во внутреннем пространстве. Женщины видят лучше в сумерках и ночью. С раннего детства они проявляют большие способности в овладении речью и вообще обладают хорошими способностями к общению. Быстрее научаются читать, составлять из букв слова. В дискуссиях проявляют быструю реакцию, но по части обобщений уступают мужчинам. Для женщин характерна грациозность движений, обусловленная лучшей способностью к координации, что более всего проявляется в организации внутреннего пространства, придании ему только женщине присущего шарма. Женщины больше интересуются другими людьми, их проблемами, более чувствительны в социальных контактах, могут лучше понять другого. Больше внимания уделяют звукам и могут тоньше воспринимать их эмоциональную окраску. Указанные различия доказаны многочисленными статистическими данными.

Доказано, что мужчина может печатать на машинке быстрее, чем 90 его конкурентов из числа женщин, а женщина в свою очередь может работать на сложнейшем станке не хуже мужчины. Внешнее и внутреннее пространства смыкаются в вечной диалектике обоих полов. При зачатии нового существа, его рождении внешнее и внутреннее соединяются. Нам остается только пожелать, чтобы внешнее и внутреннее столь же плодотворно соединялись и *при решении экологических проблем окружающего пространства*, чтобы учитывалось состояние как внутреннего пространства, так и внешнего, природы, которой угрожает само развитие человеческой цивилизации.

Как построить детскую площадку? Рассмотрим вкратце тему детских площадок. Ее любят все, кто занимается организацией окружающего пространства, так как именно здесь они могут применить свою фантазию и творческие возможности.

В природном и сельском окружающем пространстве детские площадки никто не строит, поскольку здесь пространство само по себе дает достаточно

возможностей для проявления детской игровой фантазии: дети сами выберут пространство и организуют в нем игру.

В городах ситуация в этом отношении более сложная. К сожалению, в городах становится все меньше пространства для детских площадок и мест для проявления детской активности. По мнению урбанистов, старые городские центры нужно законсервировать, а сооружение детской площадки нарушило бы их композицию. В новых микрорайонах ситуация в этом отношении более благоприятна, но и там детских площадок не так уж много. Но дело не в их количестве, а скорее в их пространственной наполненности. К сожалению, как правило, на детской площадке мы в лучшем случае сейчас увидим песочницу, «горку» и несколько сомнительной с точки зрения безопасности ценности металлических конструкций для лазания. Иногда есть еще лавочка для уставших мам. От таких площадок веет унынием и тоской. Конечно, для совсем маленьких достаточно и песочницы, их фантазию она полностью удовлетворяет. Ну а дальше? Скучные металлические конструкции, на которых в лучшем случае можно сделать несколько гимнастических упражнений. Такие площадки, естественно, детей старшего возраста уже не привлекают. Детская площадка в таком виде не возбуждает никакой фантазии, более того, она лимитирует действия ребенка.

Теоретически пространство для детских игр должно отвечать двум основным требованиям: доступности и наличию побудительных моментов. Под доступностью понимается небольшое расстояние от дома, которое ребенок может преодолеть, не подвергаясь никакой опасности. Побудительные моменты — это импульсы, которые стимулировали бы детей на поиск чего-то постоянно нового в играх. Именно это на большинстве детских площадок отсутствует, поэтому более или менее самостоятельные дети ищут применения своей фантазии на улице, стройке, в брошенных домах и т. д.

Исходя из этого, детские игровые площадки разделяются в последнее время на традиционные и нетрадиционные. Традиционные нам слишком хорошо известны, они пригодны только для самых маленьких. Нетрадиционные игровые площадки должны были бы включать нечто такое, что позволяло бы де-

тям старшего возраста развивать здесь свою фантазию, страсть к приключениям. Организация пространства должна была бы предоставить возможности для многовариантных игр. Здесь следовало бы применять в качестве строительного материала песок, дерево, кирпич, использованные шины, старые вагончики. Одним словом, нужно создавать более сложное и безопасное пространство, где может быть реализована склонность ребенка что-то для себя открывать, применять свою фантазию в организации пространства, становиться героем придуманных им приключений. В каждой игре есть свой риск, но дети, придумывающие их, как правило, сами подсознательно устанавливают границы безопасного.

Наряду с этим нетрадиционные игровые площадки должны были бы иметь и *свободно определяемые элементы* — своеобразные пространственные переменные в рамках игровой площадки, которые давали бы простор изобретательству, открытиям. Детская площадка должна быть комплексной, чтобы она могла дать ребенку намного больше возможностей, чем улица. Не следует забывать о том, что начиная с шести—семи лет дети уже отдают предпочтение реальному миру и не принимают организованного игрового пространства.

В последнее время много спорят о противоречии между жестко организованными и свободными детскими площадками. Появляются проекты «идеальных игровых площадок», которые столь же нереальны, как и идеальные города. Путь от проекта до его осуществления всегда весьма сложен. Однако уже появляются детские площадки новой конструкции, которые своей усложненностью привлекают детей длительное время.

Мы уже указывали, что самым лучшим пространством для детских игр является сама природа. Нужно только некоторое вмешательство человека, и природный потенциал в этом отношении будет только усилен. Такую возможность предоставляют спортивные площадки с различными снарядами, расположенные в «ареале здоровья», т. е. на природе, в естественном окружающем пространстве. Это может быть также «тропа здоровья», на которой дети не только играют, но и учатся бережно относиться к окружающей природе.

Заключение

Мы попытались осветить психологическую сторону отношения человека к окружающей среде. Экология имеет также социальный характер, обусловленный общей взаимосвязью человеческого общества и окружающего пространства. Экология как наука об окружающей среде должна была бы учитывать и психологические аспекты отношения человека к среде. Экология наглядно продемонстрировала, что миф о простых причинах сложных комплексов есть только миф, и не более, поэтому не следует ни упрощать экологические стороны психики человека, ни тем более забывать о них.

Изучая океан человеческих действий с его ритмом приливов и отливов различных проблем, мы отмечаем и различия в движении волн, связанные с окружающим пространством. Жизнь протекает в определенной жизненной среде, и действия людей неизбежно связаны с этой средой. Структура жизненной среды определяет и вид деятельности человека, хотя это может быть деятельность, преобразующая среду. Установив все стороны, направления влияния окружающей среды на действия человека, мы сможем определить будущую форму взаимных отношений людей с окружающей средой. Крайне необходимым для цельного познания таких отношений является изучение среды с точки зрения ее психологического влияния на человека.

Экология включает также этические аспекты отношения человека и общества в целом к окружающей среде, которые являются составной частью психологических отношений к окружающей среде. С точки зрения охраны природы и взаимодействия человека с окружающей средой потенциально опасны слепой технократический оптимизм, надутый экологический пессимизм и позиция потребительской апатии, отказывающейся учитывать экологические проблемы. Мы живем в такое время, когда нужно предпринимать значительные усилия для решения проблем, связанных с организацией окружающего про-

странства. Вклад психологии в экологию заключается не только в том, что она изучает отношение человека к окружающему пространству, но и в том, что она раскрывает возможность оказывать положительное влияние на это отношение. Мы создаем окружающее пространство не только для настоящего момента, но и для будущего, когда оно (включая охрану природы) будет окружающим пространством наших детей и детей их детей. Поэтому психология окружающей среды может сыграть важную роль в решении экологических проблем.

На примере некоторых сфер человеческой деятельности в жизненной среде мы попытались показать, как психология во взаимодействии с экологией может способствовать появлению новых экологических ценностей. Экологической психологии как особого предмета еще нет, но уже появились первые попытки синтезировать эти два научных направления. Однако конкретное применение данных психологии к решению экологических проблем и созданию жизненной среды находится еще в зачаточном состоянии.

Я не могу еще дать окончательного ответа на вопрос «Что делать?», так как только будущее откроет возможности и границы применения данных психологии для охраны и организации окружающей среды. Пока же я могу только сказать следующее: *нужно развивать и обогащать экологическое сознание человека с учетом данных психологии.*

Конечно, я не мог исчерпать в книге все аспекты взаимосвязи экологии и психологии. Я только вкратце коснулся психологического аспекта отношения человека к природе*. Мною сделано всего лишь несколько замечаний о психологии принятия решений в организации окружающего пространства. Мне хотелось бы обратить внимание читателей на отношения между экологией и психологией, изложив свои размышления в форме эссе. Мне кажется, что в этой области наряду с антропоэкологией, гуманной географией, социальной экологией открываются новые возможности для выявления проблематики окружающей среды. Страницы этой книги могут стать информацией к серьезному размышлению над новыми проблемами.

* Martiš M. Krajina — optimalni varianta. Praha, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

	Вступительная статья	3
	Предисловие	25
I. Введение		27
	1. О необходимости экологии	—
	2. Психология и экология	31
	3. Отношение между психологией и экологией	41
II. Восприятие жизненной среды		46
	1. Введение	—
	2. Окружающая среда как источник информации	57
III. Окружающая среда и межчеловеческие отношения		110
	1. Влияние среды на социальное взаимодействие	115
	2. Территориальное поведение человека	125
	3. Проблема «перенаселения»	142
	4. Экологическая психология личного пространства	152
IV. Жизненная среда и дети		155
	Заключение	174

Научная

Михаил Черноушек

**ПСИХОЛОГИЯ
ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ**

Редактор В. Е. Викторова

Младший редактор О. А. Рябенко

Оформление художника В. Лукина

Художественный редактор Г. М. Чеховский

Технический редактор Т. Г. Сергеева

Корректор Л. Ю. Ласькова

ИБ № 3702

Сдано в набор 28.09.88. Подписано в печать 07.12.88. Формат 84×108¹/₃₂.
 Бумага типографская № 2. Печать высокая. Литературная гарнитура.
 Усл. печатных листов 9,24. Усл. кр.-отг. 9,46. Учетно-издательских
 листов 9,51. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1389. Цена 55 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

1-я типография Профиздата, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.